АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 6

ТАШКЕНТ — 1965

Василию Афанасьевичу
Шишкину
к семидесятилетию
ученики и друзья

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОННИНГ МОДДИЙ МАДАНИЯТИ ТАРИХИ

6-КИТОБ

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЁТИ

ТОШКЕНТ • 1965

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ · 1965

902,6
И 90

Сборник посвящен новым исследованиям и открытиям археологов на территории Узбекистана и охватывает материалы от древнекаменного века до памятников материальной культуры недавнего прошлого. Читатель найдет в сборнике, помимо данных об археологических исследованиях, статьи нумизматического и историографического характера.

Книга рассчитана на историков, археологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений и учителей истории средних школ.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Б. В. ЛУНИН

ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ШИШКИН КАК УЧЕНЫЙ-АРХЕОЛОГ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

(к 70-летию со дня рождения)

11 января 1964 г. исполнилось 70 лет со дня рождения известного советского археолога и исследователя исторических судеб Средней Азии, руководителя сектора археологии Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, доктора исторических наук Василия Афанасьевича Шишкина.

Своей без малого сорокалетней деятельностью на научном поприще В. А. Шишкин по праву стяжал себе общее признание в качестве одного из знатоков памятников древности Средней Азии (преимущественно Узбекистана), особенно памятников эпохи средних веков. Его имя неотделимо как от истории развития археологических изысканий на территории советской Средней Азии, так и от истории организации научно-исследовательской работы в этом направлении.

Поучительно проследить жизненный путь В. А. Шишкина — ученого и общественника.

Родился В. А. Шишкин 29 декабря 1893 г. в селе Спасо-Талицком Орловского уезда Вятской губернии (ныне Орловский район Кировской области) в семье сельского учителя (в последующем — делопроизводителя сельскохозяйственного стола Вятской губернской земской управы).

По окончании в 1914 г. вятского реального училища В. А. Шишкин начал свою педагогическую деятельность в Вятской же губернии в скромной должности учителя Сюмсинского высшего начального училища по классу черчения и рисования, но вскоре (в сентябре 1915 г.) был призван в качестве ратника ополчения в армию, где и служил сначала рядовым, а затем был направлен курсантом в Казанское военное училище. По окончании ускоренного курса названного училища В. А. Шишкин служил в чине прапорщика в 106 Запасном пехотном полку в Вятке, а затем в 19 Заамурском пограничном полку (юго-западный фронт).

После демобилизации В. А. Шишкин вернулся к своей прежней педагогической работе в Сюмсинском училище, но уже в августе 1918 г. был призван в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и последовательно занимал должности командира роты территориального полка, командира роты командно-инструкторских курсов, инструктора военного дела и т. п. В марте 1921 г. В. А. Шишкин был направлен в Туркестан для работы в Сырдарьинском областном военном комиссариате и в отделе всеобуча ТуркВО (Ташкент).

В 1921—1926 гг. В. А. Шишкин учился в Туркестанском Восточном институте, преобразованном в последующем в восточный факультет Среднеазиатского государственного университета. В те годы в институте (на факультете) сосредоточились научно-педагогические кадры высокой квалификации (М. А. Андреев, Н. Г. Маллицкий, Е. Д. Поливанов, А. А. Семенов, И. И. Умняков и др.). Отдельные курсы читались В. В. Бартольдом[1].

С 1923 г. до 1925 г. В. А. Шишкин работал преподавателем в Ташкентском женском институте просвещения.

В 1926 г. В. А. Шишкин окончил Восточный факультет САГУ по иранскому разряду. Надо отметить при этом, что, находясь еще на студенческой скамье, В. А. Шишкин активно участвовал в деятельности научно-студенческого кружка, выступал на его заседаниях с докладами и сообщениями. В марте 1925 г. он был направлен в качестве практиканта в Самарканд, где впервые вел раскопочные работы на одном из участков городища Афрасиаб под руководством известного самаркандского археолога-краеведа Василия Лаврентьевича Вяткина, жизни и деятельности которого В. А. Шишкин посвятил потом свою специальную статью (1963 г.). В 1925 же году появилась и первая научная работа В. А. Шишкина «О названиях ташкентских махалля» (см. указатель его печатных произведений).

С 1925 г. начинается собственно научная и научно-организационная деятельность Василия Афанасьевича в качестве научного сотрудника Средазкомстариса (в последующем Узкомстариса). До марта 1940 г. он работал в Ташкенте, за исключением периода с 1928 по 1936 г., когда В. А. Шишкин работал в Бухаре в качестве Уполномоченного Узкомстариса по Бухарской области и Председателя Бухкомстариса.

---

[1] Ср. Б. В. Лунин. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии. Очерки по истории русского востоковедения, VI, М., ИВЛ, 1963, стр. 302—346.

Эту свою деятельность В. А. Шишкин систематически сочетал с полевыми исследованиями археологического и историко-архитектурного характера. Так, в 1927 г. им велась работа по выявлению и предварительному изучению археологических и архитектурных памятников западной части Ферганской долины. С 1928 по 1936 г. в орбите внимания В. А. Шишкина находились преимущественно историко-архитектурные памятники города Бухары, Бухарской и Кашкадарьинской областей, причем в 1935 г. им была выполнена работа по исторической топографии Бухары и ее архитектурных памятников, а в 1934—1935 гг. — работы по установлению направления древней оборонительной стены Бухарского оазиса, известной под названием «Кампыр-дивал».

С 1934 г. В. А. Шишкин участвовал в ряде крупных научных экспедиций, в частности в Зарафшанской экспедиции Узкомстариса и Государственного Эрмитажа, возглавлявшейся А. Ю. Якубовским (1934 г.), Термезской археологической комплексной экспедиции, руководимой М. Е. Массоном (1936—1938 гг.), экспедиции Государственного Эрмитажа во главе с А. Ю. Якубовским по изучению городища Пайкенд (1939 г.), Государственной экспедиции (Комиссии) по изучению погребений Тимура и тимуридов в мавзолее Гур-и-мир в Самарканде (1941 г.) и др.

В этот же период В. А. Шишкин сам возглавляет археологические экспедиции (по исследованию памятников Ша-Абду-Малик в Ташкентской области, по археологическому надзору на строительстве Каттакурганского водохранилища и др.), совместно с Г. А. Пугаченковой осуществляет изучение древнего минарета в Джар-Кургане (1938 г.) и т. п.

Начиная с 1937 г. В. А. Шишкин проводит экспедиционные работы в западной части Бухарской области, прежде всего он исследует район древнего орошения, расположенный к западу от современного оазиса, в частности городище Варахша. Работы на этом городище, осуществленные под руководством В. А. Шишкина в 1938 и 1939 гг., привели к обнаружению в процессе раскопок остатков дворца бухар-худатов с замечательными памятниками алебастровой скульптуры и настенной живописи.

Результаты большинства этих исследований нашли свое отражение в печатных публикациях В. А. Шишкина и принесли ему заслуженную известность.

В марте 1940 г. В. А. Шишкин с несколькими другими научными сотрудниками Узкомстариса был зачислен на эту же должность в состав работников Института языка, литературы и искусства Узбекского филиала Академии наук СССР

(УзФАНа), а по организации в 1943 г. Академии наук Узбекской ССР и специализированного Института истории и археологии стал работать в нем в должности старшего научного сотрудника и руководителя отделом (сектором) археологии, бессменно занимая эту должность вот уже в течение 20 лет.

Достойно внимания, что на должность старшего научного сотрудника В. А. Шишкин был рекомендован квалификационной комиссией в составе академика В. В. Струве, члена-корреспондента АН СССР М. А. Андреева, проф. К. В. Тревер, проф. С. Г. Бархударова и других видных ученых.

В мае 1943 г. В. А. Шишкин успешно защитил диссертацию на ученую степень кандидата исторических наук по теме «К вопросу о древней культуре Бухарского оазиса».

С 1944 до 1952 г. В. А. Шишкин работал по совместительству в качестве преподавателя (доцента) Ташкентского государственного педагогического института им. Низами. В. А. Шишкин вел с перерывами преподавательскую работу в высших учебных заведениях с 1923 г. В 1933—1934 гг. он читал курс истории Средней Азии в Бухарском педагогическом институте, в 1943—1945 гг. — лекции по истории древнего Востока и древней истории Средней Азии на историческом факультете Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте.

После окончания Великой Отечественной войны В. А. Шишкин возобновил свою интенсивную археологическую деятельность. В 1944 г. он вел при участии В. А. Нильсена археологические разведки в Гиждуванском и Вабкентском районах Бухарской области.

В числе других, наиболее значительных археологических изысканий В. А. Шишкина следует отметить проводившиеся под его руководством раскопки в районе расположения остатков всемирно известной обсерватории Улугбека в Самарканде (1948 г.). Раскопки эти завершили изыскания, столь успешно проведенные здесь в 1908 и 1914 гг. В. Л. Вяткиным и в 1941 г. И. А. Сухаревым. Итоги раскопок на месте обсерватории были освещены в специальном сборнике статей участников экспедиции, главенствующая часть которого принадлежала публикации В. А. Шишкина.

В 1949 г. В. А. Шишкин возобновил раскопочные работы на городище Варахша и вел их здесь ежегодно до 1953 г. Таким образом, с учетом работ на городище, осуществленных в 1937—1939 гг., проведенная им археологическая кампания по изучению городища Варахша продолжалась в общей сложности восемь лет.

Раскопки на городище Варахша и последующее изучение вещественных материалов из них мы можем считать, в известной степени, делом жизни Василия Афанасьевича.

Его обширная монография «Варахша. Опыт историко-археологического изучения» (35 авт. листов) включила в себя многочисленные отдельные публикации «варахшского» цикла, выходившие в свет в 1938—1960 гг.[2], и дает цельное и всестороннее представление о городище Варахша, его месте и роли в ряду близких ему по времени и характеру средневековых памятников Средней Азии.

Следуя при этом лучшим традициям отечественного востоковедения и археологии (вспомним работы В. В. Бартольда, В. А. Жуковского, А. Ю. Якубовского и других), В. А. Шишкин рассматривает городище Варахша и его древности в самом широком плане с привлечением к анализу вопроса физико-географической характеристики Бухарского оазиса, данных древнейших письменных источников, известий географов, путешественников, историков IX—XII вв. и других материалов.

Цель своего исследования В. А. Шишкин видел в том, чтобы осветить в общих чертах основные линии истории древнего поселения на Варахше, связав ее при этом с историческими судьбами всего окружающего района, следовательно, и всего Бухарского оазиса, а в известной степени и всей Средней Азии.

Подробное описание процесса раскопок на городище Варахша сочетается в исследовании с научной интерпретацией наиболее примечательных находок, причем, говоря словами самого автора, «многолетняя работа по исследованию дворцовых зданий дала возможность разобраться в хаотическом, на первый взгляд, нагромождении разнохарактерных элементов сооружений и твердо установить относительную и абсолютную их хронологию» (V — начало XII вв. н. э.).

Значительную часть своего капитального исследования В. А. Шишкин по праву посвятил стенным росписям и скульптурам варахшского дворца бухар-худатов, рассматривая их в связи с новейшими находками настенной росписи и скульптурных памятников в Хорезме, Пенджикенте, долинах Ферганы и Сурхандарьи. Эти замечательные и во многом уникальные памятники средневекового искусства В. А. Шишкин рассматривает отнюдь не только в узко археологическом

---

[2] Их список (18 номеров) см. в кн.: В. А. Шишкин. Варахша (Опыт историко-археологического изучения). Автореферат докт. дисс., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 33.

плане. Он справедливо видит в них выдающиеся (со своими стилистическими и иными особенностями) произведения народного художественного творчества, а также произведения, дающие живое и образное представление об облике и быте древних обитателей Средней Азии, их идеологических воззрениях (особенно их верхушечной части), о связях Средней Азии, в частности Бухарского оазиса, с другими странами и народами и т. д.

Весьма ценными представляются также общие выводы В. А. Шишкина относительно политической истории Бухарского оазиса времени бытования поселения на Варахше.

Следует особо подчеркнуть, что открытые в процессе раскопок на Варахше, ведущихся под руководством В. А. Шишкина, замечательные произведения древнего изобразительного искусства обратили на себя внимание широкой советской и мировой научной общественности и прочно вошли в научный обиход, чему в немалой степени содействовали публикации В. А. Шишкина по памятникам древности Варахши.

В настоящее время В. А. Шишкин возглавляет работы археологической экспедиции, осуществляющей систематические раскопочные работы на известном городище Афрасиаб (Самарканд).

Таким образом, археологии Средней Азии В. А. Шишкин отдал свыше 35 лет своей жизни.

В 1961 г. В. А. Шишкин успешно защитил диссертацию («Варахша. Опыт историко-археологического изучения») на ученую степень доктора исторических наук.

Сказанное выше не исчерпывает, конечно, всех сторон и аспектов многогранной деятельности В. А. Шишкина как ученого и общественного деятеля.

В его лице мы имеем заботливого наставника молодежи, чуткого и отзывчивого человека, всегда готового прийти на помощь своими советами и консультациями, поделиться богатым опытом научно-исследовательской работы.

В. А. Шишкин — активный участник ряда научных съездов и конференций, среди которых III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии в Ленинграде (1935 г.), Первая Всесоюзная конференция востоковедов в Ташкенте (1958 г.), совещания археологов и этнографов Средней Азии, созываемые Академией наук СССР, и многие другие.

В. А. Шишкину не чужды историографические интересы. Его перу принадлежат очерки по истории археологического изучения Бухарского оазиса, статья о жизни и деятельности самаркандского археолога Василия Лаврентьевича Вяткина и

др. Совместно с С. П. Толстовым, М. Е. Массоном и др. он был автором очерков развития исторических знаний и археологических изысканий в Узбекистане за годы Советской власти.

В. А. Шишкин — один из авторов и редакторов такого капитального издания, как «История народов Узбекистана» и «История Узбекской ССР» (том второй), ответственный редактор нескольких томов Трудов Института истории и археологии АН УзССР по археологии Узбекистана и издаваемых институтом сборников «Истории материальной культуры Узбекистана» (в 1959—1964 гг. вышли выпуски I—V). В. А. Шишкин является также одним из редакторов серии документальных материалов, посвященных русским ученым-исследователям Средней Азии (И. В. Мушкетов, Г. Д. Романовский, Н. А. Северцев, А. П. Федченко), изданных в 1956—1961 гг. Центральным государственным историческим архивом Узбекской ССР.

В. А. Шишкин — талантливый художник-зарисовщик (см., например, его акварельные рисунки в красках с натуры, изображающие персонажей узбекского кукольного театра[3], и многочисленные зарисовки памятников и предметов древности в процессе их обследования и раскопок).

В. А. Шишкин награжден двумя почетными грамотами Верховного Совета СССР и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а в 1951 г. за плодотворную научную и педагогическую деятельность награжден орденом Ленина.

Пожелаем Василию Афанасьевичу Шишкину от имени его соратников по работе и всех его многочисленных друзей новых успехов на поприще изучения исторического прошлого народов советской Средней Азии.

---

[3] В кн. М. Ф. Гаврилов. Кукольный театр Узбекистана, Ташкент, Средазкомстарис, 1928.

СПИСОК

научных работ доктора исторических наук археолога Василия Афанасьевича Шишкина (с 1925 по 1964 г.)[4]

1. **О названиях ташкентских махалля.** Бюллетень Ташкентского новогородского исполкома, Ташкент, 1925, № 4, 5.
2. **Мазары в Занги-ата.** В кн. «В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 165—170, с 3 вкл. л. илл.
3. **Медресе Улугбека в Гиждуване.** Материалы Узкомстариса, вып. 2—3, Ташкент, 1933, стр. 11—18.
4. **Из опыта Бухкомстариса по охране памятников материальной культуры.** Журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л., 1934, № 11—12, стр. 114—120.
5. **Археологическое обследование мечети Магоки-Аттари в Бухаре.** Журн. «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1936, № 2, стр. 117—118.
6. **Архитектурные памятники Бухары.** Ташкент, 1936 (Комитет наук Узбекской ССР. Узбекистанский комитет по охране и изучению памятников материальной культуры), 100 стр., с рис.
7. **Новые данные по искусству Согдианы. Резная штуковая декорация из развалин Варахши близ Бухары.** Журн. «Искусство», М., 1938, № 5, стр. 148—152, с рис.
8. **Рецензия:** H. Field and E. Protov. Archeology in the Soviet Union. Amer. Antropologist, v. 39, № 3. — Журн. „Социалистическая наука и техника", Ташкент, 1938, № 5, стр. 109—110.
9. **Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса.** Ташкент, 1940, 50 стр. с рис., 2 л. схем (Узбекистанский филиал Академии наук СССР).
10. **Археологические наблюдения на строительстве Катта-Курганского водохранилища.** Известия Узбекистанского филиала Академии наук СССР, Ташкент, 1940, № 10, стр. 14—20 (на узб. языке).
11. **Из археологических работ на Афрасиабе.** (Раскопки В. Л. Вяткина в мае — июле 1925 г.). Известия Узбекистанского филиала Академии наук СССР, Ташкент, 1940, № 12, стр. 63—70, с рис.
12. **Из наблюдений на новостройках Бухары.** Известия Узбекистанского филиала Академии наук СССР, Ташкент, 1940, № 7, стр. 74—79, с рис. и 1 вкл. планом.
13. **К исторической топографии Старого Термеза.** В кн. «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.», Труды Узбеки-

[4] Биографический очерк и список работ составил Б. В. Лунин.

станского филиала АН СССР, серия I. История, археология, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 123—153, с 11 рис. и портретом.

14. **Мазар-Ша-Абду-Малик.** Известия Узбекистанского филиала Академии наук СССР, Ташкент, 1940, № 8, стр. 56—61, с рис.
15. **Исследование городища Варахша и его окрестностей.** Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры [АН СССР], X, М.—Л., 1941, стр. 3—15, с 8 рис.
16. **Мавзолей Исмаила Самани.** «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1941, № 3, стр. 26—32 (на узб. языке).
17. **Археология** [в Узбекистане]. В сб. ст. «25 лет советской науки в Узбекистане (1917—1942)». Ташкент, 1942, стр. 255—278 (Узбекистанский филиал Академии наук СССР). В соавторстве с С. П. Толстовым.
18. **Историческая наука** [в Узбекистане]. В сб. ст. «25 лет советской науки в Узбекистане (1917—1942). Ташкент, 1942, стр. 241—254 [Узбекистанский филиал Академии наук СССР]. В соавторстве с В. В. Ершовым и З. Ш. Раджабовым.
19. **Города Узбекистана** (Самарканд, Бухара, Ташкент). Ташкент, 1943, 36 стр. (Академия наук СССР, Узбекистанский филиал, Институт языка, литературы и истории). **Рецензия:** Б. В. Лунин, «Исторический журнал», М., 1943, № 10, стр. 93—94.
20. **То же,** на узбекском языке, Ташкент, 1944, 42 стр. («Узбекистон шахарлари»).
21. **Изучение истории материальной культуры народов Узбекистана.** Бюллетень Академии наук УзССР, Ташкент, 1945, № 11—12, стр. 24—26.
22. **«Курган» и мечеть Чор-Су-тун в развалинах старого Термеза.** В кн. «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.», т. II, Труды Узбекистанского филиала Академии наук СССР, Серия I, История, археология, Ташкент, 1945, стр. 98—132 с 28 рис.
23. **Предварительное сообщение об археологической рекогносцировке 1944 г. в Бухарскую область.** Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1945, № 7, стр. 26—28.
24. **Archaeological Discoveries in the Bokhara Oasis** (Археологические открытия в Бухарском оазисе). Grecit Britain and the East, v. XII, 1946, № 1759.
25. **Гури-Эмир** (Историко-археологическое исследование). Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1946, № 2, стр. 24—27.
26. **Основные проблемы истории Узбекистана и пятилетний план Института истории и археологии.** Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1946, № 9—10, стр. 34—39.
27. **Археологическое изучение Бухарского оазиса.** Научная сессия Академии наук Узбекской ССР 9—14 июня 1947 г., Сборник докладов, Ташкент, 1947, стр. 401—413.
28. **Архитектурная декорация дворца в Варахше.** Труды отдела Востока, т. IV, Л., 1947, стр. 225—292, с 15 рис. (Государственный Эрмитаж).
29. **[Дополнения по истории Хорезма к первой части тома — «История феодальных узбекских ханств с конца XV в. до середины XIX в.»].** в кн. «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947.
30. **[Искусство Узбекистана XVI—XIX вв.].** «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947.

31. **К вопросу о древних традициях в народном искусстве Узбекистана.** Ученые записки Ташкентского государственного Педагогического института, Серия общественных наук, вып. I, Ташкент, 1947, стр. 33—37, с 2 рис.
Рецензия: Б. В. Лунин, Известия Академии наук УзССР, Ташкент, 1949, № 3, стр. 80—88.
32. **Надписи на портале большой соборной мечети в Бухаре (XVI век).** Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1947, № 8, стр. 25—26.
33. **Археологические работы 1947 года на городище Варахша.** Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1948, № 5, стр. 62—70, с 2 рис.
34. **Мечеть Магоки-Аттари в Бухаре [XII век].** Труды Института истории и археологии АН УзССР, том I, Ташкент, 1948, стр. 3—21, с 6 рис.
35. **Раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде в 1948 г.** Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1949, № 3, стр. 36—45.
36. **Раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде в 1948 году.** В кн. «Тезисы научных докладов на сессии Академии наук Узбекской ССР 24—28 января 1949 г.», Ташкент, 1949, стр. 87.
37. **Советская археология в Узбекистане и ее роль в развитии исторической науки.** Юбилейный сборник, посвященный 25-летию Узбекской Советской Социалистической Республики, Ташкент, 1949, стр. 448—474 (Академия наук Узбекской ССР).
38. **Варахша.** Журн. «Звезда Востока», Ташкент, 1950, № 11, стр. 117—128.
39. **Минарет в Джар-Кургане.** Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 58—70, с 5 рисунками.
40. **Предисловие** (к книге «Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР», вып. II). — Труды Института истории и археологии Академии наук в Узбекистане, вып. II, Ташкент, 1950, стр. 3—12.
41. **За марксистско-ленинское освещение истории народов Узбекистана.** Газ. «Правда Востока», 1952, № 110 (В соавторстве с К. Е. Житовым и А. И. Ишановым).
42. **Каунчи-тепе.** Большая советская энциклопедия, т. 20, М., 1953, стр. 147.
43. **Обсерватория Улугбека и ее исследование.** Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, вып. V, Обсерватория Улугбека, Ташкент, 1953, стр. 3—100, 31 рис. и 3 л. планов.
44. **Древние культурные связи народов Средней Азии с китайским народом.** Объединенное издательство «Кзыл Узбекистан», «Правда Востока» и «Узбекистони Сурх», Ташкент, 1954, 28 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний УзССР, № 16). На узб. языке.
45. **Мунчак-тепе.** БСЭ, т. 28, М., 1954, стр. 208.
46. **300-летие воссоединения Украины с Россией.** В кн. «Нерушимая дружба». К 300-летию воссоединения Украины с Россией. Сборник статей. Под редакцией акад. АН УзССР К. Е. Житова, Ташкент, 1954, стр. 3—21.
47. **Александр Юрьевич Якубовский (некролог).** Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, вып. VII, Ташкент, 1955.
48. **Археология и этнография Средней Азии на московском совещании в апреле 1955 г.** Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1955, № 8, стр. 99—103.

49. **Археологические работы в мечети Магоки-Аттори в Бухаре.** Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, вып. VII, Ташкент, 1955, стр. 29—60, с 25 рис.
50. **Некоторые итоги работ Узбекской археологической экспедиции** (1950—1954 гг.). Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1955, № 3, стр. 81—93.
51. **[Подготовка к изданию и дополнения XII—XIII и XV глав III части, написанной А. А. Семеновым].** «История Узбекской ССР», т. I, книга первая, Ташкент, 1955, стр. 380—439 и 445—456.
Гл. XII. Мавераннахр в XVI — первой половине XVIII вв. — Гл. XIII. Хорезм и Каракалпаки в XVI — первой половине XVIII вв.—Гл. XV. Культура Мавераннахра в XVI—XVIII вв.
52. **Средняя Азия и Казахстан.** Параграф XII главы пятой в кн. «Очерки истории СССР». Период феодализма. Конец XV — начало XVII века, М., 1955 (в соавторстве с Н. Г. Аполловой).
53. **Варахша** (предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.). «Советская археология», XXIII, М., 1957, стр. 101—130, с 19 рис. и 2 вкл. л. илл.
54. **Археологическая разведка на Баш-тепе.** Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 163—172, с 4 рис.
55. **[Архитектура, художественное ремесло и живопись Узбекистана].** Раздел главы V. «Культура Узбекистана во второй половине XIX века», в кн. «История Узбекской ССР», т. I, книга вторая, Ташкент, 1956, стр. 191—197 и др.
56. **Дополнения** [история и археология] к разделу 3 главы V, написанной Т. Н. Кары-Ниязовым. «История Узбекской ССР», т. I, книга вторая, Ташкент, 1956.
57. **[Прикладное искусство. Архитектура Узбекистана].** Разделы главы X. «Культура Узбекистана в начале XX века». «История Узбекской ССР», т. I, книга вторая, Ташкент, 1956, стр. 356—363.
58. **Узбекская Советская Социалистическая Республика** (исторический очерк до 1960 г.). БСЭ, т. 44, 1956, стр. 11—29.
59. **Улугбека обсерватория.** БСЭ, т. 44, 1956, стр. 192.
60. **Аэроразведка и аэросъемка в археологии Узбекистана.** Известия Академии наук Узбекской ССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1957, № 3, стр. 61—62.
61. **Изобразительное искусство народов Средней Азии по материалам археологических исследований.** Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений, Ташкент, 1957, стр. 195—196.
62. **Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.).** Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 3—42, с 20 рис.
63. **Известный узбекский ученый** (К пятидесятилетию со дня рождения археолога Я. Г. Гулямова). Журн. «Фан ва турмуш» («Наука и жизнь»), Ташкент, 1958, № 6, стр. 35—36, с 1 портр. (совместно с Ф. А. Азадаевым, Б. В. Луниным, Р. Н. Набиевым).
64. **Изобразительное искусство народов Средней Азии по материалам археологических исследований.** Материалы первой Всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 600—607.
65. **К вопросу о древних культурных связях народов Средней Азии с другими странами и народами.** Материалы второго совещания

археологов и этнографов Средней Азии 29 октября — 4 ноября 1956 года, Душанбе, М.—Л., 1959, стр. 25—27 [Академия наук СССР. Ленинградское отделение].

66. **Полевые работы Узбекистанской археологической экспедиции в 1954—1955 гг.** «История материальной культуры Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1959, стр. 216—230 (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
67. **О художественном ремесле в Средней Азии V—VIII вв. по памятникам древней живописи (Текстиль).** Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры [АН СССР], 80, М., 1960, стр. 22—25.
68. **Варахша** (опыт историко-археологического исследования). Автореферат докт. дисс., Ташкент, 1961, 33 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
69. **Рецензия:** Gregoire Frumkin, Archèologie soviétique en Asie. „Etudes Asiatiques", v. XI, 1957/58, Berne, 1959, p. 73—96., в кн. „История материальной культуры Узбекистана", вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 317—319 (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
70. **Рецензия:** П. Майсурадзе. Керамика Афрасиаба. Тбилиси, 1958, 30 стр., XXIV табл. — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 319—320 (Академия наук Узбекской ССР, Институт истории и археологии).
71. **Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР** (полевые работы 1956—1959 гг). «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 18—50, с 5 рис. (Академия наук Узбекской ССР, Институт истории и археологии).
72. **О мнимом мавзолее «Улуг бегим» в Шахи-Зинда.** «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1962, № 11, стр. 66—67, с 1 рис.
73. **Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г.** «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 5—18 (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
74. **Творения древней культуры.** [Археологические раскопки в Сурхандарьинской области], «Узбекистан», Ташкент, 1962, № 5, стр. 15.
75. **Василий Лаврентьевич Вяткин** [к тридцатилетию со дня смерти]. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 144—151 (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
76. **Лев Васильевич Ошанин** [некролог]. «История материальной культуры Узбекистана» вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 152—154 (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
77. **Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г.** [Предварительное сообщение о полевых работах экспедиции]. «История материальной культуры Узбекистана, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 5—22 (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
78. **Варахша.** М., Изд-во АН СССР, 1963, 244 стр., 115 рис. в тексте и 18 табл.
79. **Некоторые итоги археологических работ в Узбекистане в 1962—1963 годах,** «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 12, стр. 20—25.

Я. Г. ГУЛЯМОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГИДРОГРАФИИ НИЗОВЬЕВ КАШКАДАРЬИ И ЗАРАФШАНА

В отчетах Махандарьинского археологического отряда (1961—1963 гг.) большое место уделяется вопросам обводнения и заселения огромной территории западнобухарской пустыни в неолитическую эпоху. Махандарья — древнейший правый приток Зарафшана — после вюрмского оледенения по пути к Амударье образовала многочисленные водоемы — современные солончаки Большой Тузкан, Парсанкуль, Маханкуль и т. п., на берегах которых обнаружены следы поселений неолитического времени. Об этом уже говорилось в предыдущих публикациях нашего отряда[1].

В последние годы отряд занимался выяснением вопроса, доходил ли Зарафшан до Амударьи. В 1961 г. была создана группа, куда вошли У. Исламов, А. Аскаров, А. Мухамеджанов и С. Рахимов.

Группа проследила русло Махана на значительном расстоянии[2], но не дошла до его конца и ограничилась сбором опросных данных о местах впадения Махана в Амударью и археологического (главным образом неолитического) материала. Полностью эта работа была завершена Махандарьинским отрядом в 1964 г.[3]

---

[1] Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от бухарского оазиса, Труды Института истории и археологии АН УзССР, Ташкент, Изд-во АН УзССР, вып. 8, 1956; У. Исламов. Открытие неолитической культуры на Махан-Дарье, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 1; А. Р. Мухамеджанов. К изучению древнего русла Махан-Дарьи, История материальной культуры Узбекистана, вып. 5, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964.

[2] До колодца Хатар.

[3] В экспедиции участвовали Я. Г. Гулямов, А. Р. Мухамеджанов, А. Аскаров, С. Файзиев.

Q.C.L. N.Ver

По выходе из древнего озера Маханкуль ясно прослеживается русло Махана, обросшее по берегам кустами тамарикса. В западном-северо-западном направлении оно представляет собой глубокую ложбину шириной от 25 до 40 *м*, глубиной до 2,5 *м*, временами расширяющуюся и разбивающуюся на несколько протоков, которые когда-то образовали обширные разливы. В верхнем течении воды Махана мощным потоком прорвались в южном направлении к району Большого Тузкана, где возникла цепь останцов, носящих явные следы промывов. Примерно в 20 *км* от Амударьи Махандарья единым руслом впадала в огромную впадину, где образовала обширный водоем — ныне солончак Парсанкуль, откуда выходила двумя протоками: один из них тек в западном направлении через колодец Хатар и в 2 *км* севернее развалин крепости XII в. Наргызкала достигал Амударьи. Другой тек в юго-западном направлении через оз. Геччи-Киран мимо колодцев Ходжа Кудур и Мулла-Джура и в 18 *км* южнее Наргыза у урочища Ак-Рабат впадал в Амударью, образовав здесь пять дельтовых притоков — «сувлатов»[4] — 1) Джар, 2) Кум, 3) Паянда, 4) Сарибой, 5) Шур-Ятак.

В широтном направлении, перпендикулярно к Аму, расположены четыре больших сувлата. Самый южный из них — «Охур сувлат» шириной в 75—80 *м*, глубиной 15 *м* у устья образует каньон в каменистой толще коренного берега Амударьи. Устье обрезано в связи с подмывами правого берега. Охур сувлат носит явные следы длительного водотока. Второй — «Йилгинли сувлат» (сувлат, обросший тамариксом) по виду и по ширине походит на первый, но несколько глубже, устье его заросло мелкорослым тамариксом, с чем и связано его название. Третий — «Ойхан» или «Шор сувлат» расположен в 1100 *м* севернее Йилгинли. Он гораздо шире и глубже первых двух. Четвертый — «Сувли сувлат» (сувлат водянистый) находится в 250 *м* севернее Ойхана. Ойхан и Сувли сувлат — это разветвления одного и того же сувлата. В 400—500 *м* выше они соединяются в одно русло. Название сувлата связано с тем, что его дно находится почти на одном уровне с водной поверхностью Амударьи и при высоком стоянии уровня вода иногда заходит в ложбину сувлата.

Таким образом, Махандарья в конце своего правого (наргызского) протока образовала настоящую дельту с глубокими сувлатами. Археологический материал, собранный вблизи древних водоемов и в низовьях Махана, целиком пред-

---

[4] Сувлат — спуск к воде, место, удобное для водопоя скота, ложбина; удобный подступ к реке.

ставлен кремневыми орудиями и черепками, характерными для памятников эпохи неолита в районе Большого Тузкана.

В бронзовом веке наблюдается высыхание и засолонение водоемов в бассейне Махана, прекращение стока воды в Аму, о чем свидетельствует распространение культуры эпохи бронзы в верхнем бассейне Махана и по его южному ответвлению Гуджайли, в районе оз. Заманбаба и в песках к западу от этого района. Махандарья как активный правый приток р. Зарафшан ответвляется от него в селении Огар, где издревле функционирует водоотводное сооружение на голове Махана, ибо Зарафшан на данном участке часто прорывается в русло Махана. Махан протекает в извилистом, глубоком каньоне мимо селения Махан и впадает в одноименное озеро — Маханкуль, откуда основное русло под названием Махандарья направляется на северо-запад к Амударье, а другой проток — Гуджайли — на юг, в район Заманбаба. Наводнения на Махандарье периодически происходили даже в недавние времена и могут повториться в будущем. Самое большое из известных наводнений произошло в семидесятых годах XIX в., когда воды Махана заполнили все древние водоемы по Махану — Лухликуль, Кунджиликуль, Парсанкуль, Геччи-Кран и т. д. Живы люди, бывшие свидетелями человеческих жертв на переправе около Парсанкуля.

В 1923 г. Махандарья наполнилась водой, которая поднялась до оз. Геччи-Кран. В том году на берегах Махана были получены высокие урожаи пшеницы, проса, кунджута, дынь и т. п. В 1944 г. в Махандарье снова появилась вода, в оз. Лухликуль круглый год можно было ловить рыбу.

Русло Махандарьи занесено песком лишь на первых километрах по выходе из оз. Маханкуль, на остальных участках оно сохранилось так, что вполне пригодно для прохождения по нему вод Зарафшана. В начале мая 1964 г. Маханкуль был затоплен излишками воды, колхозам для очистки истока Махана пришлось сконцентрировать здесь много техники.

Таким образом, нашему отряду удалось доказать факт впадения Зарафшана в Амударью по сухому руслу Махандарьи.

Так как воды Зарафшана в глубокой древности, в «доисторические» времена, не выходили к Амударье к западу от Каракульского оазиса, граница первобытной культуры в этом районе должна быть ограничена барханными песками «Каптарни-Кумы» (Голубийные пески), расположенными на западной границе земель Караунского сельсовета Каракульского района.

Обширный район, засыпанный бесконечными барханами,

сплошь покрыт следами земледелия так называемых «заманбабинцев» (оседлых земледельцев бронзового века). Среди барханов в северо-западном направлении ясно прослеживается сухое русло, на побережьях которого много следов поселений того же времени. Принимая во внимание направление русла и учитывая расспросные данные, можно предположить, что оно выходит к колодцу Ходжа Кудук и на обширные такиры вокруг колодца, т. е. в район среднего течения Махандарьи. Таким образом, район «Каптарни-Кумы» обещает дать богатый материал о земледельческой культуре «заманбабинцев» древнебухарского оазиса.

В последние годы Махандарьинский археологический отряд специально занимается исторической гидрографией и исторической топографией Пайкендских пустынь, прилегающих к Каршинской степи.

По сведениям историков, главным образом Наршахи, город Пайкенд и прилегающие к нему земли в X—XII вв. орошались из Зарафшана, который, однако, не мог обеспечить постоянное водоснабжение этого города. Между тем, обширная территория к юго-востоку от Пайкенда, прилегающая к Каршинской степи, несмотря на отдаленность от района Пайкенда и вообще от Зарафшана, в древности была обводнена и благоустроена во всех отношениях.

В пятидесятые годы наш отряд, посетивший городище Пайкенд, обратил внимание на некоторые картографические материалы, свидетельствующие о наличии здесь следов культуры. Особенно интересны сообщения различных лиц о бугре Кум-Саутан (на картах Кумсултан), расположенном примерно в 30 *км* к юго-востоку от развалин Пайкенда. Отдаленность этого пункта от границ бухарского и каршинского оазисов позволила нам предположить, что это был небольшой пограничный пункт.

Весной 1956 г. археолог Г. В. Шишкина во время рекогносцировочной поездки посетила бугор Кумсултан и опубликовала о нем научное сообщение[5].

Это сообщение заинтересовало нас с точки зрения выяснения истории водоснабжения данного района, и весной 1963 г. в район, прилегающий к Каршинской степи, был направлен член махандарьинского отряда археолог А. Аскаров, которому удалось зафиксировать следы древней гидрографии района, связанной исключительно с р. Кашкадарьей, а также проследить сухие русла. По берегам этих русел, а также при-

---

[5] Г. В. Шишкина. Археологическая разведка на городище Кумсултан, «Научные работы и сообщения», Ташкент, 1961, № 3.

пайкендского водоема обнаружили семь пунктов, давшие материалы, относящиеся к эпохе неолита и бронзовому веку[6].

Осенью 1963 г. и весной 1964 г. мы провели специальное изучение гидрографии низовьев Кашкадарьи и орошения района Кумсултан.

Общая картина гидрографии района такова: мощное русло низовых вод Кашкадарьи, проходя мимо ж. д. станции Ходжа Мубарак, направляется к границам бухарского оазиса. Оно отчетливо прослеживается как ясно выраженный приток реки и в западной части Каршинской степи, несколько южнее бугров Кзылрабат, выглядит, как настоящее извилистое русло шириною 50—60 *м* с обросшими тамариксом краями. Контрольные шурфы, заложенные нами внутри русла и вне его, показали наличие здесь следов длительного водотока, даже в недалеком прошлом. Этот приток помечен на многих картах под различными названиями, в том числе «Кашкадарья». Он идет в северо-западном направлении, в 6—8 *км* южнее границ бухарского оазиса, в районе сел. Загаркаш, поворачивает на запад и направляется в припайкендскую впадину. В IX—XII вв. из этого притока были выведены искусственные каналы и благоустроены некоторые участки этой ныне пустынной зоны. Другой приток — Кумсултанский — ответвляется от первого несколько севернее широты ж. д. станции Караулбазар и таким же ясно выраженным руслом идет в западном направлении к бугру и колодцу Кокча.

Далее в том же направлении он плохо прослеживается среди барханов и хорошо — в 2,5 *км* к югу от бугра Кумсултан. Здесь отчетливо видна канальная сеть, выведенная из него в обширный район Кумсултана. Наш отряд проследил это сухое русло в западном и северо-западном направлениях. Оно довольно извилистое, шириной в 50 *м*, во многих местах засыпано песком. В 4—5 *км* к югу от городища Пайкенд это русло близко подходит к берегам припайкендского озера и затем в северо-западном направлении удаляется от него и, наконец, вблизи урочища Дюрмен, в 4—5 *км* к востоку от Каракуля, впадает в русло Зарафшана (Каракулдарьи). По-видимому, Кашкадарья периодически впадала в Зарафшан до XII в., т. е. до разрушительных походов Чингизхана, ибо найденные следы жизни в этом древнеобводненном районе связаны с эпохой неолита — бронзы. Здесь найдены монеты греко-бактрийского времени, раннего средневековья. Период расцвета этого района — VI—XIII вв. Таким образом, факт впадения Кашкадарьи в нижнее течение Зарафшана бесспорный.

---

[6] А. Аскаров. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, История материальной культуры Узбекистана, вып. 5, Ташкент, 1964.

Д. Н. ЛЕВ

САМАРКАНДСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

(предварительное сообщение)

В настоящей работе дается характеристика первого верхнепалеолитического памятника на территории Средней Азии — поселения, расположенного в центре Самарканда, на территории парка-озера. Оно исследовалось археологическим отрядом Самаркандского государственного университета им. А. Навои и Института истории и археологии АН УзССР в течение 1958—1963 гг.

В результате раскопок здесь вскрыто около 500 *м*², включая несколько шурфов.

При раскопках найдено большое количество каменных изделий, остатки ископаемой фауны, флоры, красной краски (отпечатки в лессовидном суглинке листочков карагача), отпечатки деревянных свай и камыша, следы от костров. Все культурные остатки залегают в трех слоях, разграниченных стерильными прослойками.

Самой важной находкой явились костные останки верхнепалеолитического кроманьонского человека. На глубине 3,2 *м* в лессовидном суглинке обнаружен хорошо сохранившийся коренной зуб, а рядом, на соседнем квадрате, в том же горизонте — фрагмент нижней челюсти с хорошо сохранившимися девятью зубами и подбородочным выступом. Челюсть оказалась минерализованной и была очищена от породы М. М. Герасимовым, посетившим наши раскопки совместно с Я. Г. Гулямовым. По определению М. М. Герасимова, челюсть принадлежала женщине лет двадцати пяти, кроманьонского типа. Таким образом, мы имеем первую находку останков позднепалеолитического человека на территории Средней Азии и Казахстана[1].

[1] Д. Н. Лев. Раскопки Самаркандской палеолитической стоянки в 1959—1960 гг., Материалы Третьей объединенной научной конференции ученых г. Самарканда, изд. СамГУ, Самарканд, 1961; Он же. Поселение древнекаменного века в г. Самарканде, Раскопки 1962 г., Труды СамГУ им. А. Навои, Новая серия, вып. 136; Краткие сообщения СамГУ, Самарканд, 1964.

Что касается каменных изделий этого поселения, то многие из них, как нам представляется, продолжают традицию аманкутанских каменных изделий. Речь идет не только о формах орудий, но и о технике их изготовления. Это подтверждают и раскопки 1963 г. Наиболее насыщенными оказались верхние слои, менее насыщенными — средние и нижние. Верхний слой составлял 82,3% к общему числу находок, средний слой — 10,5, нижний — 7,2%. В связи с этим мы дадим характеристику лишь верхнего слоя. Он состоит из довольно большого количества каменных изделий: отбойников, наковален, нуклеусов, отщепов, осколков, полуфабрикатов, что свидетельствует о наличии здесь мастерских по изготовлению каменных орудий. Об этом же говорят и другие данные. Например, был найден массивный кремневый нуклеус с отколотыми от него осколками, халцедоновый нуклеус с отколотой от него пластинкой, из которой сделан боковой резец. Нуклеус и резец лежали на площади одного квадрата.

Почти вся площадь раскопа покрыта обмазками угля; часто в суглинке встречается краска красного и розового оттенков. Около костров обнаружены остатки очень интересной ископаемой фауны. На стоянке найдены отпечатки от деревянных столбов — следы жилищ.

Прежде чем перейти к характеристике каменных изделий нашей стоянки, следует отметить, что при их обработке использованы статистический и типологический методы, разработанные в последние годы французскими археологами — Ф. Бордом по отношению к древнему палеолиту и Д. Сонневиль-Борд — к верхнему палеолиту.

Обитатели Самаркандской палеолитической стоянки добывали материал для изготовления каменных орудий на берегах р. Зарафшан, у возвышенности Чупаната. Здесь обнаружены пласты кремня, халцедона и иных пород.

До раскопок 1963 г. в собранной нами коллекции почти отсутствовали призматические нуклеусы. В 1963 г. найдена серия грубопризматических нуклеусов; некоторые из них двухплощадные. Однако на Самаркандской стоянке доминируют не призматические нуклеусы, а грубые гальки дисковидных очертаний, близкие к мустьерским. От них с помощью отбойников различных размеров откалывались массивные широкие пластины и отщепы. Далее обработка производилась на каменных наковальнях. Орудия в основном обрабатывались грубой ретушью — подтёской камня. Отжимная ретушь применялась в довольно редких случаях и явилась новым в технике обработки кремня. Отщепы характеризуются широкими площадками и крупными выпуклыми ударными

бугорками. В большинстве они носят мустьерский характер. Интересны дисковидные орудия разных размеров и типов, изготовленные из кремня, халцедона, диорита и весьма близкие к мустьерским изделиям. К этой же группе относятся находки нескольких остроконечников, они сделаны из массивных отщепов подтреугольной формы, с грубой ретушью по двум длинным краям.

Недалеко от Самаркандской стоянки, на территории Овражной улицы, Г. В. Григорьевым найден остроконечник, датированный им мустьерским временем. Здесь же обнаружены многочисленные кремни, близкие по цвету и типу к кремням Самаркандской стоянки. Остроконечники и отщепы, найденные на Самаркандской стоянке, такого же типа, и поэтому находка В. Г. Григорьева должна датироваться не мустьерским временем, а тем же периодом, что и находки Самаркандской стоянки[2]. Это подтверждается и новой находкой палеолитического орудия в Самарканде. При строительных работах на Дагбитской улице в 1963 г. было найдено, как казалось на первый взгляд, типичное мустьерское скребло, изготовленное из отщепа зеленой кремневой гальки. Однако из таких же кремневых галек изготовлены и скребла Самаркандской стоянки. Они аналогичны по форме и технике изготовления. Это орудие также должно датироваться верхним палеолитом.

Большой интерес представляют орудия с выемками. На Самаркандской стоянке собраны разнообразные орудия подобного типа. Их можно назвать строгальными орудиями. Ими безусловно обрабатывались деревянные изделия. Изготовлялись они из крупных и массивных отщепов, а изящные орудия — из узких халцедоновых пластинок. Некоторые из них весьма близки к аманкутанским, где также имеется серия орудий с выемками.

Обращают внимание орудия типа «piéce écaillée». Для них характерен скол со стороны брюшка пластины или отщепа и выемчатая ретушь на поперечном лезвии. На стоянке найдены и комбинированные орудия — с двумя лезвиями. Подобные орудия описаны многими исследователями. В западноевропейском палеолите они характерны для среднего ориньяка.

В 1963 г. на Самаркандской стоянке обнаружена группа нуклевидных орудий, среди них имеются обыкновенные и очень крупные. Первые обработаны довольно тонкой ретушью, последние отличаются грубыми подтесками. Некото-

---

[2] Г. В. Григорьев. Находка мустьерского остроконечника в г. Самарканде, Краткие сообщения ИИМК, VIII, М.—Л., 1940, стр. 89—90.

рые из них напоминают «рабо». Следует особо подчеркнуть заметную роль нуклевидных орудий на Самаркандской стоянке, которые придают ее каменному инвентарю «ориньякоподобный» характер. Определенное место занимают и скребки. Они различны по размерам и формам; изготовлены из кремня, кварца, порфировидного кварца, халцедона и других пород. Большая часть их сделана из коротких, широких отщепов; имеются и типичные концевые скребки на узких пластинках со слабым оформлением лезвия путем нанесения нескольких миниатюрных сколов.

При раскопках 1963 г. в верхнем слое найдено кремневое рубильце типа «микок». Подобное орудие представлено пока единственной находкой на Самаркандской стоянке.

Размеры настоящей статьи не позволяют описать все орудия, поэтому характеристику каменных изделий мы завершим топорами и рубящими орудиями. Топоров насчитывается пятнадцать: в верхнем слое — 4, среднем — 4, нижнем — 7. Сюда не входит группа рубящих орудий, их обнаружено — 18. Лезвия топоров обработаны грубыми, широкими сколами: у одних — с двух сторон, у других — лишь с одной. Топоры бо́льшей частью изготовлялись из галек, собранных на берегах Зарафшана, иногда из таких вязких и крепких пород, как амфиболитовый гнейс; роговик. Из амфиболитового гнейса сделан массивный топор типа колуна, из роговика — тесло. Крупные топоры оббивались большими отбойниками, некоторые из них весят несколько килограммов. Оббивка производилась на больших каменных наковальнях. Для этой цели в основном служили гальки — диоритовые и кремневые.

Среди собранных крупных каменных рубящих орудий имеются так называемые «чопперы». Они бытуют в Средней Азии вплоть до металла. Многие исследователи рассматривают их как пережиточные формы весьма древних традиций. Позднепалеолитическим рубящим орудиям уделяет большое внимание в своих трудах П. И. Борисковский. Он отмечает, что «устойчивая, повторяющаяся форма среди них отсутствует. Мы видим среди них удлиненные овальные топорики, округлые диски.., толстые отщепы, оббитые по одному краю, наконец, гигантолиты. Во многих поселениях функции рубящих орудий выполняли нуклевидные формы и крупные пластины с подтёской с брюшка. В отличие от эпохи неолита, когда в рубящих орудиях потребность была постоянной и формы топоров устойчивыми, в позднем палеолите потребность в рубящих орудиях, вероятно, была эпизодической и техника их изготовления не устоялась так же, как и не устоялась и

сама техника рубки»[3]. Эту же мысль П. И. Борисковский приводит и в своей новой работе[4].

Рубящие орудия обнаружены на многих позднепалеолитических стоянках: Костенках, Елисеевичах и сибирских. Некоторые исследователи считают, что каменные топоры имеются в Афонтовой горе и Батени (раскопки И. Т. Савенкова в 1884 г.). Здесь мы действительно имеем рубящие орудия из зеленого кремнистого сланца. Это не топоры, а тесловидные орудия. Так они именуются и в описи Музея антропологии и этнографии (Ленинград).

Ископаемая фауна. Впервые богатейшая ископаемая фауна четвертичного периода была обнаружена в Аманкутанской пещере, относящейся к мустьерскому времени[5].

Что касается верхнего палеолита, то до раскопок Самаркандской палеолитической стоянки палеонтологи Средней Азии не располагали ископаемой фауной этого периода. Ископаемая фауна Самаркандской стоянки представлена следующими видами:

лошадь. Верхний слой — 469 костей и зубов. Средний слой —55, нижний —114. Всего —638. Не учтена коллекция зубов, хранящихся в Самаркандском государственном университете им. А. Навои;

плейстоценовый осел. Верхний слой —228, средний — 13, нижний — 11. Всего — 252;

тур или зубр. Верхний слой —20, средний —8, нижний —4. Всего —32;

верблюд. Верхний слой —27, средний — 47, нижний — 10. Всего — 84;

благородный олень. Верхний слой —4, нижний — 9. Не учтены два монолита с рогами оленя, хранящиеся в Самаркандском государственном университете;

дикий баран. Верхний слой —12, средний — отсутствует, нижний —2. Всего —14;

сайга. Верхний слой —1, средний —1. Всего —2;

птица. Нижний слой —1. Крупный вид;

крупные копытные (возможно, тур, верблюд, зубр). Верхний слой —442, средний —162, нижний —153. Всего — 757;

---

[3] П. И. Борисковский. Палеолит Украины, Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 40, М.—Л., 1953, стр. 226.

[4] Он же. Очерки по палеолиту бассейна Дона, Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 121, М.—Л., 1963, стр. 26.

[5] Д. Н. Лев. Древний палеолит в Аманкутане, Труды УзГУ, Новая серия, вып. 61, Самарканд, 1956.

неопределимые обломки мелких и средних животных. Верхний слой —347, средний —114, нижний —90. Всего —551 кость. Всего насчитывается 2341 костный остаток.

Следует отметить, что подсчет костных остатков весьма условен, ввиду их плохой сохранности. Самое большое количество костных остатков приходится на долю дикой лошади. Н. К. Верещагин, изучающий фаунистические остатки Самаркандской палеолитической стоянки, полагает, что лошадь этой стоянки довольно близка к лошади Пржевальского.

Обитатели Самаркандской стоянки успешно охотились и на двугорбого верблюда. Находки костей ископаемого верблюда малоизвестны в палеолите. Впервые костные остатки этого животного эпохи позднего палеолита были найдены при раскопках в Казахстане. На Самаркандской стоянке обнаружена вместе с костями и нижняя челюсть. По мнению Н. К. Верещагина, это кости крупного верблюда, близкого к волжскому плейстоценовому.

При раскопках стоянки также обнаружено скопление рогов оленя, специально уложенных человеком. Эти рога были изъяты из почвы в виде монолита размером 2 × 1,80 *м*. По-видимому, они принадлежат так называемым бухарским оленям. Судя по литературным данным, бухарский олень близок к породе тибетских оленей, обитающих в Центральной и Средней Азии под названием хангул, или кашмирский олень. Он образует не меньше пяти концов на рогах, а найденные нами рога на Самаркандской стоянке не имеют большего разветвления. Возможно, что именно к этой породе оленей относятся и олени, на которых охотились первобытные обитатели Самаркандской стоянки. Рядом с этим скоплением рогов находилось другое, с очень крупными рогами оленя. Здесь были специально уложены в палеолитическое время друг на друга три правых рога, вокруг них разбросаны куски красной краски.

Место Самаркандской палеолитической стоянки среди других памятников. Несмотря на некоторые успехи, достигнутые в исследовании палеолита Средней Азии, следует отметить, что верхний палеолит здесь изучен слабо. Еще в 1947 г. П. И. Борисковский в тезисах своего доклада на V научно-исследовательской конференции Ашхабадского государственного пединститута («К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана») высказал предположение, что и верхний палеолит Туркмении, очевидно, подобно верхнему палеолиту Крыма, Кавказа, Палестины, Ирака, входит в Средиземно-

морскую или Каспийскую зону[6]. То же подтверждает и А. П. Окладников, проводивший значительные археологические исследования в Туркмении[7].

Однако палеолит Зарафшанского района тяготеет, по-видимому, не к этим районам, а к сибирской области. Ближайшую аналогию в данном случае мы видим в каменном инвентаре Усть-Канской стоянки, которая является самым ранним памятником среди сибирских стоянок. Это подтверждает и П. П. Ефименко[8].

В Зарафшанском районе прослеживается развитие техники обработки камня, начиная с мустьерского времени (Аманкутана) и кончая поздним палеолитом. Это говорит об автохтонной культуре, слагавшейся еще в период среднего палеолита.

Геологическая и археологическая датировки. Геологические условия при раскопках изучались геологом-четвертичником А. А. Юрьевым. Он считает, что лёссовидный суглинок, в котором залегают культурные остатки стоянки (во всех трех слоях), относится к голодностепскому ярусу — верхнему плейстоцену Q_3, что примерно соответствует Рисс-Вюрму альпийской гляциологической схемы. Таким образом, в области палеолитоведения еще не накоплен достаточный материал, позволяющий сопоставить этапы четвертичного геологического развития территории Средней Азии с альпийскими оледенениями.

А. А. Юрьев считает, что Самаркандская палеолитическая стоянка расположена в верхней части Зарафшанской террасы, а выше ее расположен центр г. Самарканда. Так как наши раскопки расширяются от основания этой террасы выше, то, согласно мнению А. А. Юрьева, при дальнейших раскопках мы должны обнаружить здесь более древнюю культуру — среднепалеолитическую. Нами был заложен небольшой шурф. На глубине около 5 *м* в очень плотном лессовидном суглинке найдены массивные кремневые отщепы мустьерского облика.

---

[6] П. И. Борисковский. К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана (Тезисы доклада на V научно-исследовательской конференции АГПИ), Труды Ашхабадского государственного педагогического института им. М. Горького, вып. 1, 1947; Он же. Палеолитические местонахождения в Туркмении, Краткие сообщения ИИМК, вып. XVIII, М.—Л., 1947.

[7] А. П. Окладников. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении, Краткие сообщения ИИМК, вып. XXVIII, 1949.

[8] П. П. Ефименко. К вопросу о возрасте позднепалеолитической стоянки в Самарканде. Вероятность раннего возраста стоянки, Тезисы Труды СамГУ, Новая серия, вып. 135, Самарканд, 1964, стр. 110—112.

На основании нескольких отщепов, разумеется, трудно определенно высказаться о их датировке. Дальнейшие раскопки уточнят прогнозы А. А. Юрьева.

Пока все стратиграфические схемы четвертичной системы Узбекистана и Таджикистана окончательно не разработаны и не могут служить археологам критерием для датировки того или иного палеолитического памятника. Единственным и более надежным критерием для датировки Самаркандской палеолитической стоянки является изучение техники изготовления каменных орудий и их форм. Кроме того, установить датировку археологического памятника, в том числе и палеолитического, помогут аналоги с другими одновременными памятниками. Однако здесь мы столкнемся с большой трудностью, так как поселение древнекаменного века в Самарканде является единственным памятником эпохи верхнего палеолита на территории Средней Азии.

Имеющиеся археологические исследования, а также геологические данные позволяют датировать Самаркандскую палеолитическую стоянку начальным периодом верхнего или позднего палеолита.

На территории Средней Азии до сих пор были известны лишь памятники мустьерского времени; памятники эпохи позднего палеолита, за исключением отдельных находок каменных изделий, не известны. Самаркандское верхнепалеолитическое поселение дополняет недостающее звено в изучении древнейшей истории Средней Азии и в частности Узбекистана.

М. Р. КАСЫМОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАРАТАУСКИХ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИХ МАСТЕРСКИХ КАМЕННОГО ВЕКА В БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ

В результате археологических работ 1958, 1959 и 1961 гг. на южных склонах гор Каратау (Бухарская область) был получен огромный материал, относящийся к периоду от позднего ашеля до позднего неолита.

В настоящей статье освещаются материалы, собранные палеолитической группой Махандарьинского археологического отряда в течение двух сезонов 1963 г. из Учтутской, Иджонтской и Ваушской мастерских каменного века[1]. Изучение этих мастерских имеет большое значение, так как помогает выяснить технику добычи кремня в каменном веке.

Учтутская кремнеобрабатывающая мастерская — один из интереснейших памятников каменного века. До 1961 г. на ее территории был собран подъемный материал, а в 1961 г., кроме того, было заложено три разведочных шурфа и две траншеи, давшие 420 экземпляров обломков кремня.

Весной и осенью 1963 г. отряд собрал значительное количество подъемного материала и произвел на севере юго-восточной части площадки мастерской раскоп размером 85 $м^2$, а в 10 *м* к юго-востоку от раскопа был заложен шурф 1 × 2 *м* и доведена до материка вторая траншея (1 × 10 *м*).

В результате работ установлен характер залегания культурного слоя, его стратиграфия и собрано огромное количество каменного и костяного материала.

В одном из разрезов хорошо прослеживается последовательность вскрытых слоев (рис. 1).

Глубина залегания культурного слоя от поверхности раскопа различна. На северо-западном участке она незначи-

[1] В работе отряда приняли участие Я. Г. Гулямов (нач. отряда), Л. Я. Крижевская, Ю. А. Заднепровский, А. Р. Мухамеджанов, М. Р. Касымов, А. Аскаров, У. Исламов, Р. Сулейманов и Г. Дадабаев.

тельна —от 10 до 90 *см*, на юго-восточном становится более глубокой и местами доходит до 220 *см* от поверхности.

Материальные остатки в культурном слое прослеживаются неравномерно: на одних участках раскопа встречается большое их скопление, а на других — находки отсутствуют.

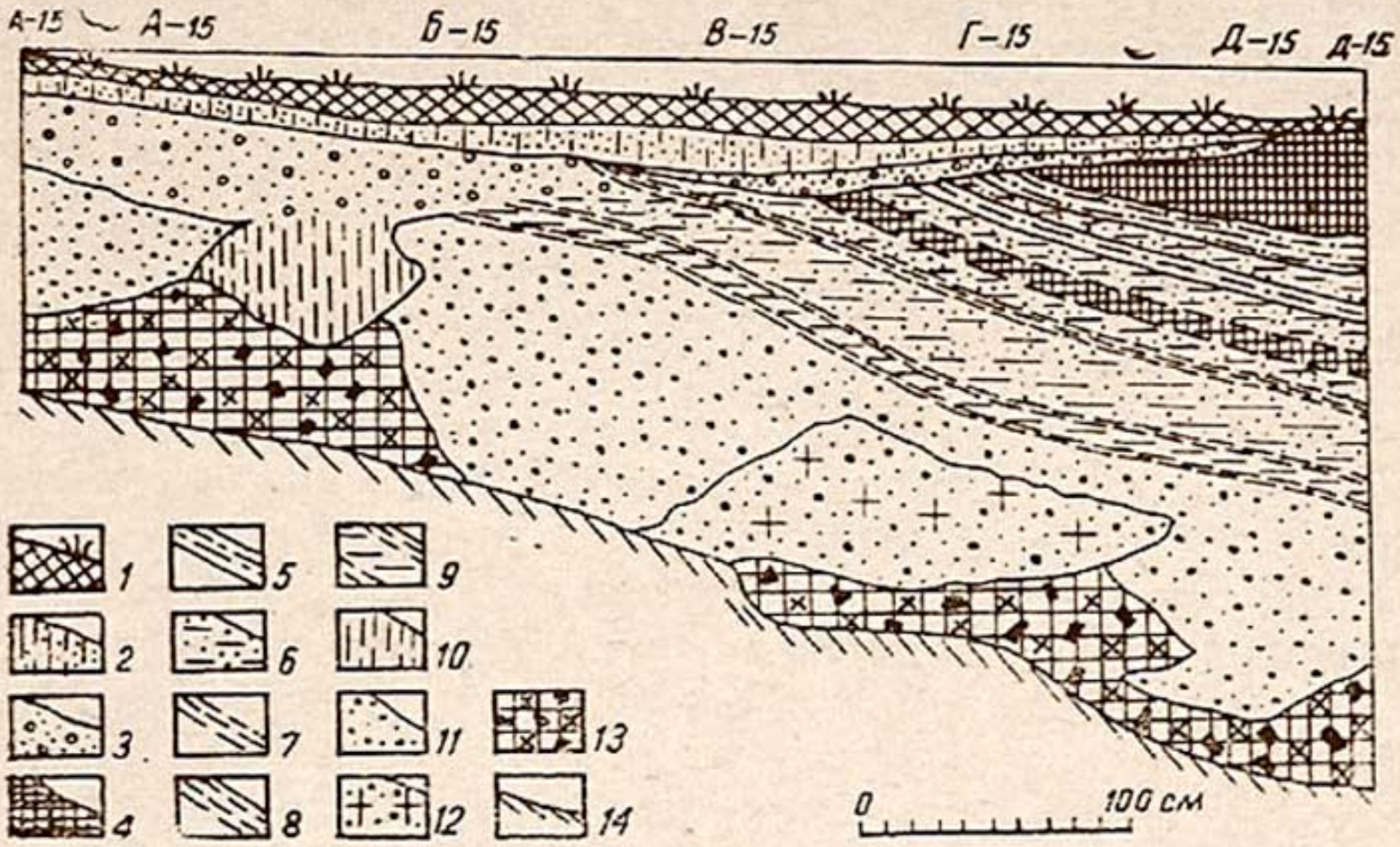

Рис. 1. Учтутская кремнеобрабатывающая мастерская. Раскоп 1 —1963 г. Разрез восточной стенки кв. А—15, Б—15, В—15, Г—15, Д—15 по линии А—15—Д—15.

1—дерновый слой; *2*—песок сероватого цвета средней плотности; *3*—желтоватый песок с белыми пятнами; *4*—рыжеватый грунт с примесью железистых солей; *5*—глина с примесью белого песка; *6*—песок с глиной средней плотности желтовато-зеленого цвета; *7*—песок желтого цвета, окаймленный с двух сторон белым песком и солью; *8*—плотные глинистые отложения сиреневого цвета; *9*—плотные глинистые отложения; *10*—глина серого цвета с песком; *11*—песок желтоватого цвета; *12*—рыхлый слоистый грунт с песком желтого цвета; *13*—культурный слой; *14*—кремнистое скальное дно.

Самое большое скопление материалов оказалось на участке, расположенном в квадрате А — 2 — 9; Б — 1 — 10; В — 1 — 12; Г — 1 —12; Д — 1 — 12; Е — 1 —5; Ж — 1 — 4. Мощность его на севере 20—40 *см*, а на юге 30—90; в квадрате Д — 9 — 12 она достигает 150 *см*.

Вскрыта часть скопления культурного слоя, находящегося на юго-востоке раскопа, в квадрате В — 14 — 15; Г — 13 — 15; Д — 13 — 15. Толщина его от 25 до 50 *см*. Мощность скопления, обнаруженного в квадрате А — 12 — 14; Б — 12 — 14; Г — 13 — 14, от 15 до 70 *см*.

На северо-восточном участке раскопа также вскрыта незначительная часть скопления, охватывающая кв. А — 15, северо-восточную часть квадрата Б — 14 и северную половину квадрата Б — 15 и достигающая толщины 10—50 *см*.

Из скоплений культурного слоя извлечено огромное количество каменных изделий: отбойники, наковальники, нуклеусы, пластинки, отбросы производства, а также зубы акулы, обломки костей и рогов животных. Находки перемешаны с многочисленными обломками опоков розоватого цвета. В культурном слое изредка встречались древесные угли и обожженные кости, но следы очагов не были обнаружены. Культурный слой раскопа расположен непосредственно над обнажением кремня и на нем отчетливо видны следы извлечения кремня из пласта.

Культурный слой шурфа (1×3 *м*), заложенного в 10 *м* к юго-востоку от раскопа, также расположен непосредственно на кремнистом обнажении, где прослеживаются лунки желвачного кремня, вырытые древним человеком. Здесь найдены нуклевидные обломки, отщепы, обломки желвачного кремня и рога оленя. По-видимому, этот культурный слой является продолжением культурного слоя раскопа. Это предположение подтверждается характером напластования, а также способом выработки кремня.

Древние люди добывали кремень из пласта открытым способом, т. е. сперва снимали почву, слагавшуюся над обнажением, а затем извлекали его при помощи каменных и костяных орудий. Доказательством тому являются оставшиеся лунки и сохранившаяся в них часть обломанных кусков желвачного кремня.

Следует отметить, что в сравнительно позднее время на этой же площадке мастерской велась подземная выработка кремня, о чем говорят остатки шахт, прослеживающиеся в траншее, заложенной в яме-западине в 20 *м* к югу от раскопа.

Переходя к описанию находок, следует отметить, что здесь представлены два разновременных комплекса, следовательно, их описание будет дано отдельно.

Инвентарь мустьерского комплекса (329 предметов) был собран на поверхности территории мастерской и в окрестности карьера «Ташкутан».

Часть предметов изготовлена из местного окремневшего известняка, кремня, из глинистого сланца и гранита. Одни изделия из кремнистого известняка сильно окатаны и покрыты интенсивной беловато-серой патиной, другие покрыты коричневато-серой и желтой патиной и слегка окатаны. Несмотря на различия патинизации, мы объединяем обе части в один комплекс.

Коллекция данного комплекса состоит из остроконечников, пластин, скребел, нуклеусов и отщепов.

Обнаружено всего четыре экземпляра остроконечников и их заготовок. Материалом для них послужил кремнистый известняк (3) и кремень хорошего качества (1). Большой интерес представляет остроконечник, изготовленный из первич-

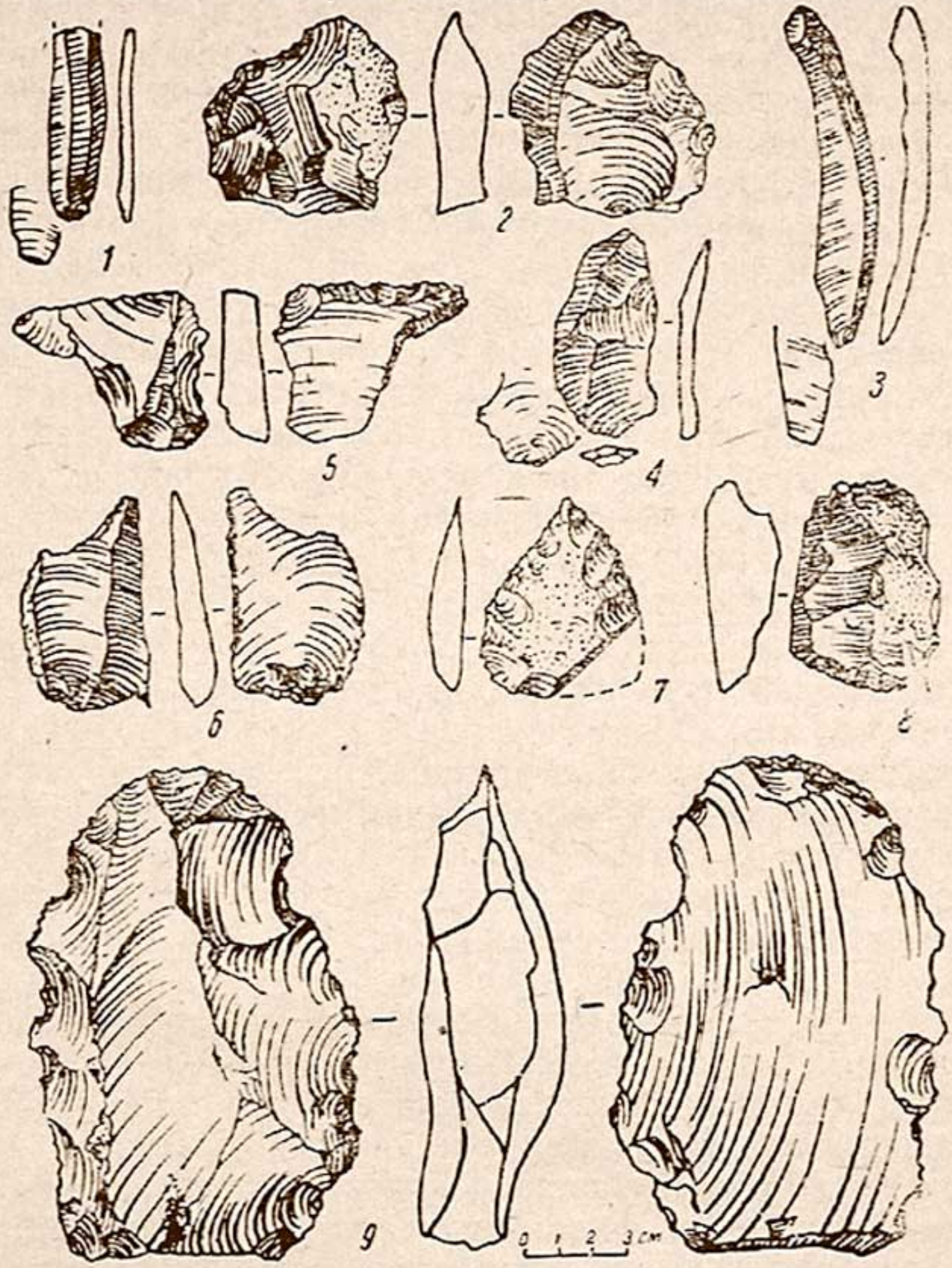

Рис. 2. Находки из Учтутской кремнеобрабатывающей мастерской.

1, 3—пластинки, *2*—дисковидный нуклеус, *4*—пластинка, *5, 8*—скребки, *6*—орудие, *7*—остроконечник, *9*—крупное грубо отбитое орудие.

ного скола кремневого отщепа. Поверхность его слегка окатана и покрыта беловатой и желто-серой патиной. На спинке частично сохранилась желвачная корка; края со спинки оформлены крупными фасетками с типично мустьерской ретушью, часть основания сломана в древности (рис. 2, *7*). Размеры остроконечника 5,8 × 4,5 × 0,9 *см*. Остальные три

экземпляра представляют собой заготовки, сделанные из удлиненных известняковых отщепов, имеющих более массивный и архаичный облик. На спинке заготовок остроконечника сохранились следы предыдущих сколов. Ударная площадка широкая и находится под тупым углом к продольной оси остроконечника. Они не подвергнуты вторичной обработке. Длина их колеблется от 5,6 до 7,4 *см,* ширина — от 3,2 до 4,6 *см,* толщина — от 3,2 до 4,6 *см.* Найден единственный экземпляр обломка скребла из глинистого сланца и 30 экземпляров пластин и их обломков. Материалами для их изготовления служили окремневший известняк и кремень. Поверхность почвы всех пластин покрыта серовато-желтой патиной. Среди них встречаются обломки оснований пластин, ударные площадки которых обработаны поперечными сколами. На пластинах не обнаружено следов обработки. Следует особо отметить изогнутую пластину, на спинке которой сохранились следы предыдущих сколов, идущие со всех сторон к центру. Ее ударная площадка размером $6 \times 3 \times 0{,}6$ *см* фасетирована (рис. 2, *4*). Остальные пластины носят более или менее правильную изогнутую форму с двумя или тремя скатами. Ударные площадки маленькие и подправлены поперечными мелкими сколами. Судя по огранению верхних поверхностей и подправленным ударным площадкам, они отделены от нуклеусов дисковидного типа. Длина их колеблется от 3,8 до 8,4 *см,* ширина от 2,5 до 3,3 *см* и толщина от 0,4 до 1,4 *см.*

Дисковидные нуклеусы и их обломки представлены 83 экземплярами. Почти все они односторонние, на тыльной стороне их сохранилась желвачная корка, а по краям площадка нуклеуса подправлена мелкими поперечными сколами. Некоторые из них использованы до предела. Следует выделить дисковидный нуклеус, одна сторона которого частично сохранила гладкую поверхность кремня и вдоль окружающих краев подправлена рядом сколов. Противоположная сторона сплошь покрыта фасетками сколов (рис. 2, *2*). Все описанные экземпляры представляют собой довольно типичные образцы дисковидных нуклеусов, характерных для мустьерского времени.

Самую многочисленную группу мустьерского комплекса составляют отщепы (259 экз.). Они изготовлены из кремня (245) и известняка (14). Для отщепов характерны треугольные и подчетырехугольные очертания. Некоторые из них массивные и сравнительно крупные, ударные площадки больших размеров, гладкие и находятся под тупым углом к отбивной поверхности. Чаще встречаются мелкие отщепы. Ударные площадки в одних случаях гладкие, в других — фасети-

рованы, а в третьих — подправлены двумя или тремя поперечными сколами. На спинках представленных в коллекции отщепов в большинстве случаев сохранились следы радиальных сколов; изредка встречаются такие отщепы (57), на спинке которых сохранилась желвачная корка. Длина их варьирует от 2 до 10 *см,* ширина — от 1,5 до 8, а толщина — от 2 до 2,5 *см.* Из всего сказанного следует, что изделия данного комплекса имеют черты, характерные для мустьерской эпохи.

Ближайшие аналогии мустьерского комплекса Учтута обнаруживаются среди мустьерских комплексов Иджонтской[2] и Капчигайской[3] мастерских.

Другой более поздний комплекс изделий составляет наиболее обильную (39185 экз.) группу из двух комплексов Учтутской мастерской и состоит из раскопочного и незначительной части подъемного материала.

Он представлен разнообразными крупными грубо обтесанными орудиями: отбойниками, наковальнями, нуклеусами, орудиями из рогов оленя, а также большим количеством отбросов производства. В коллекции встречаются немногочисленные пластинки, скребки и другие орудия мелких размеров.

Наибольший интерес представляют 89 орудий, изготовленных из крупных удлиненных кремневых желваков и из полукруглых камней. При тщательном изучении их можно разделить на пять групп.

Первую группу составляют крупные, грубо обработанные различной формы орудия (65 экз.), изготовленные из больших желваков и отщепов овальной формы. Длина их варьирует от 12 до 16 *см,* ширина от — 7,5 до 12 и толщина — от 2 до 7 *см.* Они имеют удлиненные, подчетырехугольные, полукруглые очертания и обработаны по одному или двум краям сперва грубыми сколами, идущими в различных направлениях, а затем сравнительно более мелкой ретушью. У некоторых из них рабочие края ровные, у других — полукруглые (рис. 2, *9*).

Вторая группа, более характерная для изучаемого периода, представлена тремя кремневыми рубилами удлиненной и полуовальной формы с острым концом, удобными для держания. Рубила обработаны односторонней обивкой, несколькими крупными сколами, придающими им архаичный облик, напоминающий ашельские ручные рубила. Их длина

---

[2] М. Р. Касымов. Кремневая мастерская близ кишлака Иджонт, Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 8, стр. 62—64.

[3] А. П. Окладников, М. Р. Касымов, П. Т. Конопля. Капчигайская палеолитическая мастерская, История материальной культуры Узбекистана, вып. 5, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1964, стр. 6—9.

колеблется от 3,5 до 12,8 *см,* ширина — от 7,7 до 10,4 и толщина от — 2,9 до 3,8 *см.*

Третью группу составляют пять орудий. Мастера того времени, придавая удлиненную форму желваку, заостряли рабочие края поперечными сколами, после чего, по-видимому, использовали их в качестве клиновидного орудия. Об этом говорят сохранившиеся следы ударов на противоположном конце. Так же, как и орудия первых двух групп, они имеют большие размеры: длина их —14—21 *см,* ширина —7—10 и толщина —3,6—6,4 *см.*

В четвертую группу входят 10 орудий, отличающихся от предыдущих своеобразной удлиненной формой и острым рабочим концом. Большинство из них удлиненные с широким основанием, края их не подвергнуты вторичной обработке, на острых концах сохранились следы сработанности. В эту же группу входят два удлиненных орудия, которые отличаются тем, что, кроме острого кончика, имеют три ретушированные грани. Аналогичные по форме орудия находим в коллекции из мастерской Городинской горы в окрестностях г. Ржева[4].

Последняя, пятая группа состоит из шести изделий, отличающихся тем, что они сначала были использованы в качестве отбойников, а затем из них изготовили более примитивные, напоминающие нижнепалеолитические рубящие орудия.

Итак, нахождение в культурном слое многочисленных орудий исключительно грубого характера и своеобразие форм их рабочих краев, по-видимому, связаны с добычей желвачного кремня из обнажения.

Кроме описанных предметов, в этом комплексе встречаются многочисленные отбойники и их обломки (3365 экз.), изготовленные из крупно-и мелкозернистой породы камня, песчаника и гранита; 205 экз. представляют собой исключительно выразительные отбойники с хорошо сохранившимися следами их применения, остальные (3160 экземпляров) являются мелкими обломками отбойника, без следов сработанности.

Среди них прежде всего обращают на себя внимание целые отбойники, имеющие более или менее удлиненную форму. Размеры их различны: длина — 12,5—24 *см,* диаметр — 2,5—11 *см.* В качестве рабочих краев использовались оба конца. Смятость и сбитость граней свидетельствуют о том, что их употребляли в качестве ударных инструментов.

---

[4] Л. Я. Крижевская. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья, МИА, № 13, 1950, стр. 56—60.

Наряду с отбойниками в Учтутской мастерской найдены и отбойники-наковальни (98 экз.). Они изготовлены из мелко- и крупнозернистой породы камня (94), песчаника (1) и гранита (3), имеют удлиненную форму с естественной гладкой поверхностью и различные размеры: длина —12,5—25,7 *см*, диаметр —6,5—14 *см*. Видно, что они сначала были использованы в качестве отбойников, затем — наковален. Почти все отбойники-наковальни имеют три или четыре грани с более или менее гладкой поверхностью, удобные для установки их на земле. На них при помощи отбойников разбивался желвачный камень, о чем свидетельствуют следы, сохранившиеся на отдельных участках поверхности.

Кроме названных орудий, обнаружено 686 нуклеусов и нуклевидных обломков, имеющих большое значение для изучения техники расщепления изделий. По своей форме и величине они исключительно разнотипны. Обнаружено восемь крупных нуклеусов, представляющих собой массивные желваки трех- и четырехугольной формы с несколькими ударными площадками размером 12—16,5 *см* в длину и 8—15 *см* в ширину. Найдены шесть подпризматических и конусовидных нуклеусов, площадки которых специально обработаны крупными сколами для предохранения от соскальзывания при ударе. Подобный прием подготовки площадок нуклеусов известен из наблюдений исследователей за изготовлением нуклеусов американскими индейцами[5].

Остальные нуклеусы (672) представляют собой более или менее правильные куски кремня со следами сколов, нанесенных в разных направлениях. На поверхности 460 из них частично сохранилась желвачная корка. Здесь же найдено 3 скола с площадки нуклеуса, имеющие характерную ломаную линию окружности, на которой хорошо заметны грани отделенных с нуклеуса пластинок.

В коллекции представлено 148 пластин, имеющих более или менее правильную форму. Пластинки, как и все орудия, почти не патинизированы. Среди них различаются пластинки с параллельным огранением (рис. 2, *1*) и двускатные изогнутые. Некоторые из них по краям частично обработаны мелкой ретушью (рис. 2, *3*). На спинке отдельных пластин частично сохранилась желвачная корка. Несмотря на малочисленность, их параллельные грани, сохранившиеся на спинке, являются доказательством того, что они систематически сни-

---

[5] A. Barnes. The technique of blade production in mesolithic and neolithic teimes. Proc. of the prehistoric Scciety, London, 1947, v. XIII.

мались одна за другой с призматического или конусовидного нуклеусов.

В инвентаре данного комплекса представлено 16 орудий, изготовленных из сравнительно тонких отщепов и маленьких обломков кремня различной формы.

Следует отметить два скребка, один из которых сделан из удлиненного отщепа. Один его конец тщательно обработан мелкой ретушью, вследствие чего образовался выпуклый рабочий край (рис. 2, *8*). Другой изготовлен из треугольного обломка кремня, его край тщательно отретуширован (рис. 2, *5*). Остальные скребки невыразительны, их вторичная обработка не доведена до конца.

Имеются также более или менее удлиненные отщепы, края которых оформлены противолежащей ретушью (4 экз.). Кончик одного из них заострен и напоминает сверловидное орудие (рис. 2, *6*).

Среди огромного количества находок в культурном слое раскопа и шурфа встречено лишь сравнительно немного орудий из рогов бухарского оленя, обломков костей животных (8) и зубы акулы (21)[6]. Всего в коллекции насчитывается 121 рог бухарских оленей. Орудия из рогов представлены кирками или, возможно, посредниками, причем почти все они состоят из обломков. Рабочей частью служили верхние концы рогов, на которых видны следы частого применения, в результате чего они заострились и сгладились. Описанные орудия связаны с добычей кремня, а возможно, и с первичным изготовлением каменных изделий.

Кроме каменных и костяных орудий, в этом комплексе представлены отщепы, обломки и осколки кремня (37804), составляющие почти 97% каменных изделий, собранных в раскопе, шурфе и траншее мастерской. Все они имеют неправильную форму и различные размеры. Они интересны тем, что их можно рассматривать как отбросы производства, получившиеся при первичной обработке нуклеусов-желваков.

Хотя количество вполне законченных каменных орудий этого комплекса по сравнению с количеством нуклеусов, заготовок и других изделий незначительно, они имеют свои особенности. Первая — одновременное наличие серийных крупных грубо обработанных орудий, предназначенных для добычи и обработки кремня. Именно серии таких кремнедобывающих орудий впервые встречены в Учтутской мастерской. В этом отношении она является уникальной и занимает

---

[6] Кости животных определены сотрудником ЛОИА АН СССР Н. М. Ермоловой.

одно из важнейших мест среди памятников каменного века Средней Азии.

Вторая особенность — чрезвычайное разнообразие в оформлении орудий одного и того же назначения, третья — наличие, помимо упомянутых грубо обтесанных орудий, мелких, отличающихся тонкой вторичной обработкой подпризматических, конусовидных нуклеусов и, наконец, слегка изогнутых ножевидных пластин, характерных для эпохи мезолита. Следовательно, вышеописанные грубо обитые орудия, по-видимому, также относятся к этому времени. Однако окончательная датировка инвентаря данного комплекса будет возможна лишь в процессе дальнейших исследований Учтутской мастерской.

Таким образом, найденные на территории Учтутской мастерской кремневые изделия мустьерского, особенно более позднего времени, и многочисленные отбросы производства показывают, что в этой кремнеобрабатывающей мастерской эпохи камня производилась добыча кремня, его первичная обработка, оттеска с целью удаления корки и изготовления кремневых пластин.

Во время работ на левом берегу сая Вауш и на территории Иджонтской мастерской были обнаружены различные каменные изделия, характерные для эпохи мустье[7].

В результате двух сезонов работ отрядом был добыт обширный материал, имеющий большое научное значение для решения ряда проблем, связанных с техникой добычи сырья кремнедобывающими орудиями, и для изучения развития и способов древней выработки камня в эпоху палеолита и неолита.

---

[7] Материалам Иджонтской и Ваушской мастерских посвящена статья Г. Дадабаева.

Г. ДАДАБАЕВ

НОВОЕ ОБ ИДЖОНТСКОЙ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ МАСТЕРСКОЙ

(по данным работ 1963 г.)

В 1959 и 1961 гг. палеолитическая группа Махандарьинского археологического отряда Института истории и археологии АН УзССР обнаружила кремневые изделия каменного века к северу и северо-западу от кишлака Иджонт Навоийского района Бухарской области, на южных склонах горы Калавашкзыл. Некоторые результаты разведок были опубликованы[1].

Осенью 1963 г. палеолитическая группа того же отряда[2] под руководством чл.-корр. АН УзССР Я. Г. Гулямова повторно обследовала южные склоны Каратау между кишлаками Учтут и Иджонт для детального изучения названного района. В результате сплошного обследования были выявлены новые пункты скопления расколотого кремня Иджонтской мастерской. Пункты кремнеобрабатывающей мастерской обнаружены на склонах оврагов, по берегам саев Тутли, Аккуль, Явкелди и безымянного, находящихся у подножия горы Калавашкзыл. По берегам этих саев выступают скалистые обнажения кремнистых известняков, разрушенных действием паводковых вод и резких колебаний температуры. Именно эти обнажения служили сырьевой базой для выделки орудий разного назначения.

В районе мастерских и их окрестностей из многочисленных отбросов производства нами отобрано около 170 экз. скребел, нуклеусов, пластин и отщепов разной величины и формы.

---

[1] М. Касымов. Кремневая мастерская близ кишлака Иджонт, Общественные науки в Узбекистане, № 8, Ташкент, 1961, стр. 62—64.

[2] В работе принимали участие М. Р. Касымов, Р. Сулейманов и Г. Дадабаев.

Скребла двускатные, кроме одного, изготовлены из массивных отщепов, выемчатая ретушь опоясывает около трети лезвия и заходит к спинке изделия, со стороны которой и

Каменные орудия из Иджонтской мастерской:

1, *2*—скребла; *3*, *6*—отщепы; *4*—пластина; *5*, *7*—нуклеусы.

были обработаны массивные рабочие края. Ударная площадка одного скребла (рисунок) ровная, широкая и расположена под косым углом к плоскости брюшка, не по продольной оси изделия, а сбоку, где видны раковистые изломы; размеры: 5,9 × 4,7 × 2,3 *см*. Рабочий край второго экземпляра расположен не на конце, а у основания с сужающимся носиком, который отретуширован более мелко (рисунок, *2*); размеры: 5 × 3,3 × 2,1 *см*. Техника изготовления заготовок с уплощением со стороны спинки и характер обработки ору-

дий свидетельствуют о мустьерском возрасте этих скребел. Третье скребло отличается от первых двух. Оно высокой полуовальной формы, изготовлено из нуклевидного кремня, имеет молочно-белую патину. Полукруглый рабочий край его отретуширован со стороны спинки. Сохранилась лишь первая половина рабочего края, а вторая сломана; размеры: 5 × ? × 2,2 *см*.

Нуклеусы в нашей коллекции представлены 9 экз. разных размеров и форм — прямоугольные, удлиненные и полуовальные. Имеются нуклеусы с подправленными площадками. На обеих поверхностях большинства из них сохранились следы ряда опоясывающих широких вытянутых негативов скола. Среди них выделяются 4 экз. Один полуовальной формы, двухплощадочный, первая площадка его подправлена несколькими небольшими сколами, а вторая — противоположная — гладкая и не имеет следов подправки, размеры: 12,5 × 8,2 × 5,3 *см*.

Второй нуклеус многоплощадочный (размеры — 7,5 × × 4,5 × 3,2 *см*); на одной из площадок сохранились сколы дополнительной обработки. Кроме того, со всех поверхностей ядрища отделены сколы различной величины, а на нижней поверхности, вблизи противоположного конца, имеются негативы нескольких отщепов. Опоясывающие глубокие и поверхностные сколы утолщают основание и противоположный конец, где и сохранилось несколько повторяющихся фасеток, видимо, от неудачного удара.

Следующий двухплощадочный нуклеус (рисунок, *7*) имеет продолговатую форму; подправленные площадки его расположены не по длинной оси, а на боковых поверхностях; размеры: 12 × 7,4 × 4,2 *см*. На поверхности его сохранился ряд разноориентированных негативов различных отщепов, в результате чего нуклеус приобрел более или менее дисковидное очертание. Среди нуклеусов имеется один нуклевидный отщеп, имеющий четырехугольную форму (рисунок, *5*), размерами 8,9 × 5,6 × 2,1 *см*. Он изготовлен из большого и массивного отщепа, на нижней поверхности которого ярко выражен ударный бугорок с расходящимися от него мелкими лучеобразными трещинами. Расположенная у основания ударная площадка находится под косым углом к брюшку. Противоположный конец отщепа усечен одним сильным ударом и, видимо, служил ударной точкой, а затем использован как нуклеус для дальнейшего употребления, о чем свидетельствуют сохранившиеся на его спинке радиальные уплощающие сколы разной величины, дающие четкое представление о характере отщепления дисковидных нуклеусов.

Кроме охарактеризованных нуклеусов, в коллекции есть один скол с ударной площадки ядрища, имеющий форму вытянутого подтреугольного отщепа со всеми признаками отщепления. Спинка его гладкая, слегка вогнутая, сбоку сохранились негативы продольных сколов.

Пластины и их обломки (18 экз.) удлиненных очертаний, многогранные, с острыми краями, без каких-либо следов вторичной обработки. Некоторые из них имеют частично сохранившуюся желвачную корку. Размеры варьируют от $8{,}2 \times 5{,}1 \times 2$ *см* до $4{,}2 \times 2{,}5 \times 0{,}5$ *см*. Среди них выделяются три наиболее характерных. Одна удлиненная, имеет четырехскатную поверхность, на которой сохранился ряд уплощающих негативов (рисунок, *4*); размеры —$8{,}2 \times 5{,}2 \times 2$ *см*. Ударная площадка ее лежит под косым углом к продольной оси пластины. Две других широкие двускатные. На их спинках, кроме параллельных граней, сохранились выщербинки от предыдущих сколов. Ударные площадки находятся под косым углом к нижней поверхности. Ударный бугорок у второй пластины более пологий, и от него расходятся мелкие выщербинки.

Значительную группу в нашей коллекции составляют отщепы (139 экз.). Они различны по очертанию и величине — прямоугольные, подтреугольные и удлиненные, в большинстве массивные, но встречаются и уплощенные. Попадаются экземпляры, у которых ширина превышает длину. Широкие ударные площадки расположены под косым углом к нижней поверхности. Ярко выражены ударные бугорки, имеющие полукруглые выступы, от которых расходятся мелкие лучеобразные трещины. На верхней поверхности их (за исключением нескольких экземпляров) сохранились следы негативов ст предыдущих сколов. Из числа подтреугольных отщепов следует отметить два. Один из них массивный, местами имеет желвачную корку, ударный бугорок занимает почти половину брюшка. Второй более уплощенный (без желвачной корки) с широкой ударной площадкой. Ширина отщепа превышает длину (рисунок, 6), размеры — $5{,}5 \times 9 \times 2{,}3$ *см*. На его спинке сохранились негативы от предыдущих сколов. Ударная площадка широкая, ровная и расположена под косым углом к плоскости брюшка. Ударный бугорок ярко выражен и занимает почти всю нижнюю поверхность. Из прямоугольных форм выделяется один двускатный отщеп со следами уплощающих сколов на спинке, которые идут с края к центру и наоборот. Ударная площадка широкая, без каких-либо подправок, она находится под косым углом к нижней поверхности (рисунок, *3*); размеры — $8 \times 7{,}2 \times 2{,}5$ *см*. Обращает на

себя внимание один двускатный удлиненный, уплощенный со стороны спинки краевой отщеп с чуть вогнутым профилем. На поверхности его частично сохранилась желвачная корка.

Таким образом, определяющим моментом для датировки всего комплекса материалов из Иджонтской кремнеобрабатывающей мастерской является наличие крупных нуклеусов, по очертаниям приближающихся к дискообразным с подправленными ударными площадками, пластин и овальных скребел из массивных отщепов с характерной ретушью, где ярко выражены все специфические признаки камня мустьерской эпохи.

Аналогии этому комплексу мы находим в коллекциях мустьерского комплекса Учтутской[3], Ваушской и Капчыгайской[4] кремнеобрабатывающих мастерских, а также в мустьерском комплексе изделий из грота Тешикташ[5].

В итоге обследования 1963 г. нами обнаружены новые пункты скопления кремня, уточнены пределы распространения пунктов кремнеобрабатывающей мастерской и хронологические рамки существования Иджонтской кремнеобрабатывающей мастерской — в пределах мустьерского времени, — причем наши материалы дают широкую характеристику этого этапа.

---

[3] М. Касымов. Кремневая мастерская у кишлака Учтут в районе Каратау Бухарской области, Научные работы и сообщения, книга 6, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 239—249.

[4] А. П. Окладников, М. Касымов, П. Т. Конопля. Капчыгайская палеолитическая мастерская, История материальной культуры Узбекистана, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1964, вып. 5, стр. 5—11.

[5] А. П. Окладников. Исследование палеолитической пещеры Тешикташ, Труды Узбекистанского филиала Академии наук СССР, серия I, Ташкент, 1940.

У. ИСЛАМОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ НА МАХАНДАРЬЕ

Весной и осенью 1963 г. Махандарьинский археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР продолжал полевые работы в районе Большого Тузкана, в 40 *км* к северо-западу от Каракуля. Отряд завершал раскопочные работы на многослойной стоянке Дарбазакыр, в северо-западной части озера, начатые в 1961 г., и одновременно занимался широкой разведкой района, в результате которой было обнаружено несколько новых неолитических стоянок кельтеминарского типа. Весной были найдены две стоянки в южной части, осенью — пять стоянок в северной части Большого Тузкана.

Шурфы, заложенные на всех стоянках, за исключением шурфа на 29 пункте, не дали никаких результатов. На всех стоянках найден многочисленный и выразительный материал, представляющий значительный интерес для выяснения техники изготовления кремневых орудий, керамики и их форм. В предыдущие годы на Большом Тузкане мы исследовали 28 неолитических стоянок кельтеминарской культуры. Нумерация новообнаруженных стоянок этого района следует за нумерациями стоянок предыдущих лет (рис. 1).

1. Стоянка Большой Тузкан 29 (БТ 29) находится в северном углу озера, в 150—200 *м* к востоку от стоянки БТ 21, на северо-восточной стороне подножья большой платообразной возвышенности. Она является вторым памятником с культурным слоем.

2. Стоянка Большой Тузкан 30 (БТ 30) расположена в северо-западной части озера, в 200—250 *м* к северу от стоянки БТ 20. На площади приблизительно 2 *га* собраны многочисленные кремневые орудия и фрагменты глиняных сосудов.

3. Стоянка Большой Тузкан 31 (БТ 31) находится на северо-восточном берегу озера, в 400—500 *м* к югу от стоян-

ки БТ 1. Площадь распространения россыпи кремневых орудий составляет примерно 1,5 *га*.

4. Большой Тузкан 32 (БТ 32) находится на северо-западном берегу озера, в 300—350 *м* к югу от стоянки БТ 20. Площадь распространения культурных остатков равна примерно 1,5 *га*.

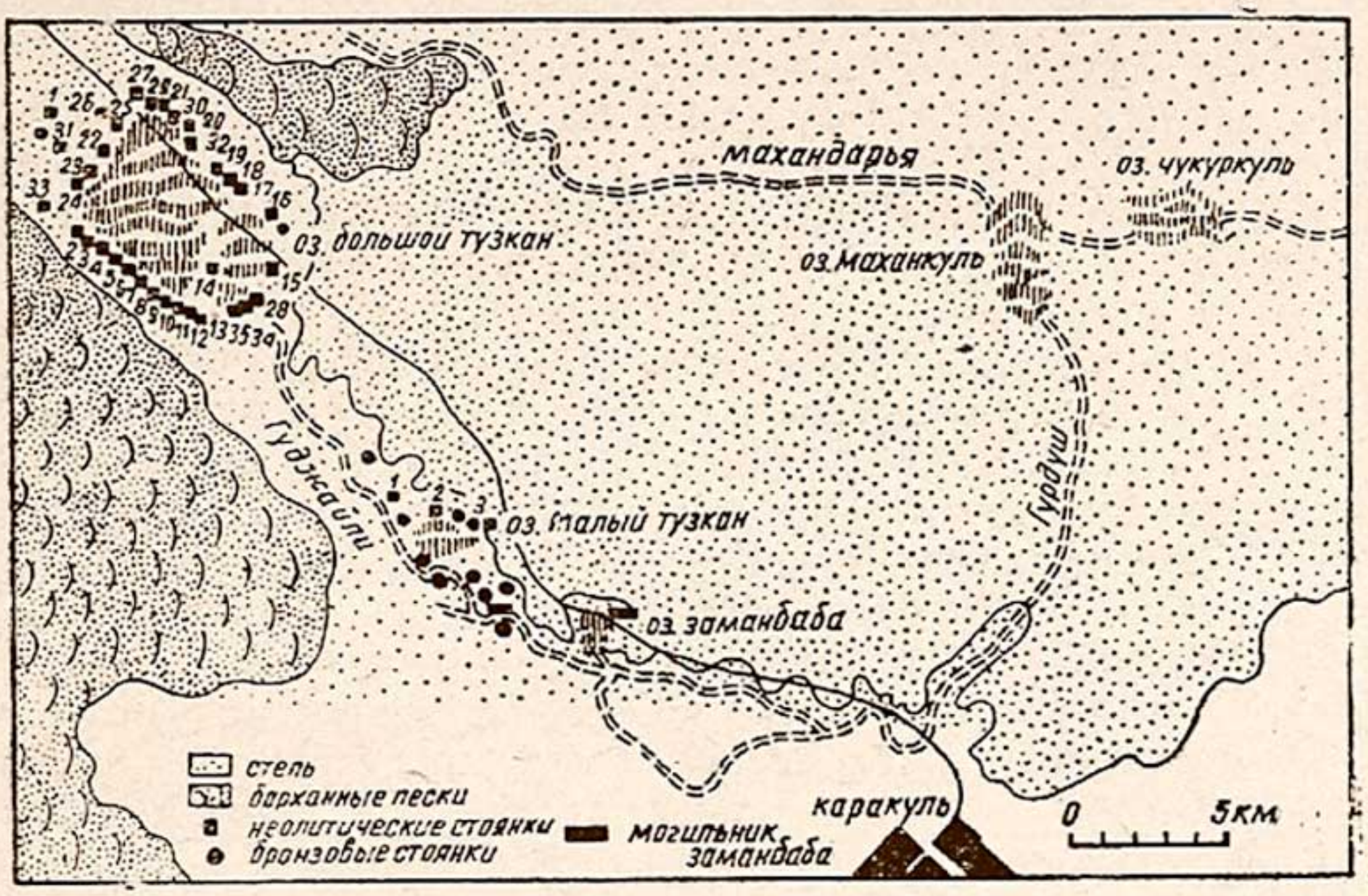

Рис.1. Схематическая карта Махандарьи.

5. Стоянка Большой Тузкан 33 (БТ 33) находится в северо-восточном углу озера, в 700—800 *м* к северо-востоку от стоянки БТ 23. Площадь распространения культурных остатков составляет примерно 2 *га*.

6. Стоянка Большой Тузкан 34 (БТ 34) находится в юго-западной части озера, в 300—350 *м* к северу от стоянки БТ 28. Площадь распространения кремневых орудий — примерно 1 *га*.

7. Стоянка Большой Тузкан 35 (БТ 35) находится в южной части озера, где р. Гуджайли впадает в Большой Тузкан, в 700—800 *м* к востоку от стоянки БТ 28. Площадь распространения кремневых орудий равна примерно 2 *га*. Отмеченные нами остатки поселений периода неолита дали довольно многочисленный, но однородный материал, состоящий из каменных изделий и фрагментов глиняной посуды. Для большего удобства рассмотрения этого кремневого материала уместно было разделить его на несколько больших групп,

различающихся по своим функциям. Внутри каждой группы предметы рассматриваются по форме. с указанием места, где они найдены. Мы сочли более удобным дать общую характеристику материала, собранного на всех известных нам стоянках.

Кремневые изделия, обнаруженные на всех стоянках, изготовлены из различного по качеству и цвету материала. Преобладает кремень молочно-белого и желтовато-белого цвета. Изредка встречается кремень коричневато-красных тонов. В инвентаре стоянок преобладают изделия микролитического типа, подавляющее большинство которых (свыше 90%) изготовлено из ножевидных пластинок. Всего собрано 4042 каменных предмета, из них примерно 45% — орудия труда и 55% — отбросы производства. Орудия производства по назначению делятся на орудия охоты, обработки шкур (ножи и мелкие деревянные части), обработки дерева, сверления, изделия, связанные с изготовлением каменных орудий, и орудия, связанные с зачатками земледелия.

Орудия охоты представлены наконечниками стрел, которые можно разделить на три группы.

1. Наконечники из пластин, имеющих форму подтреугольного короткого пера, с асимметричной боковой выемкой, скошенным основанием и частичной обработкой поверхности (6 экз.) На стоянках БТ 30 и БТ 34 найдено по два экземпляра таких наконечников и по одному на БТ 31 и БТ 32. Края и кончик пластинок обработаны очень тщательно. Особенно тщательной притупляющей ретушью выделена выемка (рис. 2, *1—3*).

2. Наконечники стрел миндалевидной формы (4 экз.) со стоянки БТ 30. По краям они обработаны заостряющей ретушью. Поверхность их не обработана (рис. 2, *5, 7, 9*).

3. Наконечники стрел (9 экз.) подтреугольной или листовидной формы, обработанные с двух сторон сплошной отжимной ретушью. Черешка не имеют. На стоянках БТ 30 и БТ 32 найдено по два таких наконечника, а на БТ 35—три (рис. 2, *4, 8, 10, 12*).

На стоянке БТ 30 обнаружен единственный наконечник стрелы, сделанный из пластинки ромбовидной формы, отработанный тщательной отжимной ретушью со всех сторон. (рис. 2, *6*).

Наконечник удлиненной формы, изготовленный из желтого кремня, был обнаружен на стоянке БТ 35. Боковая выемка в основании наконечника выделена крутой затупляющей ретушью. Наконечник обработан со всех сторон. У кончика его видны круговые линейные следы, что говорит

об использовании его как наконечника для стрелы и как сверла (рис. 2, *14*).

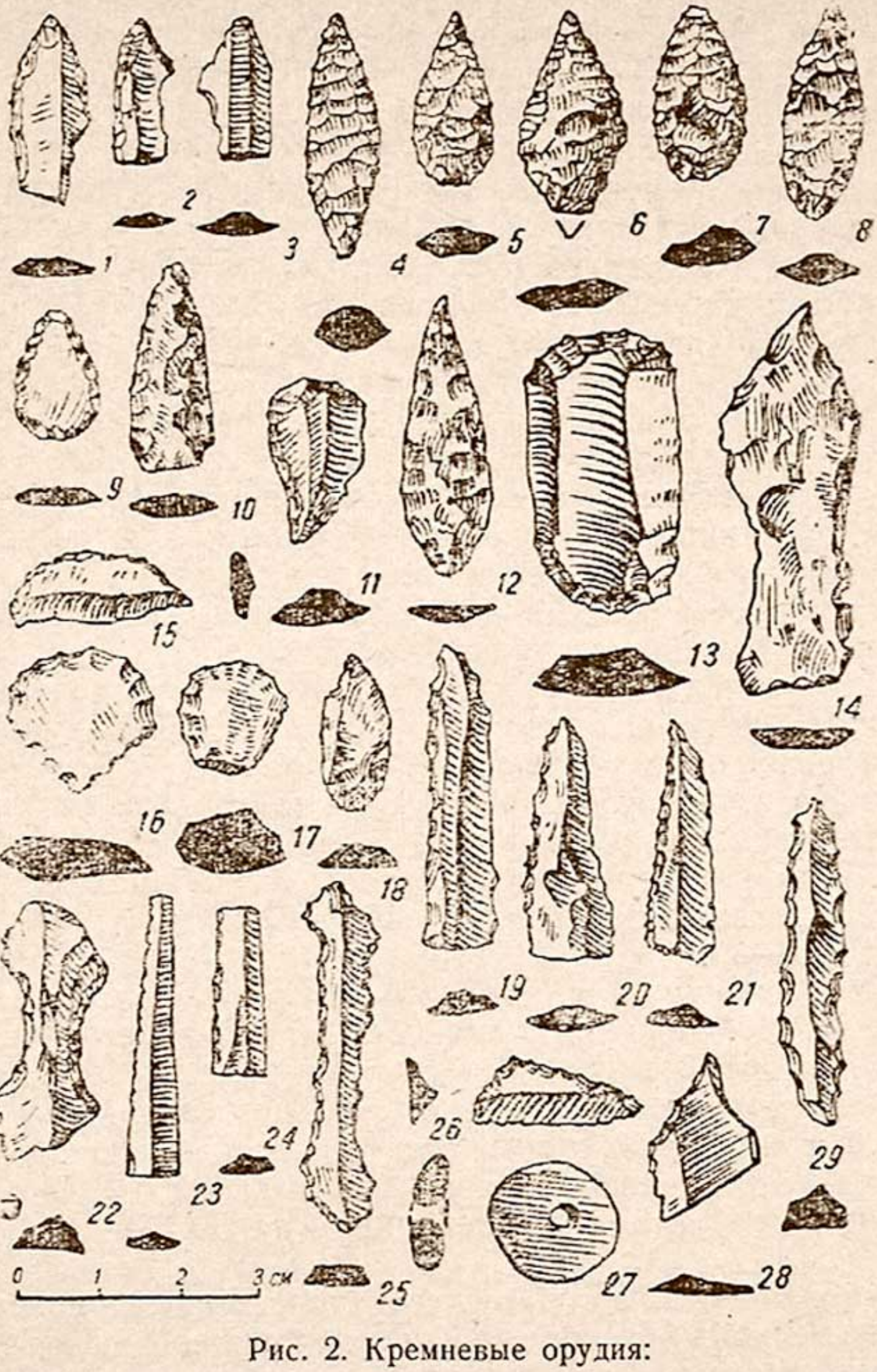

Рис. 2. Кремневые орудия:

1, 2, 4—9, 18, 22, 26, 27—со стоянки БТ 30; *3, 11, 13, 16, 19—21, 23—25, 29*—со стоянки БТ 32; *10, 12, 14*—со стоянки БТ 35; *15, 17*—со стоянки Дарбазакыр II.

Орудия для обработки шкур и кожи представлены скребками, скобелями и ножами.

Скребки изготовлены преимущественно из пластинок. Встречаются боковые, концевые округлые и различной фор-

мы микролитические скребки. Концевые скребки можно разделить на две группы:

1) концевые скребки из небольших тонких пластинок правильной призматической формы с выпуклым овальным рабочим краем. Всего их найдено 13 экз., из них 4— на стоянке БТ 30, 2— на БТ 31, 5 — на БТ 32 и 2 — на БТ 34 (рис. 2, *11, 13*);

2) скребки (18 экз.), изготовленные из отщепов неправильной формы, у которых выработан ретушью полукруглый или слегка выпуклый рабочий край (рис. 2, *16*).

Резцы-скобели по форме можно отнести к микроскребкам, но линейные следы указывают на то, что ими работали по дереву, как скобелями. Всего их найдено 6 экз., из них 5 — на стоянке БТ 33 и 1 — на БТ 34 (рис. 2, *17*).

Скобели подразделяются на две группы:

1) скобели, изготовленные из удлиненных призматических пластинок с вогнутыми краями. Всего найдено 80 экз., из них 23 — на стоянке БТ 30, 39 — на БТ 31, 13 — на БТ 32, 2 — на БТ 33 и 3 — на БТ 34 (рис. 2, *22, 25*);

2) скобели, изготовленные из призматических пластин, с незначительным углублением, подправленным крутой заостряющей ретушью со стороны спинки и брюшка. Всего найдено 150 экз., из них 44 — на стоянке БТ 30, 53 — на БТ 31, 47 — на БТ 32, 1 — на БТ 32, 2 — на БТ 34, 3 — на БТ 35.

Треугольники, изготовленные из пластинки. Один продольный, боковые края обработаны тщательной мелкой отжимной притупляющей ретушью. Найдено всего 2 экз., на стоянке БТ 30 (рис. 2, *26*).

Обнаружено 280 экз. вкладышей ножей, изготовленных из призматических пластинок. Из них на стоянке БТ 30 найдено 95 экз. на БТ 31—115, на БТ 32—58, на БТ 33—1, на БТ 34 — 4 и на БТ 35 — 7 экз. (рис. 2, *23, 24*).

Орудия для сверления представлены сверлами и проколками. Сверла можно подразделить на три группы:

1) сверла из массивных призматических, довольно грубых удлиненных пластинок (4 экз.) — стоянка БТ 30;

2) чаще всего встречающиеся сверла на узких и тонких пластинках. Всего найдено 124 экз. Из них 23 — на стоянке БТ 30, 26 — на БТ 31,, 65 — на БТ 32, 2 — на БТ 33, 5 — на БТ 34 и 3 — на БТ 35. (рис. 2, *29*).

Развертка изготовлена из довольно грубых пластинок, линейные следы расположены не на кончике пластины, а на продольных краях. Следовательно, сверлом сверлили узкое отверстие, а разверткой расширяли его, придавая более правильную форму (рис. 2, *19, 20*);

3) миниатюрные сверла изящной формы и превосходной обработки (28 экз.) — стоянка БТ 30.

Проколки изготовлены из узких и тонких призматических пластинок. Всего найдено 33 экз., из них 7— на стоянке БТ 30, 13 — на БТ 31, 9 — на БТ 32, 1 — на БТ 33 и 3 — на БТ 34 (рис. 2, *21*).

К орудиям, связанным с зачатками земледелия, можно отнести серпы и зернотерки.

1. Серпы, изготовленные из довольно крупных отщепов, рабочий край которых ретуширован зубчатой ретушью (3 экз.). Поверхность этих серпов заполирована до блеска в результате длительного употребления, на спинке и брюшке имеются линейные следы, параллельные краю. На стоянке БТ 32 найдены два серпа и на БТ 33 — один.

2. Серпы, изготовленные из узких и тонких призматических пластинок. Пластинки ретушированы по одному продольному краю зубчатой ретушью. На стоянке БТ 32 найден один такой серп, а на стоянке БТ 35 — три.

Обнаружено пиловидное орудие, изготовленное из призматических пластин, имеющих линейные следы. На стоянках БТ 32 и БТ 35 найдено 5 обломков зернотерок, средняя часть которых имеет вогнутую поверхность, а на БТ 33 найден подпятник для дверей овальной формы, изготовленный из кварцита.

В данном районе обнаружена также небольшая серия шлифованных неолитических орудий, представленных четырьмя экземплярами тесел-топоров, сделанных из галечника-кремня. Их можно разделить на две группы:

1) тесла-топоры, шлифованные по рабочему краю с двух сторон с плоским обушком и симметричным профилем прямоугольной формы, 2 экз. которых найдены на стоянке БТ 30;

2) тесла-топоры шлифованные, имеющие овальный, широкий рабочий край. По форме они приближаются к острообушным топорам. Длина одного из них 4,5 *см*, ширина 4,5 и толщина 0,7 *см*; длина другого 2,5 *см*, ширина 5, длина 0,7 *см*. По одному такому топору было найдено на стоянках БТ 31 и БТ 32.

К изделиям, связанным с изготовлением каменных орудий, относятся нуклеусы, пластинки, грузила, отбойники и точильники.

Встречаются нуклеусы призматической формы из разноцветного кремня, обычно предельно использованные, условно их можно разделить на односторонние и нуклеусы с круговой обработкой.

1. Найдено 55 экз. односторонних нуклеусов. Из них 12— на стоянке БТ 30, 23 — на БТ 31, 14 — на БТ 32, 3— на БТ 34 и 3 — на БТ 35.

2. Нуклеусы с круговой обработкой найдены на стоянках БТ 30 (1 экз.) и БТ 31 (2 экз.). На них со всех сторон видны следы снятия ножевидных пластин.

Среди пластинок имеются микропластинки и пластинки обычной величины. Найдены микропластинки без ретуши и без следов работы (56); пластинки без ретуши (992), изготовленные из различного по цвету кремня, служившие для заготовки различных орудий; отщепы с ретушью (54 экз.), имеющие различные формы и ретушированный край.

Остальную часть кремневого инвентаря составляют отбросы производства.

На стоянке БТ 30 найдено одно грузило полуяйцевидной формы, изготовленное из крупнозернистого кварцитого камня со сквозным отверстием.

Два отбойника, изготовленные из галечника, обнаружены на стоянках БТ 30 и БТ 32. На их поверхности сохранились следы употребления.

На стоянке БТ 30 найден единственный великолепный точильник удлиненной оваловидной формы, тщательно отполированный, изготовленный из песчаника. На поверхности его имеются углубления. Длина точильника 25 *см*, сечение 10 *см*.

Наряду с обширным кремневым инвентарем на стоянках обнаружена небольшая коллекция каменных бус и подвесок (21 экз.).

Бусы имеют овально-удлиненную, удлиненно-цилиндрическую и овальную формы (рис. 2, *27*). Подвески овально-удлиненной формы изготовлены из белого мрамора, из них на стоянке БТ 30 найдены четыре экземпляра, а на БТ 35 — один.

Все найденные на тузканских стоянках бусы и подвески тщательно отполированы, вероятно, в процессе их ношения на теле или на одежде.

На тузканских стоянках обнаружены и четыре костяных шила: два — на стоянке БТ 30 и два — на БТ 35. Рабочие части шил хорошо отполированы.

Кремневые изделия с Большого Тузкана характерны для неолитической культуры охотников и рыболовов, связанной многими традициями еще с порой мезолита. Их полное сходство с кельтеминарскими комплексами стоянок соседних районов совершенно очевидно и выражается в идентичности форм и пропорции орудий.

Суммируя фактический материал тузканских памятников, можно сделать следующие выводы: нижняя хронологическая граница тузканских памятников стоит ближе всего к IV слою Джебела, который датирован радиокарбоновым методом концом V — началом IV тысячелетия до н. э. Это соответствует археологическим данным, приведенным в работе А. П. Окладникова[1]. Верхняя граница тузканских памятников доходит до конца III тысячелетия до н. э. Отсюда следует, что культура типа кельтеминарской была распространена в IV—III тысячелетиях до н. э.

Разумеется, предложенные выше датировки имеют только предварительный характер. Будущие раскопки и поиски могут их изменить и дополнить.

Основным видом хозяйственной деятельности населения низовьев Зарафшана в эпоху неолита были охота и рыболовство. Об этом говорит не только расположение самих поселений по берегам рек и озер, но и найденные при раскопках орудия труда, оружие и кости животных.

На тузканских стоянках найдено много наконечников стрел разнообразной формы, сделанных из камня. Это позволяет утверждать, что лук и стрелы были основным вооружением древнетузканского охотника.

Наличие обломков зернотерок и вкладышей серпов говорит о том, что тузканцы, возможно, уже в местных условиях положили начало земледелию.

Если кремневые орудия тузканских стоянок чрезвычайно однородны, то в керамике можно вполне отчетливо видеть разнообразие. Сосуды изготовлены от руки, сравнительно тонкостенные и равномерно обожженные[2].

---

[1] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

[2] Детальному изучению керамических материалов указанных стоянок будет посвящена специальная статья.

А. АСКАРОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЗОВЬЯХ ЗАРАФШАНА

В последние годы Махандарьинский археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР систематически производит полевые работы в районе Южных Кызылкумов Бухарской области по изучению памятников первобытных культур различных периодов. В результате здесь обследовано более 40 неолитических стоянок[1] и около 20 остатков поселений с тремя могильниками эпохи бронзы[2]. Материалы этих памятников представляют собой научную ценность для характеристики хозяйственно-бытовой жизни населения, обитавшего на территории Западного Узбекистана в IV—II тысячелетиях до н. э.

Осенью 1963 г. отряд вновь предпринял поиски объектов эпохи бронзы, ранее неизвестных в этом районе. Остатки поселений данного периода найдены в четырех пунктах: один из них — близ оз. Заманбаба, в 18 *км* к северо-западу от Каракуля, а остальные — на Большом Тузкане, в 40 *км* к северо-западу от него.

Первый пункт обнаружен на правом берегу сухого русла Гуджайли, в 1 *км* к юго-западу от оз. Заманбаба; здесь еще в 1960 г. было обследовано 10 стоянок эпохи поздней бронзы степного типа. Условная нумерация этого пункта следует за нумерацией стоянок предыдущих годов — Гуджайли 11[3].

Гуджайли 11 расположен почти на ровной площадке такыра под платообразной возвышенностью с северной стороны,

---

[1] У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана, Автореферат канд. дисс., Л., 1963.

[2] А. Аскаров. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы, Автореферат канд. дисс., Л., 1962.

[3] А. Аскаров. Памятники эпохи бронзы в районе Махандарьи. Научные работы и сообщения АН УзССР, Серия общественных наук, кн. 4, Ташкент, 1961, рис. 3.

к югу от нее лежат огромные холмообразные барханы, образовавшиеся еще в древности.

Исследование заложенных здесь двух шурфов размером 2 × 1 *м* не дало никаких результатов. Мы ограничились сбором подъемного материала, лежавшего на поверхности выдува на площади около 300 *м*². Нами собрано значительное количество фрагментов керамики и других предметов хозяйственного и бытового назначения. На территории стоянки встречается довольно много мелких осколков костей животных. Из числа каменных изделий, обнаруженных здесь, важно отметить два наконечника стрелы подтреугольной формы с двухсторонней отжимной ретушью. Один из них изготовлен из серого кремня, а другой — из халцедона. Имеется несколько отщепов, иногда с частичной ретушью со стороны брюшка. Аналогичные каменные орудия попадаются в низовьях Зарафшана почти на всех стоянках эпохи бронзы. К числу керамических изделий относятся найденные здесь заготовки грузиков-кружков. Изготовлены они в основном из обломков тонкостенных сосудов хорошего обжига, имеют правильную круглую форму с ровными краями, размер их — 3—5 *см* в диаметре. Грузики из керамики найдены здесь впервые, но они широко известны по памятникам других районов Средней Азии[4].

Для изучения подъемных материалов здесь привлечено более 140 черепков не менее 30 сосудов, изготовленных из грубой глины с примесью дресьвы, песка и толченых раковин. Большинство фрагментов орнаментировано геометрическими узорами, состоящими из горизонтально и вертикально расположенных ломаных линий, часто гладкого штампа (рис. 1а, *2, 6*) и реже гребенчатого штампа (рис. 1*а, 3, 4*). Встречаются украшения в виде равнобедренных треугольников по венчику сосудов (рис. 1*а, 1*) и незамкнутые треугольники вершинами вверх (рис. 1а, *7*). Поверхность сосудов менее насыщена орнаментом, узор которого обычно прост и однороден. У некоторых сосудов при переходе от венчика к плечикам отмечаются обычные для керамики алакульского этапа андроновской культуры уступчик и неорнаментальная полоса нижней части венчика (рис. 1а, *2, 5*)[5].

---

[4] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, № 118, 1962, рис. 9, *2, 4, 10, 18.*

[5] А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 7, стр. 73—74; А. Аскаров. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана, История материальной культуры Узбекистана, вып. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 35.

Особенно важно отметить наличие в керамическом комплексе Гуджайли 11 остроребериых сосудов, характерных для керамики срубной культуры[6].

Эта группа сосудов по форме приближается к биконическим — наиболее широкая часть тулова находится как раз на середине его высоты (рис. 1а, *б*). М. А. Итина правильно

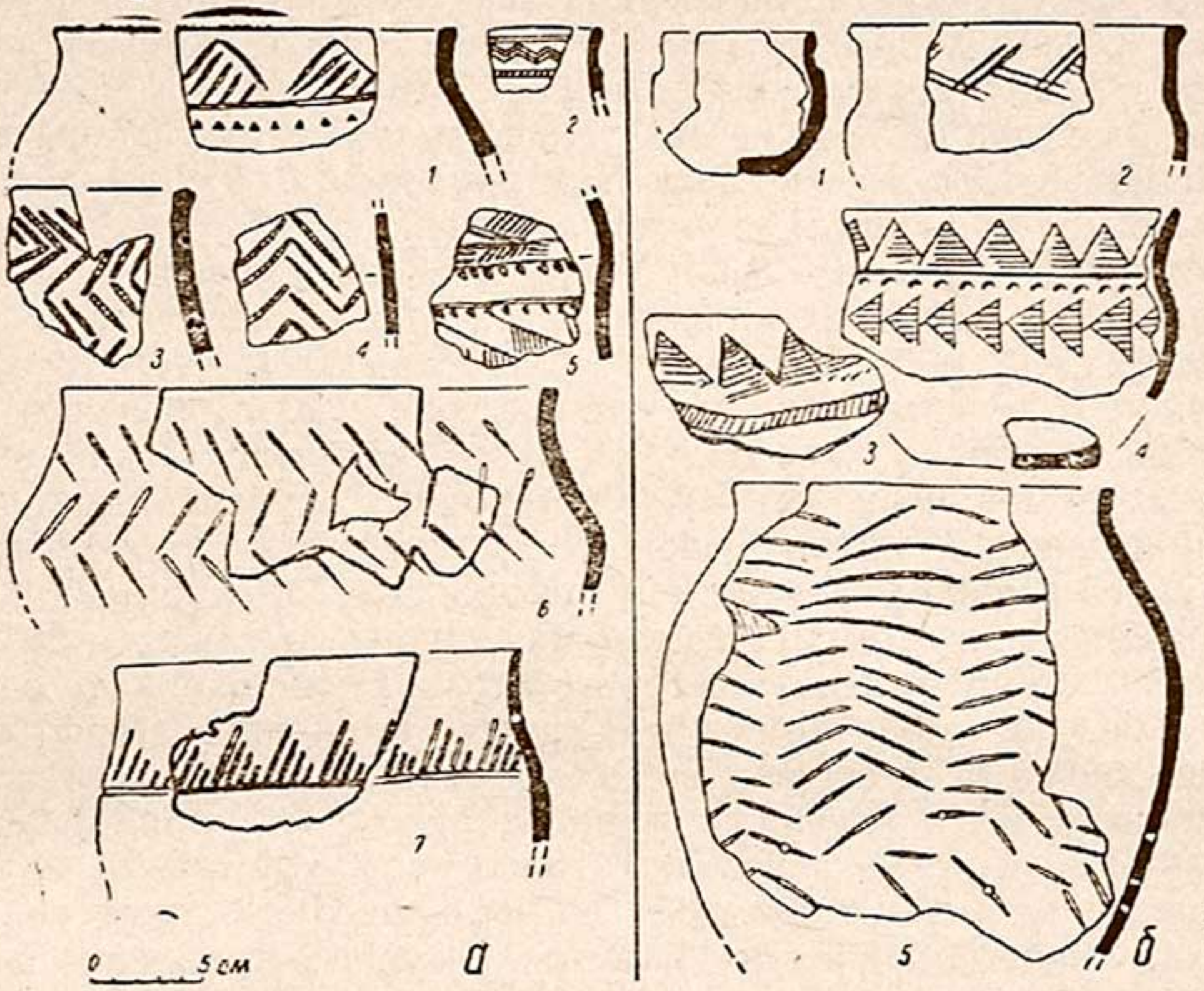

Рис. 1. Керамика низовьев Зарафшана:

а—со стоянки Гуджайли 11; *б*—со стоянок Пайкенд 7 (*1*, *4*), Большой Тузкан (*2*, *5*), поселения Заманбаба (*3*).

отметила, что эта форма своим появлением в Средней Азии во многом обязана типичным срубным остроребериым сосудам[7], датируемым последней четвертью II тысячелетия до н. э.

На Большом Тузкане, о котором будет сказано ниже, найдены совершенно новые по форме сосуды, которые связаны с дальнейшим развитием хозяйства андроновских племен в дан-

---

[6] Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, МИА, № 42, 1954, стр. 65, 107, 127; К. Сальников. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного, СА, XIII, 1950, стр. 314; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, № 46, 1955, рис. 10, 7.

[7] М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3, МХЭ, вып. 5, М., 1961, стр. 67.

ном районе. Еще в 1960 г. при разведке на Большом Тузкане нами были зафиксированы две стоянки эпохи бронзы — Большой Тузкан 1 и Большой Тузкан 2[8]. Тогда мы из-за отсутствия определенной формы сосудов, характерной для памятников более поздних периодов, чем последняя четверть II тысячелетия до н. э., не смогли снизить их хронологию, поскольку орнаментация сосудов тех стоянок, как и памятников, обнаруженных в 1963 г., была схожа с орнаментальными узорами керамики гуджайлинского комплекса. Однако новые находки на Большом Тузкане в трех пунктах заставляют нас осторожнее подходить к вопросам относительной и абсолютной хронологии этих памятников.

Стоянка Большой Тузкан 3 расположена в северной части солончака, в одном из плоских навеянных барханов, образовавшихся, по-видимому, после высыхания этой части озера. Здесь на отдельных площадях территории (120×100 *м*) встречаются скопления керамики, очевидно, остатки мелких временных домов первобытных скотоводов. Культурный слой стоянки фактически разрушен, сохранилась лишь небольшая его часть в одном из участков стоянки. Шурф глубиной 1 *м*, заложенный на этом месте, дал материалы до глубины 50 *см* в слое плотного зеленовато-серого песка. Ниже оказался слой песка без находок с комками озерных отложений. Шурф был расширен со всех сторон до 56 $м^2$. Во вскрытой части площади на разных уровнях (в пределах 50 *см*) обнаружены 205 фрагментов не менее чем 16 сосудов, кремневый наконечник, стрелы листовидной формы, довольно тщательной двухсторонней обработки обжимной ретушью; кремневая пластинка; два обломка бронзового предмета и два куска камня-песчаника. В северо-западной части раскопа на глубине 28 *см* прослеживались следы кострища округлой формы, в котором, как и за его пределами, найдены черепки и мелкие обожженные кости животных. Мощность прокаленного песка очага около 20 *см*. Шурфы, заложенные на остальных участках стоянки, не дали никаких результатов. На всей площади стоянки из небольшого раскопа собрано более 1000 черепков. Среди мелких обломков встречается несколько фрагментов, по которым иногда удается восстановить формы сосудов. Около 215 черепков оказались орнаментированными. Орнамент керамики почти однородный, состоит из оттисков гладкого штампа, обычно наносится на верхнюю часть сосудов, изредка спускается ниже туловища. В большинстве случаев узоры составлены горизонтально расположенными ло-

[8] А. Аскаров. Памятники эпохи бронзы . . . , стр. 273.

маными линиями (рис. 1б, *5*), значительно реже — густо оттиснутыми вертикальными ломаными. Встречаются и замкнутые треугольники, расположенные по венчику сосуда, часто ниже треугольников сосуды орнаментированы заштрихованными поясками. В одном случае венчик сосуда украшен незавершенными ромбовидными фигурами (рис. 1*б, 2*), на дне одного черепка видны следы отпечатка шерстяной ткани.

Стоянка Большой Тузкан 4 находится в северо-западной части озера, в 1 *км* к западу от стоянки Большой Тузкан 3. Она расположена в углублении, близ старого колодца «Эгри кал» (кривая лысина). Площадь стоянки небольшая, обломки битых сосудов встречаются лишь приблизительно на площади 0,12 *га*. Культурный слой разрушен. Здесь собрано более 150 черепков, из них 56 обломков не менее чем 16 глиняных посуд, орнаментированных различными ломаными линиями и заштрихованными треугольниками. Однако из-за незначительности размеров фрагментов сосудов данной стоянки не удается восстановить их определенные формы. На стоянке в двух случаях обнаружен кремневый инвентарь неолитического облика — сегмент и проколка, случайно попавшие откуда-то извне.

Последняя стоянка (5) обнаружена в северо-восточной части озера. Она развеяна, материальные остатки лежат прямо на поверхности небольшой площади (0,5 *га*). Здесь собрано 247 черепков не менее чем 17 сосудов. Из них более 80 орнаментированы преимущественно ломаными линиями и реже треугольниками. На площади Большой Тузкан 5 найдено несколько кусков бронзовых поделок, две пластинки с ретушью, кремневый наконечник стрелы с двухсторонней обработкой, одна бусинка бочонковидной формы из полосатого известняка и два обломка песчаниковых зернотерок. В одном месте сохранились в виде комков солончакового такыра остатки очага неправильно-квадратной формы, размером 80 × 76 *см,* при толщине обожженной глины 8 *см*. Ниже идет слой прокаленного песка глубиной 22 *см*. Сосуды данной стоянки, как и предыдущих двух на Большом Тузкане, изготовлены из грубой глины с примесью дресьвы и толченых раковин, реже песка. Обжиг слабый. Черепок пористый.

Сложная разнообразная орнаментация сосудов, столь характерная для керамики более ранних этапов андроновской культуры, здесь не встречается. Орнаментальный мотив керамики довольно однороден и прост, по характеру композиции неотличим от узоров тазабагьябской керамики низовьев Зарафшана. Однако форма сосудов не свойственна ке-

рамике алакульского и федоровского этапов андроновской культуры. В комплексах керамики этих стоянок много грубых толстостенных сосудов с плохо выраженным узким венчиком.

Важно отметить наличие некоторых сосудов, по форме необычных для керамики андроновской культуры, к числу которых можно отнести сосуды с едва заметным узким гор-

Рис. 2. Керамический сосуд из могилы Кизылкир I.

лом, раздутым туловом, плоское дно которых в два раза меньше, чем горловина (рис. 1б, *5*). Аналогичной формы сосуды широко известны в памятниках замараевского типа, где по венчику горшков налеплен валик[9]. Попадаются сосуды с ярко выраженным прямым венчиком, туловища которых, видимо, были округлыми (рис. 1 *б, 2*). Если привлечь сюда сосуды из стоянки Пайкенд 7, обнаруженные весной 1963 г. при разведке древнего русла реки Кашкадарьи (рис.

---

[9] О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, МИА, 1951, № 21, рис. 10, *11*.

1 *б, 1, 4*), то возникает вопрос — не имеем ли мы в данном случае дело с керамикой карасукского типа[10].

В 1961 г. на поверхности песков поселения Заманбаба была собрана серия керамики дандыбайского облика (рис. 1*б, 3*); еще раньше, в 1958 г. непосредственно под культурным слоем античного поселения Кизылкир 1 в 55 *км* к северо-западу от Бухары была обнаружена могила, внутри которой найдены скорченный костяк, бронзовые подвески и два горшка. Один из сосудов этой могилы[11], суживающийся к плоскому уступчатому дну, своей четко выделенной кувшинообразной формой, узким, слегка отогнутым валикообразным венчиком, сильно округлыми плечиками отличался от обычных горшков андроновской культуры. В свое время, отмечая необычную форму этого сосуда для классической андроновской культуры, автор ошибочно синхронизировал материалы данной могилы гуджайлинским комплексом памятников поздней бронзы низовьев Зарафшана[12].

В связи с появлением новых материалов созрела необходимость уточнить вышесказанные положения, которые, несомненно, требуют более конкретного подхода к материалам.

Таким образом, при анализе керамических комплексов некоторых памятников поздней бронзы низовьев Зарафшана, с одной стороны, мы видим поздние элементы в формах сосудов (рис. 1 б) и орнаментации (рис. 1 б, *3, 4;* рис. 2), с другой — близкие параллели с керамикой амирабадской, замараевской, дандибая-бегази и карасукской культур.

Существование памятников более поздних этапов андроновской культуры в низовьях Зарафшана, развившихся полностью из предшествующих им памятников тазабагъябского типа, совершенно очевидно.

В период, когда обитатели степей перешли к следующему этапу развития скотоводческого хозяйства[13], видимо, Большой Тузкан был лишен проточной воды из Гуджайли, и озеро вы-

---

[10] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, таблицы X, XIII, *1, 2, 16,* XVI; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, МИА, № 48, 1956, табл. V, VI; А. Аскаров. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, История материальной культуры Узбекистана, вып. 5, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1964, стр. 36.

[11] А. Аскаров. Памятники андроновской культуры..., стр. 29, рис. 1, *1*.

[12] Там же, стр. 32—34.

[13] М. Н. Грязнов. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири, КСИА, № 24, 1955, стр. 23.

сохло[14]. Эта территория скоро превратилась в богатое пастбище, которое, спустя более чем тысячелетие после существования здесь охотничье-рыболовных племен, привлекло к себе внимание скотоводов. Из-за отсутствия проточных и родниковых вод они пользуются неглубокими грунтовыми водами из колодцев до настоящего времени.

Вероятнее всего, процесс перехода племен тазабагъябского типа низовьев Зарафшана от оседлого к яйлажному скотоводству проходил где-то в первой четверти I тысячелетия до н. э. и привел к значительным изменениям как в хозяйстве, так и в домашнем обиходе скотоводов.

---

[14] Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Труды Института истории и археологии АН УзССР, серия археологическая, вып. VIII, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 150.

С. РАХИМОВ

ПАМЯТНИК АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ — КАМЕНКА II

В степях Минусинской котловины исследовано немного памятников андроновской культуры, поэтому каждый новый могильник этого времени представляет большой интерес. Нами в 1963 г. изучен могильник Каменка II. Этот памятник интересен тем, что он дает новые стратиграфические материалы.

Могильник находится на правом берегу р. Енисей, в 2 *км* выше села Байкалово, в логу Каменка, приблизительно в 350 *м* от берега реки. Он расположен на второй подпойменной террасе, окруженной с северной и южной сторон горами. Терраса прорезана двумя неглубокими оврагами. Между ними находится пологая площадка, шириной вдоль берега около 110 *м*, длиной 130 *м*. На ее склонах обнаружено несколько полуразрушенных могильных оград.

Поверхность террасы покрыта слоем недавно надутых местами задернованных песков толщиной от 40 до 140 *см*. Под песком залегают два слоя погребенной почвы, разделенных слоем чистого песка. Длительность периода образования толстого слоя дюнного песка трудно установить. Нижний слой почвы залегает на 20—120 *см* ниже верхнего. Могилы андроновской культуры относятся к нижнему слою погребенной почвы.

В 1963 г. здесь раскопано семь оград андроновской культуры, три — карасукской и одна — подгорновского этапа Минусинской курганной культуры. Карасукские и подгорновская ограды приурочены к верхнему слою погребенной почвы. Раскопанные семь оград андроновской культуры содержат 14 могил (ограды 3, 6, 8, 10, 11, 23, 24). Для пяти могил (ограды 3, 6, 23) связь с нижним или верхним слоем не установлена, так как они находятся на склоне террасы, где слои погребенной почвы сближаются, а сами склоны разрушены.

Можно предположить, что и эти могилы были сооружены на поверхности нижнего слоя погребенной почвы.

Могильник открыт в 1963 г. Я. А. Шером и А. Н. Богдановой. Ими раскопаны две ограды карасукской культуры (ограды 2, 4) и одна (3) андроновской. Дальнейшие раскопки проводились нами[1].

Трудоемкие земляные работы выполнены бульдозером. Для снятия навеянных песков заложено 30 траншей шириной 2,5 *м*, длиной 20—25 *м*, глубиной 1,5—2 *м* на расстоянии 2,5 *м* одна от другой. Таким путем открыто 24 ограды. Раскопано 11, из них 7 андроновских, 3 карасукских и 1 подгорновского этапа.

Очень важны стратиграфические наблюдения, позволяющие определить хронологическую последовательность памятников эпохи бронзы. Андроновские памятники здесь перекрыты слоем песка с образовавшимся на нем почвенным слоем, на поверхности которого были затем сооружены могилы карасукской культуры и подгорновского этапа.

Такая документально засвидетельствованная последовательность памятников андроновской и карасукской культур не является единственным случаем в Минусинской котловине. Аналогичные стратиграфические данные получены в андроновском могильнике улуса Орак[2].

Стратиграфические наблюдения в могильниках улуса Орак и Каменка II свидетельствуют о том, что как в Минусинской котловине, так и на всей огромной территории распространения андроновской культуры и культур карасукского типа андроновская культура сменяется карасукской. Памятники этих культур встречаются в Минусинской котловине, на Верхней Оби, в Обь-Чулымском междуречье, Западном и Центральном Казахстане, Приаралье.

Некоторые исследователи считают, что андроновская культура существовала в Сибири вплоть до начала тагарской культуры. По мнению Н. Л. Членовой, андроновская культура в Минусинской котловине длилась в течение всего «переходного карасук-тагарского времени»[3]. Она утверждает, что на одной территории одновременно существовали племена

---

[1] В работе отряда принимали участие О. Некрасова, С. Солиняк, Р. Герасимова, Б. Иванов, Т. Михеев, В. Бутанаев, которым автор приносит свою благодарность.

[2] М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак, АС, № 3, Л., 1961, стр. 54.

[3] Н. Л. Членова. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Сибири, Новосибирск, 1961; Она же. Памятники переходного карасуктагарского времени в Минусинской котловине, СА, № 3, 1963, стр. 63.

с лугавской (включая и все этапы «карасук-тагарского» времени), карасукской и андроновской культурой.

М. Д. Хлобыстина придерживается взгляда об одновременном сосуществовании памятников Батеневской группы (карасукская культура), Бейской группы (каменоложский этап) и андроновской культуры[4].

А. И. Мартынов считает, что андроновская культура в районах Обь-Чулымского междуречья дожила до начала тагарской культуры. Он выделяет андроновско-тагарские переходные памятники и датирует их X—IX вв. до н. э.[5] Карасукскую культуру А. И. Мартынов относит примерно к этому же периоду[6], следовательно, он полагает, что эти культуры не сменяли друг друга, а существовали одновременно.

По нашему мнению, такое сосуществование совершенно невероятно потому, что эти три этнические группы не могли веками жить рядом на одной территории, не оказывая в то же время заметного влияния друг на друга. При этом надо учесть, что аналогичные культуры в Минусинском крае существовали неодновременно.

Памятники федоровского этапа андроновской культуры известны от Енисея до Центрального[7], Северного[8], Восточного[9] Казахстана и, по-видимому, Средней Азии. В Средней Азии памятники этого времени найдены в незначительном количестве, что, на наш взгляд, объясняется недостаточной изученностью этого периода в данном районе. По М. П. Грязнову, федоровскому этапу принадлежит могильник близ г. Фрунзе у совхоза «Пригородный»[10], неправильно отнесенный П. Н. Кожемяко к позднему этапу андроновской культуры[11] и найденный Я. Г. Гулямовым в среднем течении

---

[4] М. Д. Хлобыстина. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1963, стр. 14—15.

[5] А. И. Мартынов. Обь-Чулымская лесостепь в эпоху бронзы и раннего железного века, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Новосибирск, 1963, стр. 9.

[6] Там же, стр. 9—12.

[7] М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры, АС, вып. 5, 1963, стр. 57—58.

[8] А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы, Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958.

[9] М. Н. Комарова. Указ. соч., стр. 58, 63; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, МИА, вып. 88, 1960.

[10] История Киргизии, Фрунзе, т. I, 1963, стр. 56.

[11] П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии, Изв. АН КиргССР, т. II, вып. 3, 1960, стр. 105.

Зарафшана, в Наукотепе, фрагмент венчика от нарядного горшка[12].

Памятники второго этапа андроновской культуры — алакульского — широко распространены по всему Казахстану, Южному Уралу, а также на обширной территории Средней Азии. Они особенно хорошо исследованы в Казахстане и на Южном Урале. В Средней Азии к алакульскому этапу относятся изученный Хорезмской экспедицией могильник Кокча 3 в дельте Амударьи[13], исследованные Я. Г. Гулямовым могильники Гуджайли и Кызыл-Кыр в низовьях Зарафшана[14] и могильники Вуадиль и Карамкуль[15] в Ферганской долине. В Ташкентском оазисе аналогичные материалы получены Т. Г. Оболдуевой и А. И. Тереножкиным[16]. Памятники алакульского этапа обнаружены также в Кайраккумах, где раскопано два могильника[17]. Более многочисленные могильники, а также отдельные предметы андроновской культуры найдены в Киргизии. Это могильники в Таласской долине и в Кетмень-Тюбинской котловине[18], которые находят себе ближайшие аналогии в памятниках этого времени Ферганской долины, Хорезма и низовьев Зарафшана.

Памятники последующего этапа эпохи бронзы — карасукской культуры — совершенно отличны от андроновских памятников Енисея и других районов распространения разновидностей этой культуры.

Памятники карасукского типа открыты А. И. Мартыновым на р. Ина (правый приток Оби)[19]. На территории Центрального Казахстана памятники этого времени раскопаны М. П. Грязновым на р. Шерубай Нура у аулов Дендыбай и

---

[12] А. Аскаров. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана, История материальной культуры Узбекистана, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 41; История Киргизии, т. 1, 1963, стр. 56.

[13] М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча 3, Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 5, М., 1961.

[14] Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VII, 1956, стр. 157; А. Аскаров. Указ. соч., стр. 31.

[15] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины, СА, № 3, 1957.

[16] Т. Г. Оболдуева. Погребение эпохи бронзы в Ташкентской области, КСИИМК, вып. 59, 1955.

[17] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, Труды Института истории АН ТаджССР, т. XXXIII, Душанбе, 1962.

[18] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, 14, 1950, стр. 105—106; История Киргизии, т. 1, 1963, стр. 61.

[19] А. И. Мартынов. Указ. соч., стр. 10.

Бегазы[20]. Они известны в шести пунктах на р. Оби[21] и в районе Новосибирска. Поселения этого времени[22] распространены и далее на запад. К ним надо отнести могильники Центрального Казахстана — Дендыбай и Бегазы. В низовьях Сырдарьи С. П. Толстов исследовал замечательный могильник Тагискан[23]. Керамика Тагискана находит себе ближайшие аналогии в могильниках Центрального Казахстана — Дендыбай и Бегазы и на Енисее — в могильниках Карасук 1 и Ярки 1.

В низовьях р. Зарафшана сделана первая находка глиняных горшков карасукского времени[24]. Возможно, дальнейшие исследования на территории Средней Азии расширят наши представления о памятниках карасукского времени.

Итак, на обширных пространствах степей и пустыни нам известны памятники двух этапов: андроновской культуры, которая была однородна по всей области ее распространения, и памятники культур карасукского типа, которые иногда заметно отличались в разных районах, но все же имели известное сходство друг с другом.

Неужели на огромных территориях степей и пустынь памятники андроновской культуры и культур карасукского типа сосуществовали на протяжении почти целого тысячелетия и не смешивались, не влияли друг на друга? По нашему мнению, различные типы памятников андроновской (федоровский и алакульский) и карасукской культур (собственно карасукской и каменоложской) — это не этнические группы, которые живут одновременно, не изменяясь на протяжении многих веков, а хронологические группы, которые последовательно сменяют друг друга.

Стратиграфические наблюдения на могильниках улуса Орак и Каменки II совершенно определенно показывают, что андроновская культура древнее карасукской.

Исследованные в Каменке могилы по характеру погребального обряда и инвентарю принадлежат федоровскому этапу андроновской культуры. По конструкции и внешнему

---

[20] М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, СА, XVI, 1952.

[21] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, МИА, № 48, 1956, стр. 30.

[22] М. П. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири, КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 34.

[23] С. П. Толстов. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи, СА, № 4, 1962.

[24] А. Аскарова. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, История материальной культуры Узбекистана, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 35—36.

виду они аналогичны могильникам этого времени Минусинского края, Казахстана и Верхней Оби.

В могильнике Каменка II ограды сильно разрушены грабителями, а в результате сооружения более поздних погребений их первоначальный вид не всегда хорошо восстанавливается. Форма и размеры оград различны. В основном они прямоугольные и кольцевые, иногда с пристройками, стены которых сделаны из поставленных вертикально плит или из плитняка. Внутри могильные сооружения подразделяются на три вида: каменный ящик из четырех-шести плит, поставленных на ребро; камера со стенками, сложенными из мелкого плитняка (циста); подобие деревянного сруба, покрытого накатом из нескольких бревен (рис. 1).

Во всех могилах погребенные лежат на левом боку в скорченном положении, головой на юго-запад. Из четырнадцати могил пять сильно пострадали от грабителей (ограды 3, 6, 8, 10 и могила 2 ограды 23). В погребальном инвентаре, кроме горшков, встречены предметы украшения, прежде всего бронзовые бусы цилиндрической или биконической формы, скрученные из узкой бронзовой полоски с ребром посередине (рис. 2, *1*).

Бусы, найденные в оградах 3 и 8, по-видимому, обвивали лодыжки захороненных. Кроме того, бусы обнаружены на поверхности плохо сохранившейся сумочки (?), которая лежала около локтевых костей скелета ограды 8. В той же могиле по бокам черепа найдена пара височных колец (рис. 2, *5*), а у тазовых костей — тоненькие выпуклые бронзовые бляшки (рис. 2, *2*). У шейных позвонков обнаружена бронзовая проволочная серьга со спиральным завитком. Аналогичные бусы, бляшки и височные кольца встречаются во всех могильниках андроновской культуры Минусинской котловины[26] и в могильниках Западного (Киргильда I—II, Уралсай[27] и Тасты-Бутак[28]), Центрального, Северного[29] и Восточного Казахстана. Такие же бронзовые бусы найдены во всех андроновских могильниках Средней Азии: Кокча 3[30],

---

[26] М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак, АС, № 3, 1961, стр. 73, табл. XV, рис. 2, 4, 5, 8, 15, 23; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 78.

[27] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, Сб. «Казаки», вып. II, 1927, рис. 24, 9, 10, 11.

[28] В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане, МИА, 120,табл. XXXVII, *5, 11, 12, 14, 15, 23.*

[29] А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы, Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т.5, табл. IV, *15,* табл. VII, *13—16.*

[30] М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча 3, Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 5, М., 1961, рис. 28, *1, 2.*

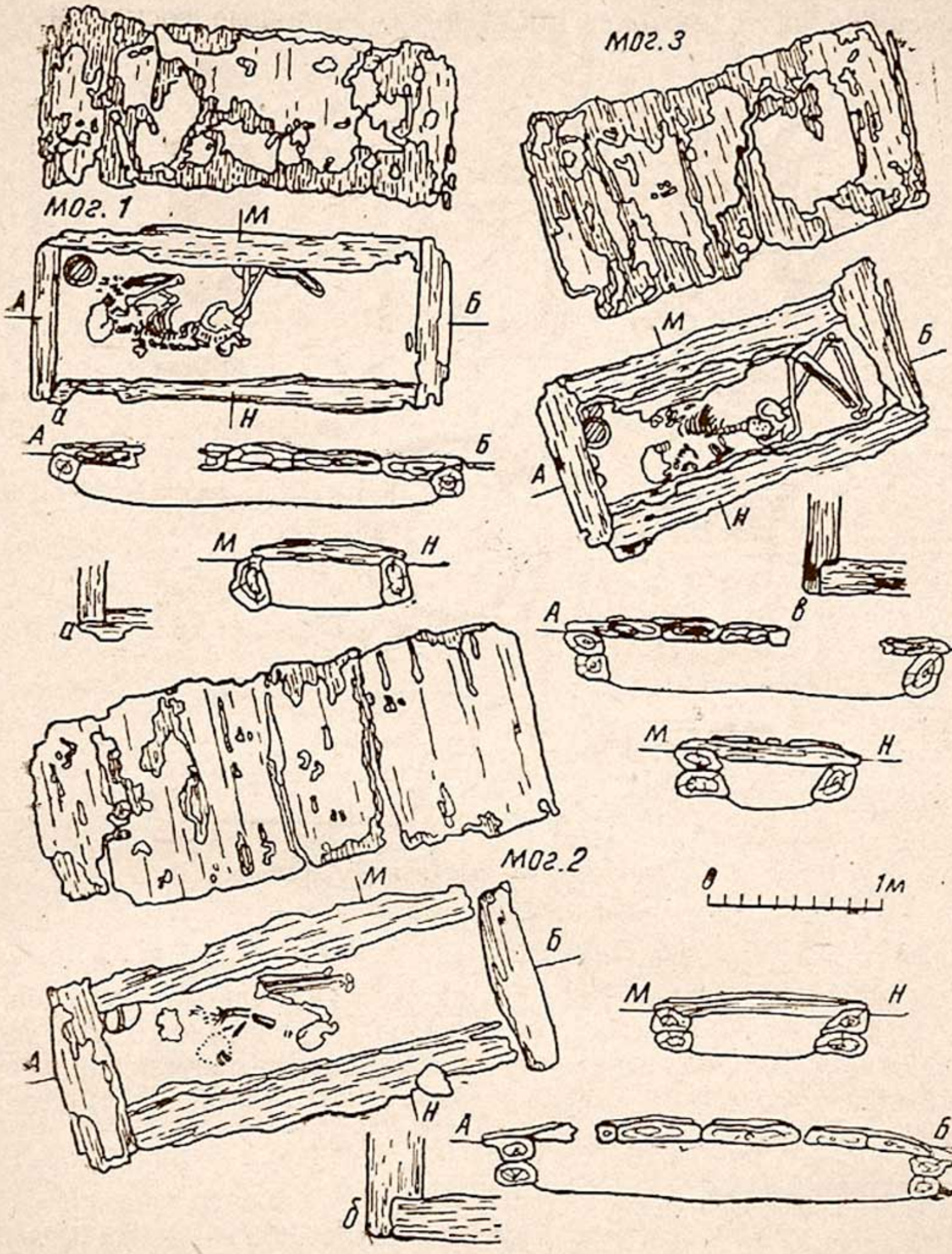

Рис 1. Общий план могильника Каменка II.

Гуджайли[31], Вуадиль[32], в Киргизии — Таштюбе и Ташбашат[33].

Большой интерес представляет керамика, составляющая основную часть находок могильника. Глиняные сосуды име-

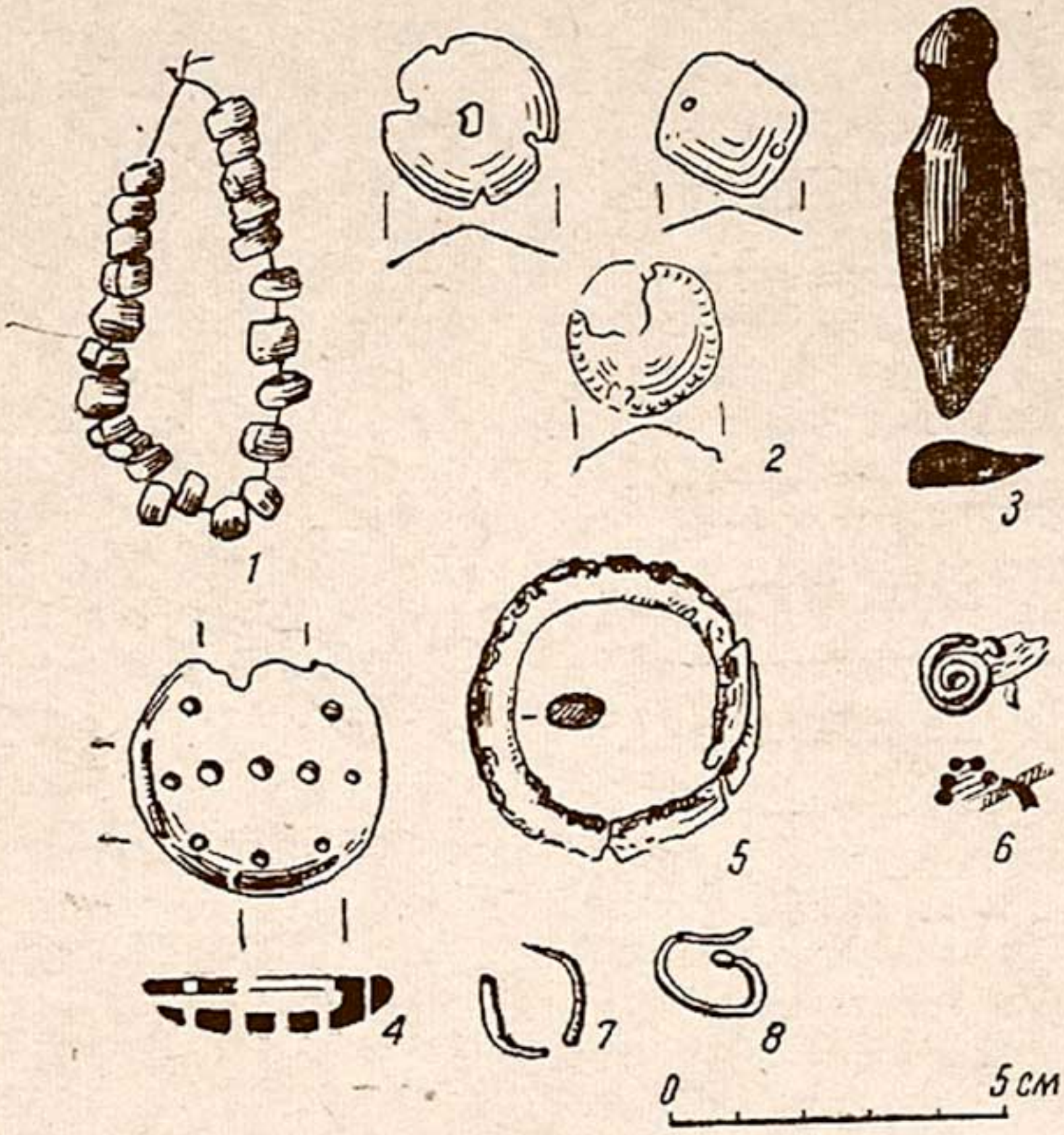

Рис. 2. Украшения из могильника Каменка II.

металл—1, 2, 5, 6, 7, 8; камень—3; кость—4.

ются во всех могилах. Всего найдено 13 целых горшков и фрагменты от венчиков баночного и нарядного сосудов. В ограде 24 (могилы не разграблены) в почвенном слое обнаружено несколько черепков от одного орнаментированного горшка. Вероятно, это остатки намогильной тризны (рис. 3, *12*).

---

[31] А. Аскаров. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана, История материальной культуры Узбекистана, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 30, рис. 2, 3.

[32] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине, КСИИМК, вып. 63, 1956, рис. 40, *1*.

[33] П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии, Изв. АН КиргССР, т. II, вып. 3, 1960, рис. 5, *10, 11, 12;* рис. 13, 3.

Все сосуды плоскодонные. Большинство их баночной формы со слегка изогнутой шейкой и выпуклыми боками. Одна банка из детской могилы не орнаментирована (рис. 3, 7).

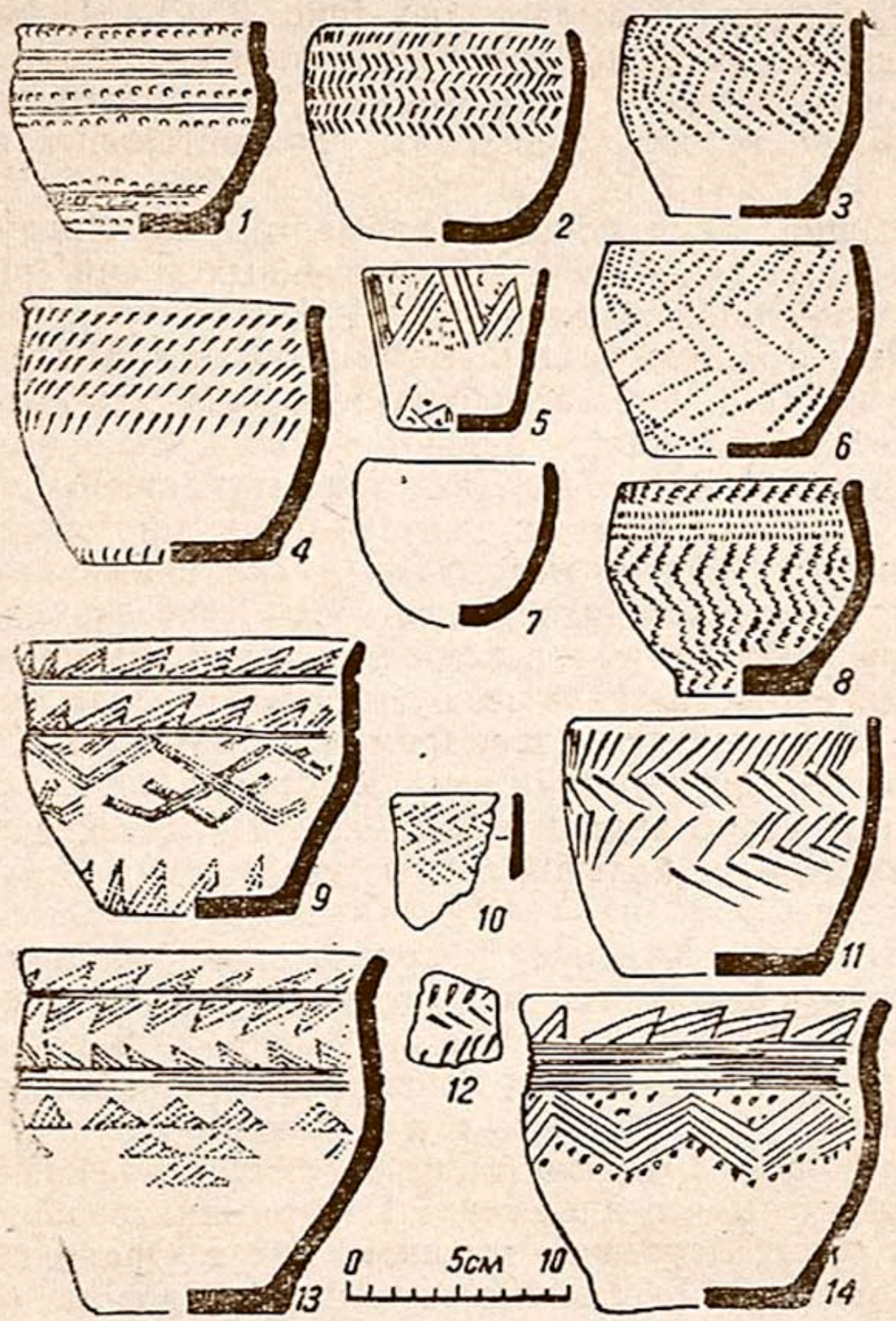

Рис. 3. Глиняные сосуды из могилы Каменка II.
1—мог. 2; *2*—мог. 1; *4*—мог. 3; *1*—мог. 4 (огр. 11); *3*—мог. 1; *8*—мог. 3 (огр. 23); *9*—мог. 1; *13*—мог. 2; *5*—мог. 3; *7*—мог. 3; *14*—мог. 3; *12*—огр. 24; *10*—огр. 3; *6*—огр. 10.

Орнамент довольно однообразен и прост. Это вертикальная «елочка», оттиснутая гребенчатым и гладким штампом (рис. 3, *3, 11*). Имеется небольшая чашка или стаканчик с плоским дном и прямыми стенками, с легким перехватом у дна. Вся поверхность орнаментирована поверху тройным зигзагом, оттиснутым гладким штампом; фон заполнен про-

долговатыми ямками. У дна зигзаг в одну линию. Орнамент выполнен небрежно (рис. 3, *5*).

Верхняя половина одного баночного сосуда покрыта орнаментом из пяти горизонтальных рядов косых насечек. Ряд таких же насечек обрамляет дно (рис. 3, *4*). Поверхность другого орнаментирована крупнозубчатым штампом, по шейке ряд косых оттисков; по плечикам — четыре горизонтальные линии; по тулову до дна пять горизонтальных рядов — «елочка» (рис. 3, *8*).

Следующий сосуд покрыт орнаментом из чередующихся горизонтальных рядов ямок и прочерченных линий (рис. 3, *1*).

Остальные три сосуда по форме и орнаменту принадлежат к нарядным горшкам с выпуклыми боками и отогнутыми наружу венчиками. Орнамент нанесен гребенчатым штампом, геометрические фигуры отделяются опоясывающими сосуд линиями (рис. 3, *9, 13, 14*). Два горшка украшены по венчику стоящими и свисающими заштрихованными треугольниками. Плечики украшены меандрами и фестонами (рис. 3, *9, 13*), у дна — ряд заштрихованных косых треугольников.

На венчике третьего горшка ряды косых заштрихованных треугольников, шейка украшена опоясывающими сосуд пятью линиями, ниже гладким штампом оттиснут зигзаг, дополненный неглубокими ямками (рис. 3, *14*).

Известно, что в андроновское время в детские могилы ставили обычно не большие нарядные горшки, а грубые баночные сосуды[34].

В могильнике Каменка II сравнительно мало нарядных горшков. Это объясняется тем, что из 14 погребений (из них три парных — огр. 24 мог. 3, огр. 23 мог. 2) 9 детских, а в детских погребениях всегда ставили грубые и менее нарядные баночные сосуды. Всего в могильнике найдено 13 сосудов, в том числе 9 баночных из детских погребений. Необходимо отметить, что в Каменке II керамика вообще скромная. Нет таких нарядных горшков, как в Ораке и в Пристани. Керамика могильника ничем не отличается от керамики федоровского этапа из других могильников.

Лог Каменка — маленькое замкнутое урочище. Для земледелия и скотоводства угодий немного. Там можно обеспечить жизнь только небольшому поселку. Поселок, видимо, небогатый, изолированный и заброшенный. По своему облику памятник Каменка II подобен другим андроновским памятникам в Минусинско-Хакасской степи, только в нем несколько беднее посуда, хотя она того же типа, что и в других могильниках соответствующего периода.

---

[34] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, МИА, 48, М.—Л., 1956, стр. 19; М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса, СА, IX, 1947, стр. 58.

С. К. КАБАНОВ

РУИНЫ ПОСЕЛЕНИЯ III—V вв. В ДОЛИНЕ КАШКАДАРЬИ

В 1955—1957 гг. в зоне строительства Чимкурганского водохранилища, в средней части долины р. Кашкадарья, работала археологическая экспедиция Института истории и археологии АН УзССР[1]. Среди других частично исследованных памятников было и Кызтепа, находящееся на правом (северном) берегу Кашкадарьи в полутора километрах к западу от Аултепа, уже известного в научной литературе[2].

Малое Кызтепа[3] — расплывшийся бугор с пологими склонами, в плане имеет вид овала, вытянутого с севера на юг (рис. 1), длиной 80 *м* и наибольшей шириной 55 *м*. В рельефе памятник двухъярусный. Вышка, являющаяся развалинами основного здания поселения, находится в северной части бугра. С юга к ней прилегает более расплывшаяся часть памятника, по-видимому, развалины дворовых построек, которые мы будем называть двором.

Основной раскоп площадью 136 $м^2$ был заложен на вышке (рис. 2, 3); вскрытие велось, как обычно, квадратами размером 2 × 2 *м*.

Первое из вскрытых помещений находилось под восточным склоном бугра. Над ним был обнаружен слой толщиной

---

[1] Общие сведения о районе водохранилища см: С. К. Кабанов. Археологические памятники зоны Чим-курганского водохранилища, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1957, № 2, стр. 75—82.

[2] С. К. Кабанов. Согдийское здание V века н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан), СА, 1958, № 3, стр. 144—151.

[3] Работы вел автор настоящего сообщения осенью 1957 г. при участии лаборанта А. Н. Златомрежева. В тот же полевой сезон нами велись разведочные раскопки еще на одном, значительно более крупном по своим размерам памятнике, также известном под названием Кызтепа («Девичье тепа»), поэтому для различия мы последний называли Большим Кызтепа, а данный памятник — Малым Кызтепа.

до 50 *см*, содержащий керамические материалы, однородные полученным на Аултепа. Ниже открыт более древний слой, к которому относилось и вскрываемое здание. Помещение *1* размером 4,25×3 *м* вытянуто почти точно с северо-запада на юго-восток. Западная стена сохранилась в высоту до 1,5 м, противоположная же ей — восточная, находившаяся уже под

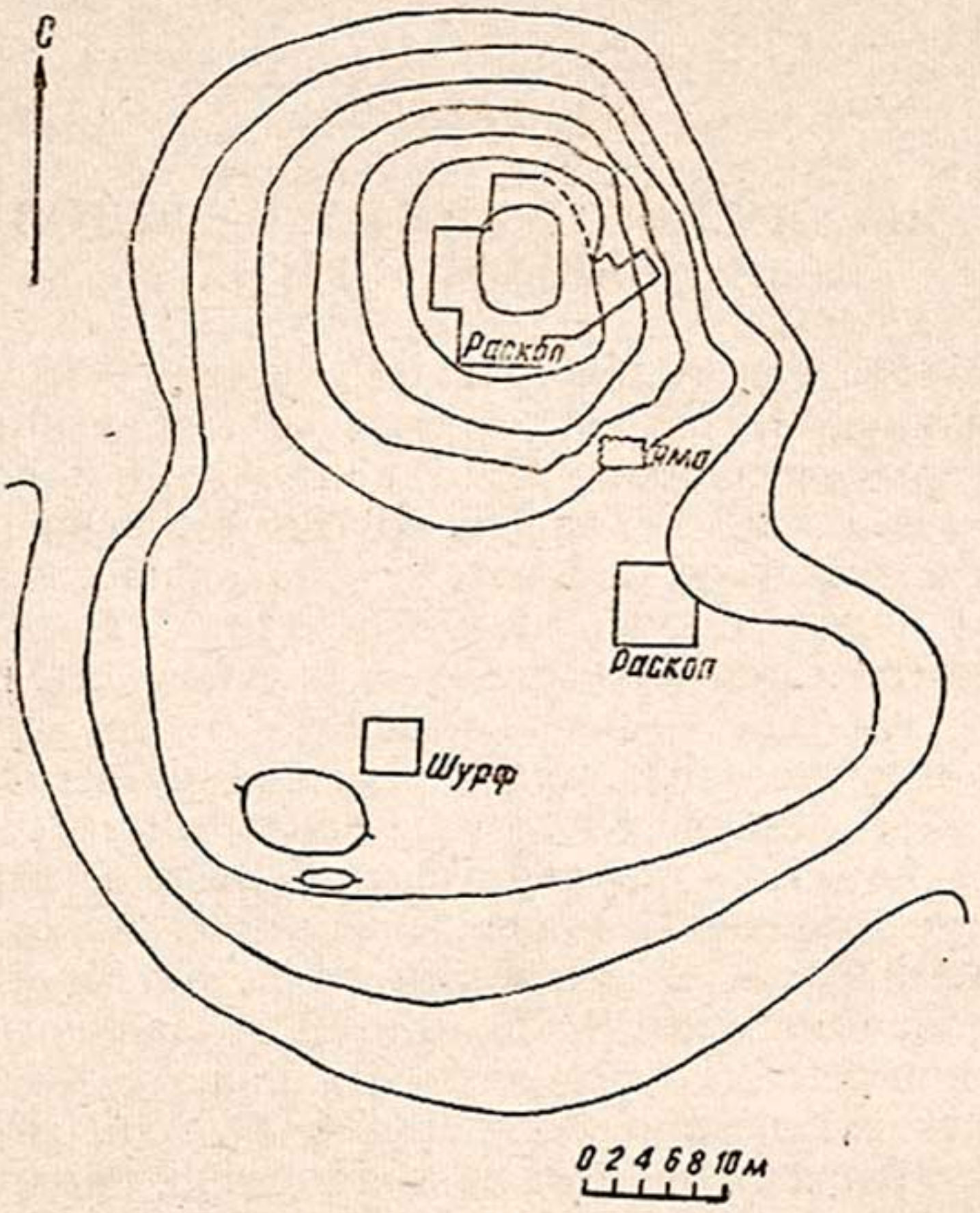

Рис. 1. Малое Кызтепа. План.

склоном и сохранившаяся в высоту не более чем на 15 *см*, — обнаружена почти на линии выклинивания. На полу, вдоль западной стены, обнаружено возвышение из глины (суфа) шириною 85 *см* и высотою 10—12 *см*. Суфа проложена до дверного проема шириною 85 *см*, находившегося около северо-западного угла помещения. В юго-западном углу, на суфе, было расчищено днище вкопанного в землю хума (корчаги); остатки второго хума найдены возле восточной стены. На полу расчищены еще три пятна обожженной земли. Возле проема, в самом углу, найден небольшой завал из

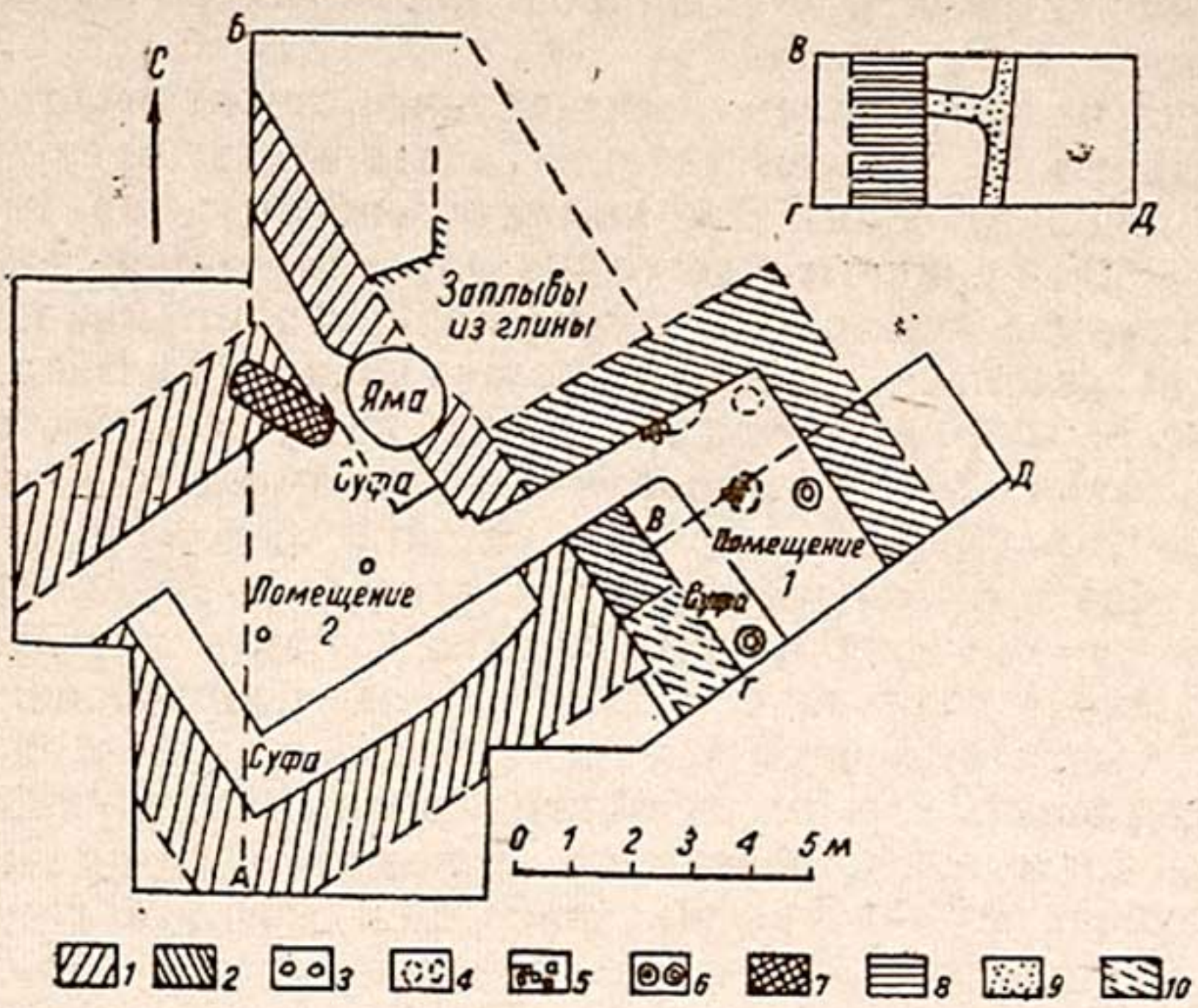

Рис. 2. Малое Кызтепа. План раскопа. Вверху справа—план глубинной части раскопа.

1—кладка стен первого периода; *2*—кладка стен второго периода; *3*—гнезда от столбов; *4*—пятна обожженной земли; *5*—завал из очажных подставок; *6*—хумы, вкопанные в землю; *7*—погребение; *8*—вал; *9*—зола; *10*—снятый отрезок стены.

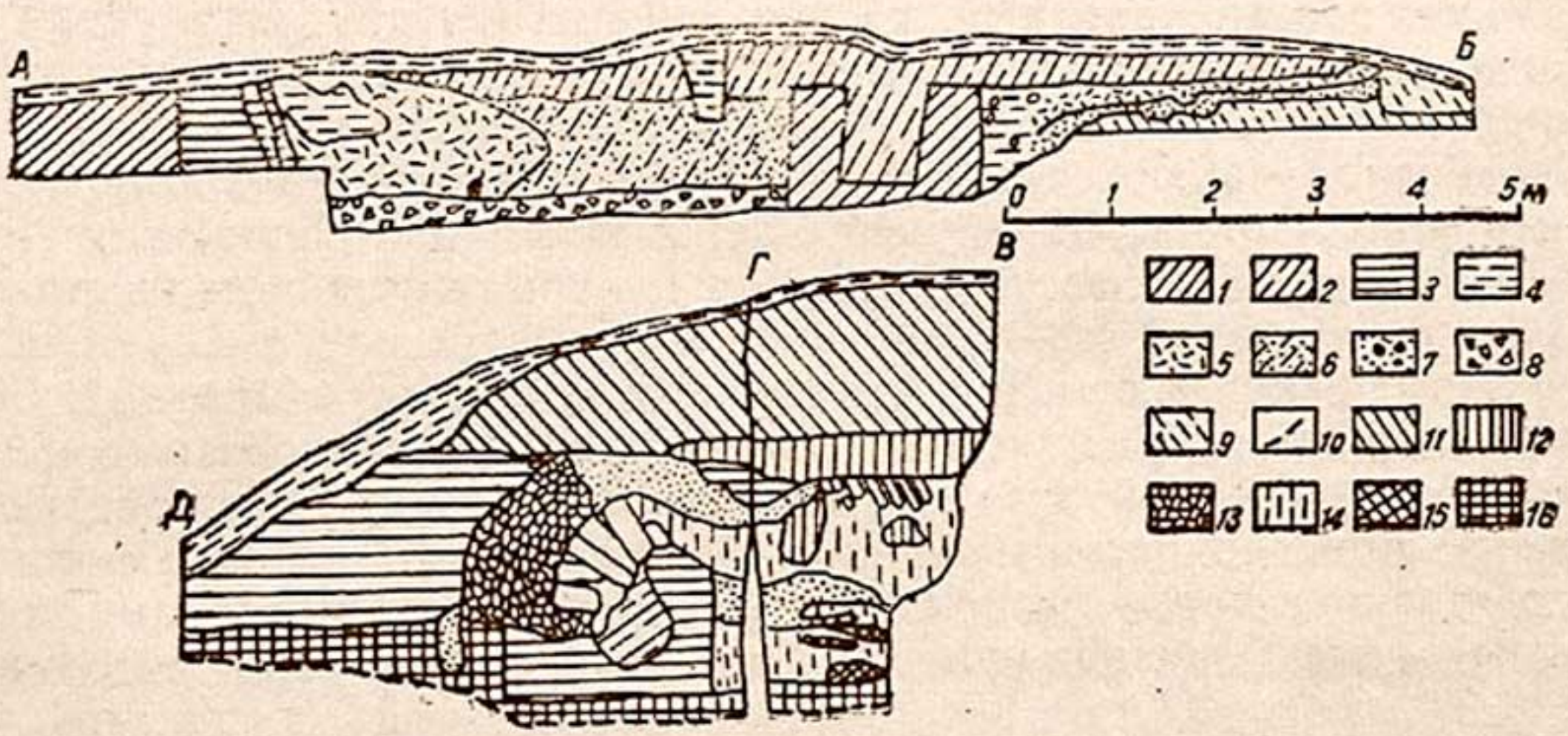

Рис. 3. Разрезы к плану раскопа.

1—стены здания первого строительного периода; *2*—желтая глина комковатой структуры; *3*—плотная глина; *4*—рыхлая глина; *5*—обожженная земля; *6*—глина с золой; *7*—зола, уголь; *8*—керамика; *9*—серая глина; *10*—дерн; *11*—стены здания второго строительного периода; *12*—плотная пахса; *13*—комки плотного грунта бурого цвета; *14*—рыхлый завал; *15*—органические остатки; *16*—стилобат.

необожженных очажных подставок, подобных ранее найденным в Каршинском оазисе[4].

Помещение *2*, расположенное западнее, также было расчищено полностью, причем стены его выявлены сразу после снятия дернового слоя. Вся комната сверху и на глубину 50—60 *см* была прикрыта довольно плотной глиной комковатой структуры с небольшим содержанием керамики, среди которой встречалась и близкая к комплексу Аултепа. Следующий слой, более рыхлый, толщиной до 1 *м*, состоял из обычного завала глины с золой, углем, керамикой, но это был уже несмешанный более древний слой; особенность его — наличие большого количества обожженной земли; сплошной завал ее находился в юго-западной части помещения. Нижний слой, толщиной около 30 *см*, покрывавший пол комнаты, состоял из рыхлой глины с золой и сильно раздробленной керамики, преимущественно обломков крупных хумов. Границы слоев определялись довольно отчетливо; только на глубине 1,5—1,7 *м* был расчищен твердый глинобитный пол. Помещение *2*, почти квадратное в плане (6×5,2 *м*), лишь немного вытянуто в направлении с запада на восток. Ориентировка обоих помещений почти совпадает.

Южная стена комнаты слегка вогнута, вдоль нее проложена суфа шириной 0,7—1 *м*; продолжением ее является суфа шириной 0,8 *м* вдоль западной стены до входного проема. Суфа была проложена и вдоль плохо сохранившейся восточной стены. В отличие от суфы первого помещения суфы данной комнаты довольно высоки — до 50 *см*.

Пол ровный, плотный, на нем расчищены два углубления диаметром 20—24 *см*, заполненные рыхлой глиной с примесью коричневого тлена от перегнившего дерева; несомненно, эти углубления являются следами столбов, поддерживавших перекрытие. Столбы были поставлены почти в середине помещения через интервалы (учитывая и промежутки между стенами и столбами) 1,8—2 *м*.

Помещение *2* сохранилось хуже, чем первая комната. Его северная часть разрушена погребением и ямой, возможно, кладоискательской; яма округлая, диаметром 165 *см*, прослежена от поверхности и до дна, которое на 25 *см* ниже пола помещения; кроме малохарактерных фрагментов керамики, в ней ничего не обнаружено. Ямой разрушена часть восточ-

---

[4] С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках, ВДИ, 1956, № 2, стр. 168.

ной стены и прилегающей суфы. Погребение было относительно поздним (IX—X вв.)[5].

Выяснилось, что более древним является помещение *2*; стены его сложены из кирпича размером 55 × 34 × 8 *см* с пахсовой прокладкой в 10 *см* между ними. Помещение, вскрытое нами первым, было пристроено к расположенному западнее помещению *2*. Это выяснилось после того, как был снят отрезок западной стены помещения *1* (рис. 2; снятый отрезок показан пунктиром), причем обнажилась часть наружной поверхности стены помещения *2*, очень ветхая, покрытая 3—4 пластами обожженной штукатурки. Наличие штукатурки свидетельствует о том, что нами была обнаружена внутренняя поверхность стены несохранившегося помещения, вместо которого была пристроена комната *1*. Стены ее были выстроены в комбинированной кладке из пахсы и сырцового кирпича размером 53—50 × 35—32 × 8 *см*.

Довольно отчетливо выявляется еще одно помещение, смежное с комнатой *2* и расположенное к северо-западу от нее, однако несомненно, что часть его выклинивается.

К северу от вскрытых помещений обнаружены сплошные заплывы из плотной глины, в которых весьма нечетко выявляются, по-видимому, разновременные фрагменты стен. С юга к раскопу прилегает пологий склон во двор, с запада к помещению *2* — заплывы склона. Таким образом, вскрыта бо́льшая часть верхней площадки бугра с развалинами здания, от которого в относительно хорошей сохранности обнаружены лишь две комнаты, соединенные проемом.

Для исследования наслоений, подстилающих здание, была намечена полоса шириною 2,5 *м* вдоль юго-восточной стены помещения *1* и дальше по прямой в разрез восточного склона тепа, в длину на 5,5 *м* (рис. 2, 3, план и разрез). В восточной части этой короткой траншеи, под дерновым слоем, обнаружена очень твердая глина темно-желтого цвета. Она подстелена чистым насыпным лессом, поверхность которого находится на высоте 3 *м* над окружающей местностью; несомненно, это уже был стилобат здания. Западнее слоя глины выявлена кладка из очень плотных комков земли серого цвета, которая, как оказалось, облекла с внешней стороны кладку из сырцового кирпича, обнаруженную на протяжении 2,2 *м*. Эта кладка с наружной стороны и сверху представляет собой закругленный вал высотой 107 *см*, проложенный параллельно соответствующим стенам вскры-

---

[5] С. К. Кабанов. Погребение воина в долине р. Кашка-Дарья, СА, 1963, № 3, стр. 236—240.

тых помещений. Вал сложен из рыхлого сырцового клиновидного кирпича (размеры 50—53 × 20—25 × 8—9 *см*) в один ряд. Кирпичи уложены не вертикально, а с небольшим наклоном. С внутренней стороны к валу прилегает завал, состоящий из плотных и рыхлых прослоек с большой примесью золы. Если с внешней стороны вал выглядит как закругленная сверху стена хорошей сохранности, то внутри остатки сооружения напоминают свод, от которого сохранилась лишь пята, замок же полностью разрушен; однако под пятой предполагаемого свода стены не обнаружено, да и кирпич слишком рыхлый для свода.

Незначительность размера глубинной части раскопа и плохая сохранность фрагмента обнаруженного сооружения не дают возможности с уверенностью определить назначение последнего. Однако несомненно, что это не было отдельное здание, вал из сырцового кирпича, вероятнее всего, является остатком облицовки подземного сооружения типа подвала, разрушенного во время одной из капитальных перестроек. Конструктивной связи между стенами здания и обнаруженным валом хотя и нет, однако тождество их ориентировки с несомненностью показывает, что они между собой были некогда связаны и конструктивно; надо полагать, что при полном исследовании нижних наслоений памятника эта связь была бы установлена.

В глубинной части раскопа выявлена одна интересная деталь структуры стилобата. В плотном лессе перед валом обнаружены параллельная ему бороздка — углубление шириною 20 *см* и глубиною 50 *см* —и вторая, такая же, но перпендикулярная первой и уходящая под основание вала, где она уже не прослеживается (рис. 2, глубинная часть раскопа). Обе бороздки доверху наполнены чистой золой. Видимо, их устройство являлось определенным строительным приемом, обеспечивавшим изоляцию сооружения от влаги.

В наслоениях, находящихся на уровне вала, обнаружено немного малохарактерных керамических материалов.

Во дворе заложены шурф площадью в 16 $м^2$ и небольшой раскоп с целью выявления наслоений и керамического материала в этой части поселения. До глубины 65 *см* снимался плотный завал серого цвета комковатой структуры, встречались лишь отдельные фрагменты малохарактерной керамики. Пол в виде очень плотного грунта с прослойкой органических остатков поверх него был обнаружен на глубине 80 *см* от поверхности.

Сделана попытка выявить характер наслоений у восточного края тепа; площадь небольшого раскопа была доведена до

32 *м*². На глубине 50 *см* выявлена стена толщиной в 80 *см*, проложенная в направлении с юго-запада на северо-восток. На концах открытого отрезка стены, сохранившегося на высоту 125 *см*, имеются нечеткие признаки примыкавших других стен как к западу, так и востоку от нее. Кладка стены в основном глинобитная, но в ней различается сырцовый кирпич размером 45 × 24 × 9 *см*. Пол выделяется отчетливо у основания стены на глубине 175 *см* от поверхности. Грунт на уровне стен довольно плотный, темно-желтого цвета, комковатый, без золы и органических остатков. Керамики немного, но довольно характерная, более перемешанная, чем на вышке; примерно на одинаковой глубине (70—90 *см*) встретились фрагменты изделий, свойственных как для Аултепа, так и более древние.

В результате разведочных раскопок памятник предстал перед нами как долго существовавшее здание с двором и дворовыми постройками. Основное здание, очевидно, один раз капитально перестраивалось в то время, когда была пристроена комната *1*. В верхних слоях обнаружена керамика, аналогичная аултепинской, подтверждающей, что после разрушения основного здания жизнь на поселении через некоторое время была возобновлена, однако явных остатков строений последнего периода обитания не обнаружено; возможно, что ими являются некоторые из обрывков стен, выявленных в северной части верхней площадки тепа. Более вероятно, что стена, открытая во дворе, относится к последнему периоду в жизни поселения, поскольку в ней обнаружен кирпич, близкий размерами к кирпичу из Аултепа.

Вряд ли целесообразно останавливаться на рассмотрении фрагментов керамики, аналогичной комплексу Аултепа: их было относительно немного, и они совершенно тождественны как по форме, так и по технике материалам из Аултепа. Наиболее характерны фрагменты кубковидных чаш и кринок со сливом под венчиком[6].

Хотя комплекс Кызтепа, несомненно, однороден (не считая указанных находок в верхних слоях, тождественных материалам Аултепа), тем не менее некоторые наблюдения не позволяют нам рассматривать его в целом. Здание перестраивалось, одно из вскрытых помещений пристроено к другому, причем на полу более старого обнаружен почти сплошной завал керамики толщиною в 30 *см* с ровной поверхностью, что, быть может, является признаком пола. Возможно пред-

---

[6] С. К. Кабанов. Согдийское здание..., стр. 149, рис. 7, *1—3*; рис. 8, *2*.

положение, что этот более поздний пол лишь плохо сохранился и что он современен второму периоду жизни здания, когда было пристроено помещение *1*. Вот эти-то наблюдения и дают нам основание рассматривать отдельно большую часть материалов обоих помещений.

Рассмотрим прежде всего, как более древние, материалы завала, покрывавшего пол помещения *2*. Они состояли из обломков сосудов, главным образом толстостенных, причем обломки одних и тех же изделий можно было обнаружить в различных местах.

Одной из характерных керамических форм памятника были сосуды в виде чаш с отверстием в донышке. На полу найдено около десятка (разбитых) таких сосудов самых различных размеров. Наиболее миниатюрный из них с диаметром донышка 4 *см,* устья 8,3 *см,* высотой 3,5 *см* (рис. 4, *1*); размеры одного из наиболее крупных сосудов этого вида (рис. 4, *3*): диаметр дна 5,3 *см,* устья 17 *см,* высота 9 *см.* По-видимому, использовались они для медленного процеживания молока при приготовлении из него каких-либо продуктов типа сыра или творога. Сосуды этого вида из красной глины хорошего обжига снаружи и внутри покрыты серым ангобом. Стенки от донышка расширяются почти по прямой линии с плавным отгибом наружу в верхней части. На стенках четко выражены валики и ложбинки в виде спирали, образующиеся при изготовлении этих чаш-цедилок на гончарном круге. Отверстия в донышке прокалывались острием снаружи после просушки изделия на воздухе.

Второй весьма характерной керамической формой являются сосуды типа мисок с небольшим дном, полого расширяющимися кверху округлыми стенками, завершенными фигурным бортиком, с отгибом наружу вокруг устья (рис. 4, *5, 6*); все эти сосуды из красной глины хорошего обжига, но ангоб у них различный. Так, один из них внутри покрыт тончайшим белым ангобом, а снаружи плотным белым ангобом покрыт лишь бортик. Второй сосуд снаружи сплошь покрыт плотным белым ангобом и орнаментирован тремя узкими круговыми ложбинками по расширенной части корпуса; внутри сосуд не ангобирован.

Одной из характерных керамических форм являются и кувшинчики различных видов. Удалось частично склеить сосуд очень изящной формы, с объемистым шаровидным корпусом и узким горлышком с сильно профилированным наружу венчиком (рис. 4, *7*); на плечиках — две миниатюрные пластинчатые ручки, видимо, для подвешивания. Этот сосуд из глины светло-желтого цвета до половины корпуса покрыт

плотным красным ангобом (охристой глиной?), пятна которого есть и на нижней части корпуса. Все эти керамические формы были найдены и на Джангальтепа[7].

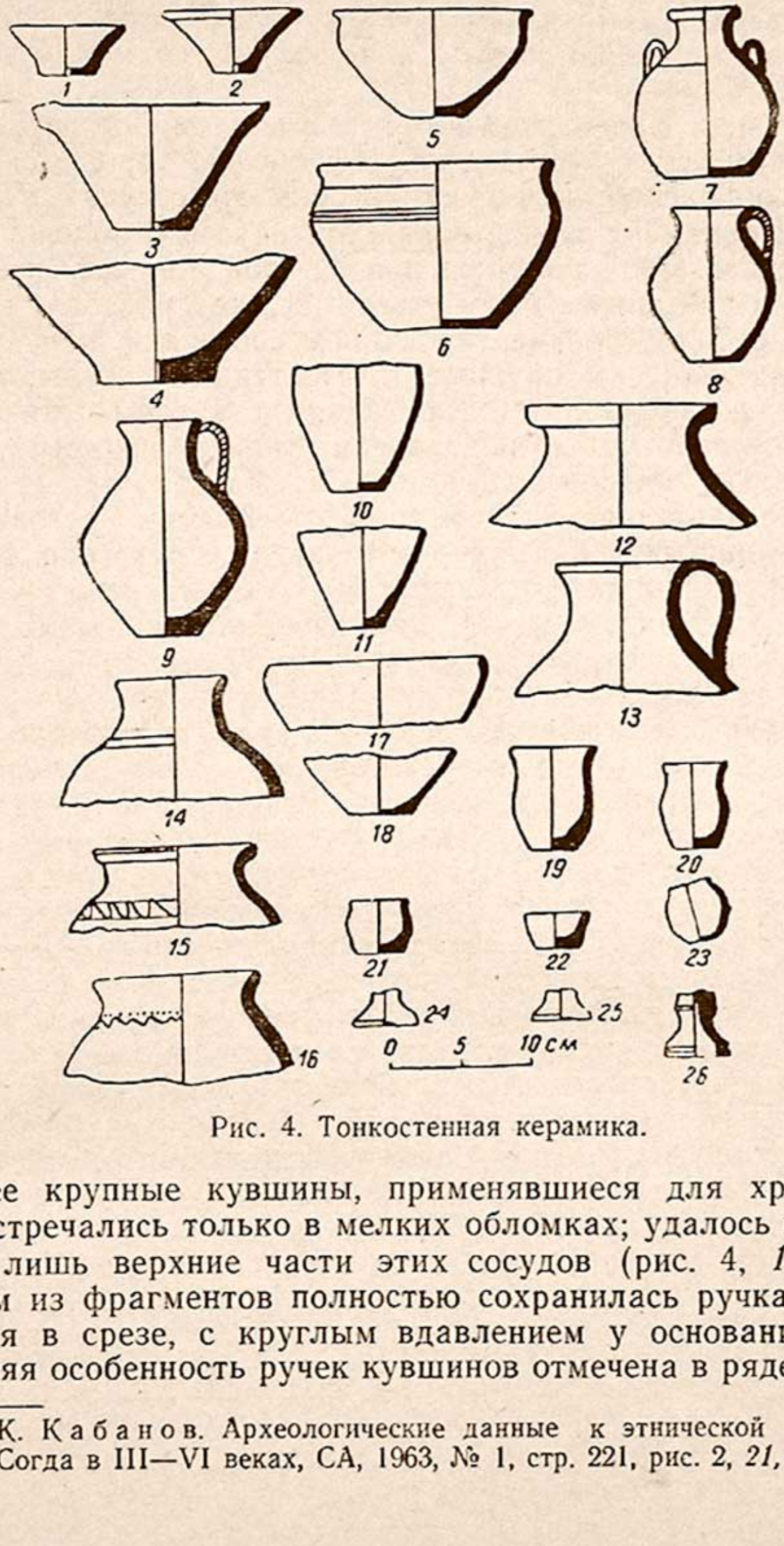

Рис. 4. Тонкостенная керамика.

Более крупные кувшины, применявшиеся для хранения воды, встречались только в мелких обломках; удалось восстановить лишь верхние части этих сосудов (рис. 4, *12, 13*). В одном из фрагментов полностью сохранилась ручка, пластинчатая в срезе, с круглым вдавлением у основания; эта последняя особенность ручек кувшинов отмечена в ряде комп-

[7] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках, СА, 1963, № 1, стр. 221, рис. 2, *21, 23*.

лексов из городищ южных районов Средней Азии, датированных II—IV вв.[8] Обжиг обычно равномерный до придания черепку красного цвета, но иногда в утолщенных частях черепок с темным оттенком в середине. Ангоб серого или красного цвета. Венчики образованы путем отогнутости края устья или же разработаны в виде валика, подпрямоугольного в срезе.

В мелких фрагментах встречались и сосуды типа кринок с широким устьем (рис. 4, *15, 16*), обычно хорошего обжига, покрытые красным или серым ангобом. На сосудах этого типа нередок орнамент в виде волнистой круговой полосы по плечикам, иногда и с насечкой поверх этой линии; у некоторых из них под венчиком были отверстия для продевания шнура.

Еще в более фрагментированном состоянии, чем кувшины и кринки, найдены крупные толстостенные сосуды; выделяются только некоторые их признаки, по которым эти керамические изделия можно подразделить на три группы: узкогорлые сосуды, широкогорлые и хумы. Из узкогорлых сосудов наиболее характерные диаметром 20—22 *см* с круговыми рядами волнистых линий в верхней части сосуда (рис. 5, *1—3*). Толщина стенок таких сосудов 1—1,3 *см,* поэтому в изломе черепок неодноцветен, что, как известно, свидетельствует о неравномерности обжига. Ангоб обычно серый, но встретился один сосуд и без ангоба.

Широкогорлые сосуды с диаметром устья около 30 *см,* видимо, в большинстве представляли собой изделия типа макитры, с фигурными стенками корпуса и перехватом под венчиком (рис. 5, *4, 5*). Как и все сосуды станковой работы, они изготовлялись из хорошо промешанной глины, обжиг слегка неравномерный ввиду относительной толстостенности (толщина стенок до 1,2 *см*). Наружные поверхности покрыты плотным серым ангобом, внутренние — не всегда ангобированы. Ручки пластинчатые, небольшие, прикреплялись к венчику и верхней части корпуса; на последний до обжига наносился орнамент в виде неглубоких круговых линий, прямых и волнистых, а также насечек.

Существенных отличий между материалами, найденными в завале керамики и над ним, не отмечено, они лишь несколько дополняют друг друга. Над завалом, на высоте 50 *см* от пола, найден тонкостенный кувшинчик из розовой глины, по-

---

[8] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.), МИА, 37, М.—Л, 1953, стр. 288—289; А. А. Марущенко. Хосров-кала, ТИИАЭ АН ТССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 133—135; Л.М. Рутковская. Парфянская керамика древнего Мерва, СА, 1958, № 3, стр. 129.

крытый серым ангобом. Наиболее характерной особенностью его является наличие совершенно плоского плечика, круто переходящего в очень узкое горлышко[9].

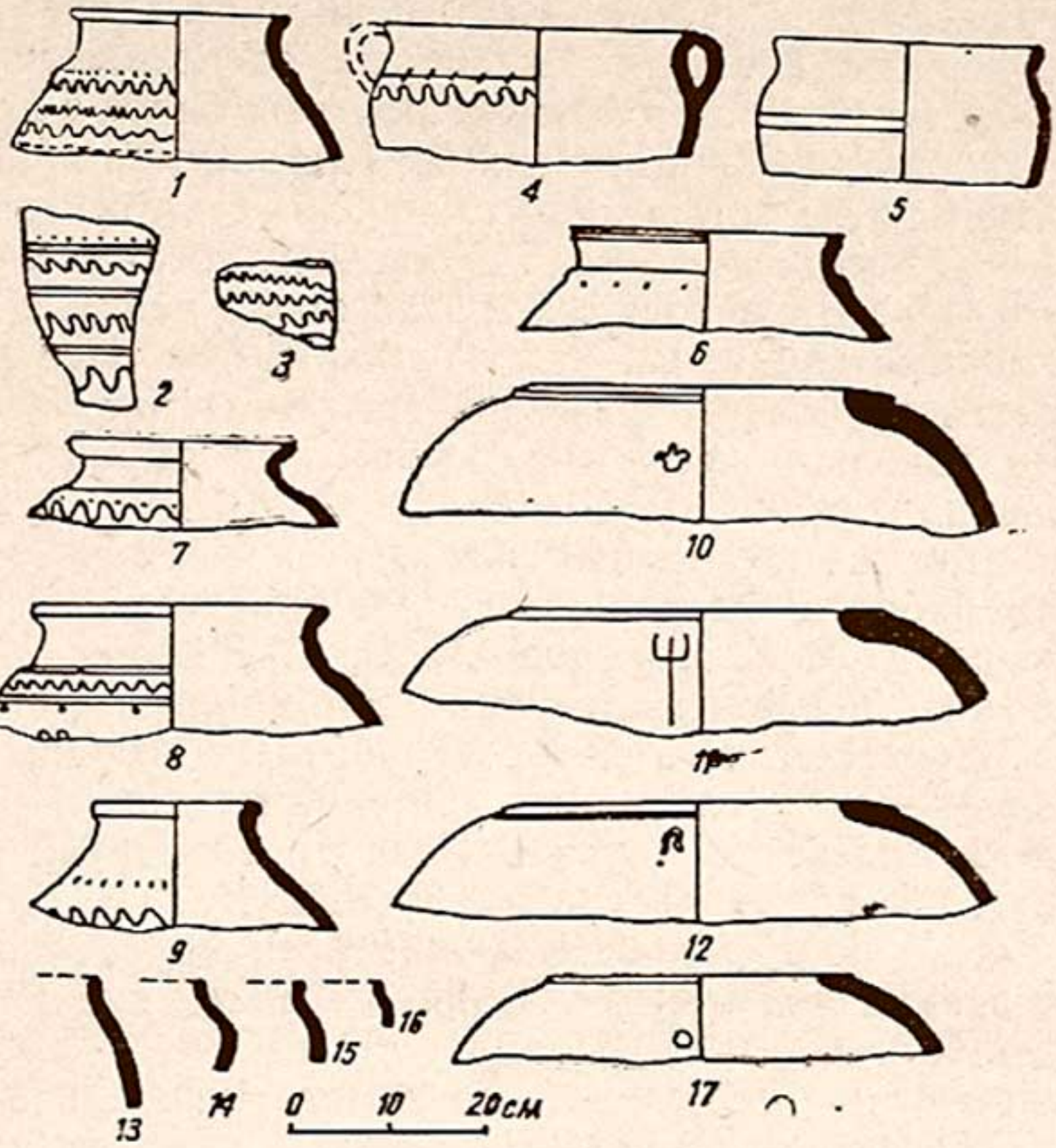

Рис. 5. Толстостенная керамика.

На этом же примерно уровне найдены верхние части узкогорлых крупных сосудов (рис. 5, *7—9*). Обжиг их равномерный, в срезе глина различных оттенков красного и желтого цветов, ангоб серый. Орнамент состоит из насечек, волнистых и прямых линий, проведенных по плечикам. Следует отметить найденные здесь фрагменты трех чаш (кубков?) на высоких ножках (рис. 4, *24—26*).

Значительную часть всех керамических находок обоих помещений составляли фрагменты хумов (корчаг), но ни один из этих сосудов не удалось собрать полностью. Можно только отметить характерные признаки сосудов этого вида. Хумов лепной работы не встретилось, при их изготовлении применялся гончарный круг, однако имеются признаки дора-

---

[9] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории..., стр. 221, рис. 2, *27*.

боток от руки — вмятины, подрезы. Глина чистая, почти без примесей, лишь в некоторых встречаются мелкие известковые включения. Обжиг до придания глине различных оттенков красного и желтого цветов. Серым ангобом покрывались только наружные поверхности; иногда встречаются сосуды и без ангоба, но с пятнистой поверхностью (белое с красным) от неравномерности обжига. Верхняя часть хумов яйцевидной фо́рмы с диаметром устья до 30 *см*. Край устья всегда загнут внутрь, слегка утолщен и обрамлен неглубоким желобком (рис. 5, *10—12*). На некоторых хумах около венчика обнаружены различные знаки. Из них, пожалуй, наиболее интересным является грубое изображение трезубца (рис. 5, *11*), начертанного довольно небрежно острием по сырой глине до ангобирования сосуда.

Точно такие же две тамги известны по материалам археологических работ в Фергане, там они определяются кушанским временем[10]. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский считают также, что «венчание трезубца тамг на керамике из Исфары совпадает с весьма распространенным венчанием трезубца в виде трех вертикальных черточек на монетах так называемого безымянного царя»[11]. Следует добавить, что изображение трезубца характерно не только для монет «безымянного царя», но и для весьма широкого круга кушанских и кушаносасанидских монет[12]. Такие же знаки оказались и в материалах Тали-Барзу[13].

В наслоениях помещения *1*, до самого пола, не было достаточно характерных находок, которые в какой-то мере дополняли бы комплекс помещения *2*. Только на полу найдено несколько целых кувшинчиков хорошей сохранности[14].

В комплексе данного памятника очень редки находки тонкостенных чаш; на полу помещения *1* были найдены два фрагмента таких сосудов (рис. 4, *17, 18*), красноглиняных, один из них был покрыт внутри плотным красным ангобом, а

---

[10] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, Душанбе, 1955, стр. 159—160.

[11] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк..., стр. 160.

[12] М. Е. Массон. Происхождение безымянного «царя царей великого спасителя», ТСАГУ, новая серия, вып. XI, Гуманитарные науки, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 36.

[13] Г. В. Григорьев. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда, Рукопись, Архив ИИМК, ф. 35, оп. 2, д. № 88, стр. 150. Цитировано по статье А. М. Беленицкого «Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента», МИА, 66, М.—Л., 1958, стр. 126.

[14] СА, 1963, № 1, стр. 221, рис. 2, *28, 29*.

второй — плохо сохранившимся белым. Донышко с едва заметным поддоном, край устья слегка загнут внутрь.

Керамики лепной работы относительно немного, она обнаружена лишь в мелких фрагментах и выделить какие-либо элементы, характерные, например, для материалов только помещения *1* или помещения *2,* не удалось. Наоборот, есть признаки, свидетельствующие о том, что керамика этого вида была идентична во всех слоях. Из отдельных видов сосудов лепной работы можно отметить лишь котлы с широкими днищами и изогнутыми стенками тулова (рис. 5, *13, 14);* найдены и другие сосуды лепной работы со слегка отогнутыми или прямыми венчиками (рис. 5, *15, 16*).

Из производственного инвентаря назовем пирамидальные подвески для ткацкого станка, уже широко известные в археологической литературе[15]. Следует обратить внимание на небольшое количество обгорелых зерен ячменя на поверхности слоя керамики в помещении *2*[16]; зерна лежали кучкой, видимо, они были в мешочке. Найдены также зернотерка и жернова, из них три изделия этого вида в хорошей сохранности. Все экземпляры из крупных кусков гравелита; по предположению О. И. Исламова, происходят они из одной каменоломни. Зернотерка из камня размером до 48 × 29 × 14 *см* с хорошо выработанной вогнутой верхней поверхностью. Нижний камень жернова диаметром до 39 *см,* толщиной до 10 *см* с выпуклой верхней поверхностью, в центре которой отверстие диаметром в 4 *см,* сужающееся книзу. Верхний камень с вогнутой нижней поверхностью, диаметром в 31 *см,* толщина камня 7 *см.* В центре отверстие диаметром в 6 *см.* Как видим, верхний камень значительно меньше нижнего, но отверстие у него для оси вращения значительно шире, что давало возможность при работе использовать и края нижнего камня. На оборотной стороне верхнего камня углубление для рукоятки.

В памятниках III—V вв. иногда встречались зернотерки, а иногда — жернова, поэтому ясно, что в это время происходила замена зернотерок жерновами[17]. Теперь мы видим, что в одном помещении находились зернотерки и жернова, причем, возможно, из одной каменоломни. Ручные жернова в Средней Азии появляются относительно поздно. Так, по ма-

---

[15] С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба..., стр. 167.

[16] Ячмень двурядный. Определение научного сотрудника Всесоюзного института растениеводства М. М. Якубцинера (Ленинград).

[17] С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба..., стр. 166.

териалам раскопок в Хорезме их появление предположительно относится к рубежу I—II вв. н. э.[18], в Южном Туркменистане и в Южном Таджикистане — к III—IV вв. н. э.[19]. В наших материалах также нет данных, которые свидетельствовали бы о применении ручных жерновов ранее чем в III—IV вв., они характерны для всего периода III—VI вв.; по-

Рис. 6. Монета медная. Прорисовка, увеличенная почти в 2 раза.

видимому, это был переходный период, когда для размола одних видов зерна применялись зернотерки, для размола других — жернова. В более древнее время — в первых веках нашей эры — применялись только зернотерки, в более позднее время — в VII в. — уже были известны водяные мельницы[20].

На полу помещения *2* найден железный трехгранный наконечник стрелы с конусовидным черешком длиной 4,4 *см*. Здесь же обнаружена медная монета (рис. 6) диаметром не менее 1,3 *см* (края обломаны), вес сохранившейся части 0,21 *г*. На лицевой стороне ее изображен сидящий Зевс лицом влево, против лица следы легенды. На реверсе Геракл, держащий в правой руке палицу, опущенную вниз, а в левой, по-видимому, венок с лентами.

В научной литературе такая монета еще малоизвестна[21], а находок таких медных монет вовсе не было. Первое описание сделано в статье Б. Якунчикова[22], где отмечены всего три монеты из серебра. Б. Якунчиков определяет, что они не могли быть отчеканены раньше конца II в. или I в. до н. э.

---

[18] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХАЭЭ, II, М., 1958, стр. 109.

[19] А. А. Марущенко. Указ. соч., стр. 135; М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 291.

[20] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, Л., 1939, стр.93.

[21] Характеристикой этой монеты автор обязан В. М. Массону.

[22] Б. Якунчиков. Неизданные и редкие древне-греческие монеты, Записки нумизматического отделения Русского археологического общества, т. 1, вып. II—III, СПб., 1909, стр. 56—57.

Аллот де ля Фюи также отмечает три монеты этого типа[23], письмо легенды он определяет как вариант согдийского и датирует ее временем, близким к началу нашей эры. Позволю себе почти полностью привести заключение В. М. Массона об этой монете:

«Медные и бронзовые монеты этого типа до сих пор не были известны. Серебряные монеты могут относиться к I в. до н. э. — I—II вв. н. э. или немного позднее, если допустить наличие в Согде при кушанах местного чекана».

* * *

Одним из основных результатов археологических работ в зоне Чимкурганского водохранилища было выявление двух групп памятников с характерными для них комплексами керамических материалов. Более древняя, относящаяся к III—V вв., была представлена развалинами поселения, известными под названием Джангальтепа[24], памятника согдийского общества, еще не вышедшего из недр рабовладельческой общественно-экономической формации[25]. Более поздняя группа памятников была представлена Аултепа, датированным V—VI вв.[26]

На Малом Кызтепа обнаружена на вышке лишь незначительная прослойка времени Аултепа, показывающая, что капитальных построек здесь в это время не было. Основные конструктивные остатки, обнаруженные на этом памятнике, относятся к III—V вв., о чем свидетельствует почти полное тождество керамических комплексов Малого Кызтепа и Джангальтепа, находившегося примерно в 1,5 *км* к юго-востоку от него, на противоположном (южном) берегу реки.

Эту датировку рассматриваемого памятника в какой-то мере ставит под сомнение находка монеты, которую исследователи датируют несколько более ранним временем. Однако, во-первых, нужно иметь в виду, что монета типа найденной на Малом Кызтепа малоизвестна в научной литературе вообще, а находок таких медных монет еще совсем не было; возможно предположение, что в период поздних кушан мест-

---

[23] Allote de la Fuye. Monnais incertaines de la Sogdiane et les contrèe voisines. Revue Numismatique, Quantrième serie, tome 28, Paris, 1925, p. 41—43.

[24] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории..., стр. 219—222.

[25] Там же, стр. 225.

[26] Там же, стр. 222—226.

ные согдийские владетели выпускали медные монеты, сохраняя при этом еще эллинистические традиции; во-вторых, надо признать, что нижние наслоения памятника остались еще недостаточно исследованными, поэтому не исключено, что здание III—V вв. было построено на развалинах более древнего поселения, из которого данная монета могла быть случайно привнесенной в описанный комплекс. Во всяком случае, датировка этого последнего, как и всего здания, III—V вв. не вызывает сомнений, она опирается на многочисленные аналогии его отдельных керамических форм с материалами Джангальтепа, верхние наслоения которого монетными находками датированы V в., а нижние соответственно более ранним временем — до III в.

Несомненно, что Малое Кызтепа является развалинами усадьбы, состоявшей из построенного на возвышении довольно капитального здания с двором и хозяйственными постройками. Обитателей в усадьбе было немного. Всего обнаружены две комнаты, возможно, были еще три, но не больше. Часть обитателей могла жить в дворовых постройках, тем не менее организация населения усадьбы вряд ли выходила за пределы одной большой семьи с учетом возможности наличия небольшого количества подневольных работников, быть может, рабов. Подтверждением этого служит тот факт, что в соседнем Иране в указанное время при одинаковом уровне общественного развития большая семья «занимала центральное положение как основная социальная ячейка общества»[27]. Этим кратким выводом о социальной организации поселения, развалинами которого является Малое Кызтепа, мы должны пока ограничиться.

---

[27] Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956, стр. 181.

Л. И. АЛЬБАУМ

ЗАНГ-ТЕПА (РАСКОПКИ 1962 г.)

Раскопки замка Занг-тепа являются продолжением работ, начатых в 1953 г. в Ангорском районе Сурхандарьинской области. Здесь уже полностью раскопаны замки Балалык-тепа (1953—1955 гг.) и Джумалак-тепа (1956—1958 гг.), датируемые V—VII вв. н. э. Кроме того, в этом же районе произведены разведывательные раскопки на городищах Хайрабад-тепа, Зар-тепа, сооруженных в первых веках до н. э. и существовавших до конца III в. н. э. Обследованы и другие памятники.

Замок Занг-тепа, относящийся к V—VII вв. н. э.[1], является самым крупным из памятников времени эфталитского завоевания, находящихся в Ангорском районе, и раскопки его должны были дать ценные сведения по архитектуре и материальной культуре этого малоизученного периода истории народов Средней Азии.

Сурхандарьинская область — самый южный район Советского Союза. С севера мощные отроги Гиссарского хребта защищают область от холодных северных ветров. С запада проходят хребты Кугитанга и на востоке — невысокие хребты Бабатага.

Между горными хребтами Байсуна и Бабатага расположена равнина, которую прорезают реки Сурхандарья и Ширабаддарья. Долина Сурхандарьи простирается с северо-востока на юго-запад. В ее южной части находятся пески — результат выветривания возвышенности Хаудаг. Эта возвышенность разделяет Сурхандарьинскую и Ширабадскую долины.

---

[1] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 54—56.

Ширабаддарья течет с севера на юг. В своем верхнем течении она называется Мачайдарья и от Ширабада расходится широким веером, орошая предгорную равнину. Эти многочисленные протоки проходят мимо различных тепа и городищ. Воды протоков достигают Ангорского района, но их недостаточно для его орошения.

В первые века до н. э. и н. э. для орошения Ангорского района пользовались водами р. Сурхандарьи при помощи выведенных из нее каналов. Одним из самых крупных искусственных каналов был Зангский, существующий и в настоящее время, но значительно расширенный и благоустроенный. В I в. до н. э. был сооружен Термезский канал, который брал свое начало примерно в 10 *км* к северу от устья р. Сурхандарьи. У его головной части имеется тепа, хорошо датируемая монетами Кадфиза I, т. е. он был сооружен при кушанах и мог орошать территорию старого Термеза.

Этот район мог существовать только в случае полной исправности искусственной ирригационной системы, что было невозможно без наличия сильной централизованной власти.

В середине II в. н. э. во время правления Канишки территория Кушанского государства достигла огромных размеров. В него входили Афганистан, Бактрия, Согд, Фергана, Кангха, Хотан, Кашгар, Яркенд, ряд областей Индии, в том числе Пенджаб, Кашмир и др. В это время столица из Кушании была перенесена в Пурушапур (Пешавер).

Причины, побудившие кушан перенести столицу на юг, не известны. Возможно, это было связано с принятием Канишкой буддизма. Известно, что при нем в 100 г. был созван первый буддийский собор. Можно предполагать также, что перенос столицы был вызван стремлением кушан расположить ее в более безопасном месте. Перенос политического центра из Средней Азии в Индию не мог не отразиться на экономической и политической жизни народов Средней Азии, что особенно стало заметно при преемниках Канишки — Хувишке и Васудеве, которые постепенно теряли связь со Средней Азией и становились царями Индостана. Дальнейшая история Кушан почти не изучена[2].

Археологические раскопки, проведенные нами на городище Хайрабад-тепа, дали некоторые новые сведения об истории этого района в конце III и начале IV в. н. э. Раскопки цитадели показали, что к III в. в помещениях, возведенных в конце I в. до н. э., жизнь пришла в упадок. В III в. поме-

---

[2] История Узбекской ССР, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 96.

щения ремонтировались, были возведены новые стены. На полу вновь построенных помещений найдены кушанская монета Васудевы (217—241 гг.) и сасанидская Хормизда I (302—309 гг.). На городище Зар-тепа, расположенном южнее Хайрабад-тепа, мы нашли монеты Шапура I (242—272), а также монеты вышеуказанных царей. Запустение и монетные находки свидетельствуют о том, что в конце II начале III в. наблюдался некоторый упадок, со второй половины III в. район попал в определенную зависимость от сасанидского Ирана. Следовательно, первый период запустения можно связать как с переносом столицы из Средней Азии в Индию, так и с вторжением сасанидов в Среднюю Азию.

Э. Херцфельд на основании нумизматических данных пришел к выводу о справедливости утверждения Табари о том, что «он (Арташир. — *Л. А.*) отправился из Савада снова в Спахар, оттуда сначала в Сакастан, затем в Горган, Абаршахр, Мерв, Балх и Хорезм, до крайних пределов страны Хорасана, оттуда он снова вернулся в Мерв. После того, как он убил много людей и их головы послал храму Анахиз (Анахиты), он вернулся из Мерва в Парс и обосновался в Горе. Сюда пришли к нему послы от царя кушанского (разрядка наша. — *Л. А.*), царя туранского и мекранского с выражением покорности»[3]. Что касается изучаемого нами района, то и он в конце II или в начале III в. попал в зависимость от сасанидов. Вывод Э. Херцфельда о покорности кушан сасанидам кажется нам вполне убедительным.

В середине IV в. на территории древней Бактрии появились хионthird, а затем эфталиты. Вопрос о том, различные это этнические группы или нет, — остается дискуссионным[4].

На первых порах хионитско-эфталитское вторжение пагубно отразилось на экономической жизни изучаемого района. Почти все города, возникшие при кушанах, пришли в запустение. Это вполне естественно, если вспомнить, что почти все кушанские поселения в Ангорском районе зависели от искусственного орошения. После вторжения сасанидского Ирана пострадала какая-то часть ирригационных сооружений, а в результате хионитско-эфталитского завоевания, по-видимому, окончательно разрушились ирригационные системы и жизнь целого района пришла в упадок.

Эфталиты объединили распавшееся государство Кушан и, оттеснив сасанидов, захватили не только Среднюю Азию, но

---

[3] М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 398.

[4] К. В. Тревер. Кушаны, хионiты и эфталиты по армянским источникам IV—VII в., СА, XXI, М., 1954.

и районы Восточного Ирана, Северную Индию, Восточный Туркестан, образовав могущественную единую державу. После этого население некоторых районов, в том числе и Ангорского, восстановило ирригационные системы, и жизнь вновь влилась в прежнюю колею.

В этот период на территории Средней Азии складываются феодальные отношения. Вблизи городов возводится множество замков, владельцы которых украшали свои резиденции росписями, резным деревом, полихромными изделиями. Несомненно, что это искусство не могло зародиться вдруг. Оно продолжало среднеазиатское эллинистическое искусство, представлявшее собой синтез местных традиций с элементами эллинистического, индийского и переднеазиатского искусства.

* *
*

Холм Занг-тепа находится в 30 *км* к северу от Термеза. Он возвышается над окружающей местностью более чем на 20 *м* и хорошо виден с большого расстояния. Прилегающая к нему местность имеет небольшой уклон в сторону тепа. Уже первичное обследование этого памятника позволило предположить, что перед нами замок. С южной стороны после небольших зачисток выявлены бойницы, которые шли в два ряда — в верхней части и в нижней. Это подсказывало, что замок двухэтажный.

Замок в плане квадратный, в верхней части 40 × 40 *м*, в нижней — 60 × 60. В трех углах, кроме северо-восточного, квадратные угловые башни. Раскопки начаты в 1961 г.[5]

Всего раскопано 24 помещения, относящихся к последнему третьему строительному периоду (рис. 1). Возвышенность в северо-восточной части тепа оказалась целым комплексом помещений. Вход в них расположен в середине восточной стены. Перед входом находился коридор шириной 1 *м*. Планировка жилого комплекса следующая: сразу же после входа с востока на запад шло коридорообразное помещение, делящее весь жилой комплекс на две почти равные части — северную и южную. Длина его 14,5 *м*, ширина 2 *м*. Стены, сложенные из сырцового кирпича 50 × 25 × 10 *см*, неоднократно покрывались штукатуркой, лучше сохранившейся на северной стене. Штукатурка состоит из глины, смешанной с саманом, а самый верхний слой представляет собой две

---

[5] Л. И. Альбаум. Раскопки замка Занг-тепа, История материальной культуры Узбекистана, вып. IV, Ташкент, 1963, стр. 74.

тонкие глиняные штукатурки без каких-либо примесей. Южная стена также несколько раз штукатурилась. Нижние части стен разрушены и заполнены натечными слоями, а верхние — переходят в кривую свода. Восточная стена, где

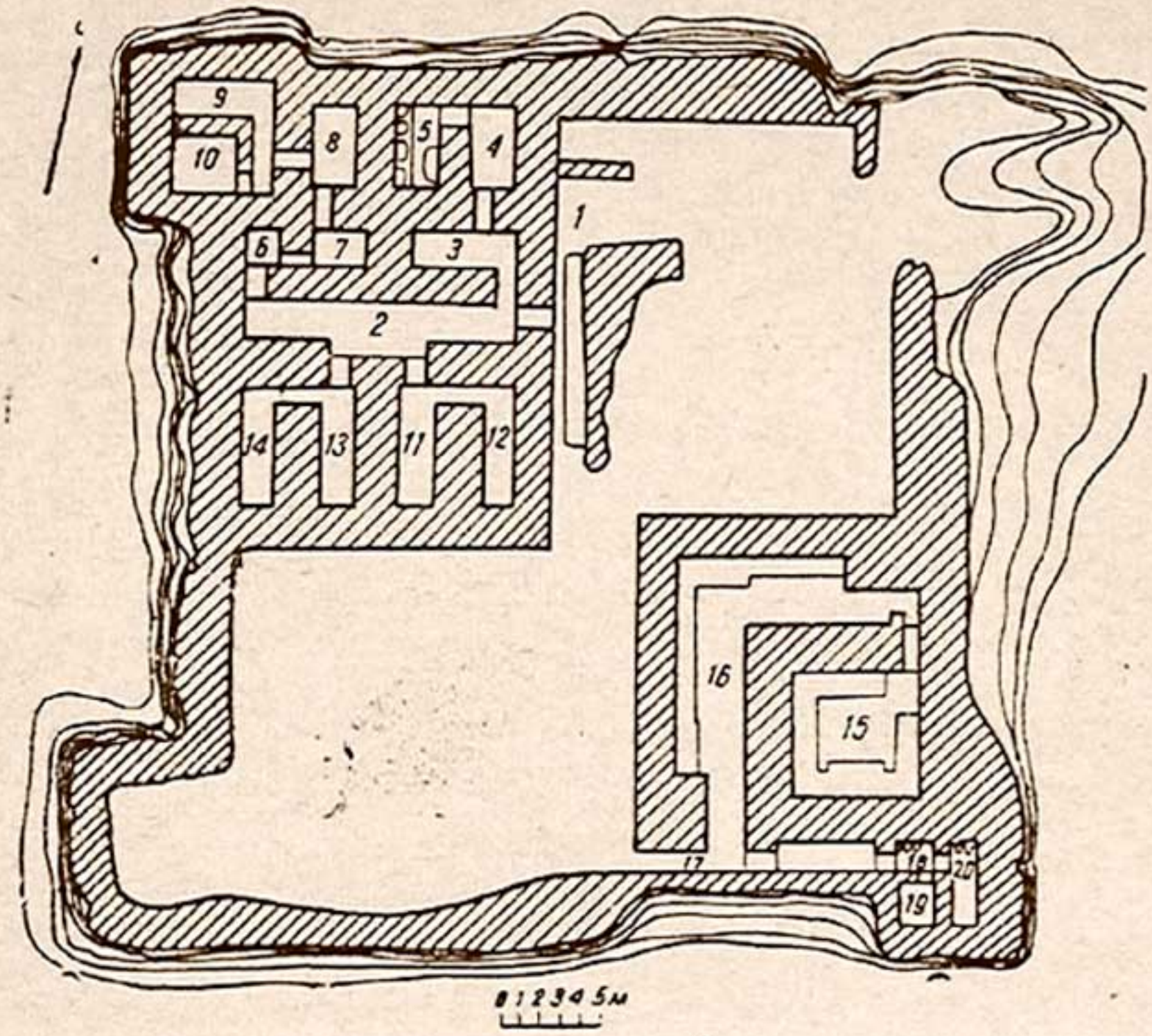

Рис. 1. План помещений.

находился вход, сильно разрушена. В западном и восточном концах северной стены коридора имеются проходы. Каждый из них ведет в совершенно изолированные помещения. Через восточный вход можно попасть в комнату 3, а из нее в комнаты 4 и 5. Стены сложены из сырцового кирпича того же формата и оштукатурены глино-саманной штукатуркой. В нижней части северной стены на уровне культурного слоя VII в. промоина. Западная стена глухая. В северной стене хорошо сохранился проход и арка над ним (рис. 2). Высота двери 2,5 *м*, переход к своду на высоте 1,8 *м*; свод арочный, выложен 16 кирпичами, положенными на ребро. Ширина арки 1 *м*.

Ниже пяты свода с двух сторон сохранились гнезда, в которые вставлялась балка для перекрытия двери. Вторая балка вставлялась у нижней части прохода. Там тоже имеются гнезда. Верхняя балка находится на расстоянии 1,1 *м* от нижней.

Эта стена состоит из двух частей. Вышеописанная южная часть с аркой над проходом возведена раньше, а затем к ней с северной стороны пристроили вторую стенку, что хорошо видно на планке. Над этой частью прохода свод сохранился

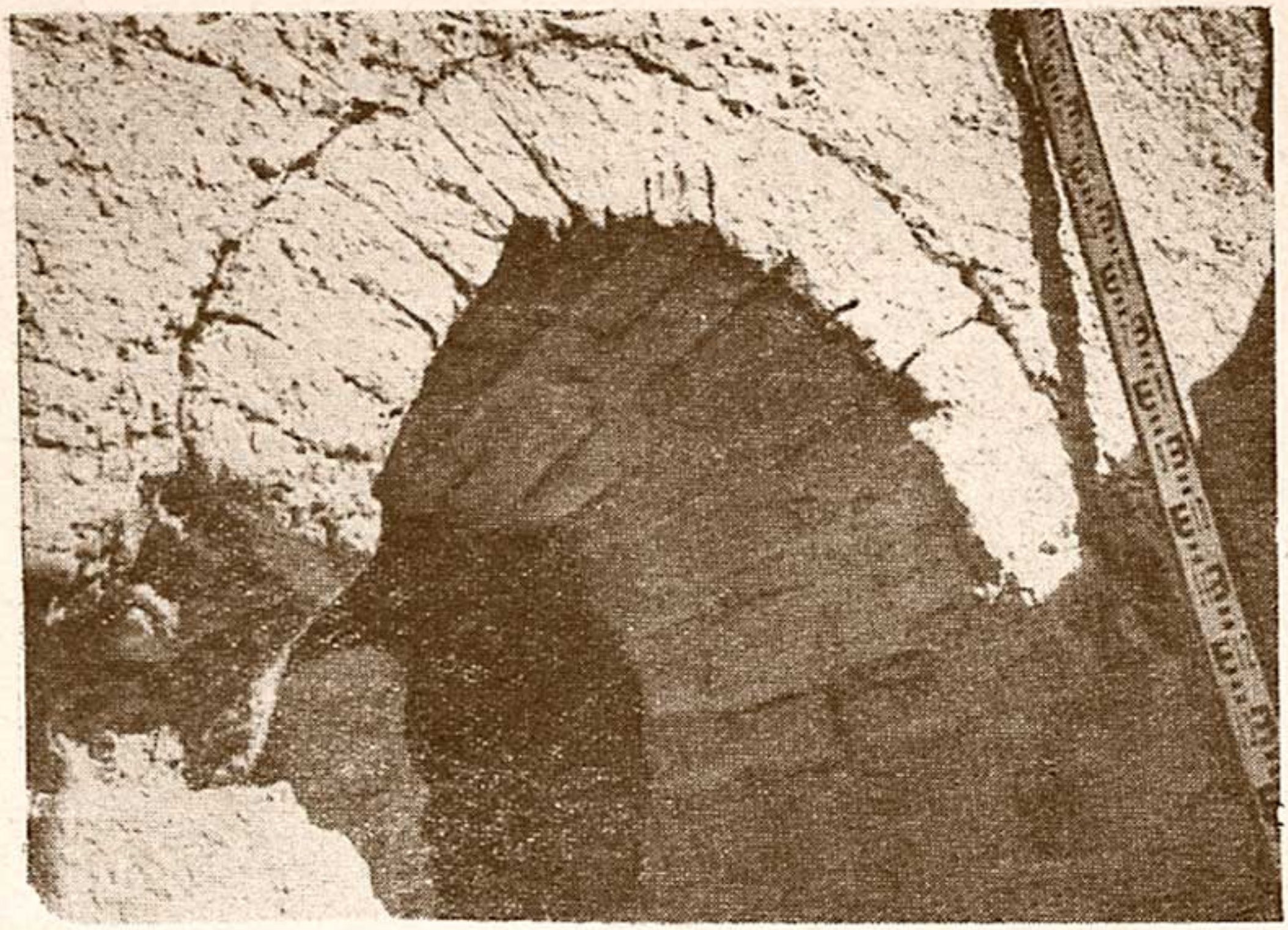

Рис. 2. Арка над входом в помещение *4*.

плохо, и кирпичи были положены не ребром, а плашмя. Освещалось помещение, по-видимому, через световой люк в своде.

Западная часть комнаты отделена перегородкой высотой 30 *см* и толщиной 25 *см*, т. е. в ширину одного кирпича. Толщина культурного слоя с раннесредневековым материалом 0,5—0,7 *м* над уровнем пола. Над ним все помещение заполнено натечными слоями, в которых встречается средневековая керамика.

Помещение 4 примыкает к северной, внешней стене замка. Нижняя часть этой стены на всем протяжении сложена из рядов пахсовых блоков, шириной 1—1,5 *м* и высотой 0,8—0,9 *м*. Блоки чередуются с рядами сырцового кирпича $40 \times 40 \times 10$ *см*, причем со стороны помещения переход от пахсы, высота которой 1,2 *м*, к кирпичам отмечен ребром несколько выступающих над пахсой кирпичей. Комната сохранилась на высоту 5,4 *м*. На уровне 4,4 *м* стена переходит в свод. Переход отмечен ребром, образованным чуть высту-

пающим нижним рядом кирпичей свода. Размер комнаты 42 × 2,25 *м*. Восточная стена сложена из кирпича 50 × 25 × ×10 *см* и квадратного кирпича 40 × 40 × 10 *см*. Западная стена сложена в основном из продолговатого кирпича 50 × 25 × 10 *см*. Стены были оштукатурены.

В середине верхней части северной стены, на 40 *см* ниже пяты свода, — световое окно шириной 36 *см*, сохранившаяся высота — 90 *см*. В западной стене проход в комнату 5, ширина его 0,9 *м*. Хорошо сохранилась арка. Первоначальная высота входа 2 *м* 30 *см*. Свод выложен продолговатым кирпичом, положенным плашмя, а не на ребро (рис. 3). Пол помещения 4 лежит на глубине 4,95 *м* от нулевой точки. На нем 0,5—0,7-метровый культурный слой, содержащий большое количество предметов материальной культуры VII—VIII вв. — керамику, бусы, стекло и др. На верхней грани этого слоя найдены письмена. Выше идут слои натеков вперемежку с органическими остатками; в натечных слоях содержится керамика X—XI вв.

Помещение 5 аналогично помещению 4 (4,2 × 2,3 *м*). По высоте и культурному заполнению они почти не различаются.

В середине верхней части северной стены имеется световое окно шириной 36 *см* и высотой 0,9 *м*. Западная стена глухая. Толщина культурного слоя до 0,7 *м*. На верхней его грани, как и в помещении 4, найдены письмена, а выше идет толстый слой натеков (до 3,6 *м*), в которых также встречается средневековый материал.

Помещение 5 имело хозяйственное назначение — служило кладовой. Западная ее половина отгорожена невысокой (50—70 *см*) глинобитной стеной (ширина 0,3—0,6 *м*) и разделена на четыре клетки, в двух средних были хумы. Стенки этих клеток и западная стена закопчены и обожжены, на дне — зола.

Второй блок из трех комнат расположен в северо-западном углу жилого комплекса, попасть в него можно только через северный дверной проход из центрального коридора. Арка прохода не сохранилась. Сразу за проходом находится небольшая квадратная комната.

Через узкий проход в восточной стене можно попасть в комнату такой же ширины и длиной 2,8 *м*, отсюда через дверной проем в западной части северной стены — в комнату 8, размером 4,2 × 2,3 *м*. По планировке она аналогична комнатам 4 и 5. В северной стене — световое окно. В кладке восточной стены преобладает квадратный кирпич 40 × 40 × 10 *см*, а западная стена сложена из продолговатого кирпича 50 × 25 × 10 *см*.

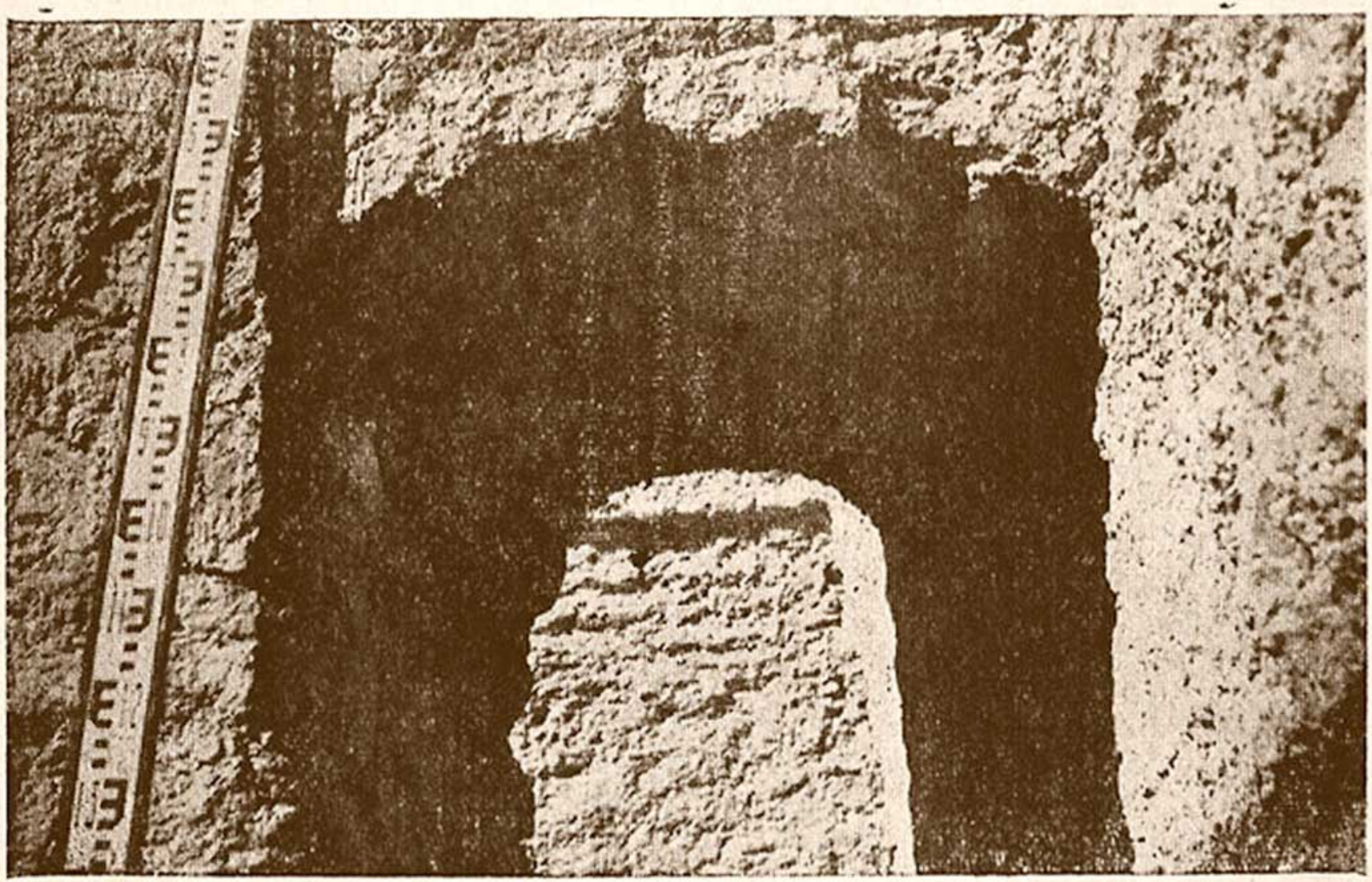

Рис. 3. Арка над входом в помещение *5*.

На северной и западной стенках сохранилась глиняная штукатурка, орнаментированная рельефно пальцами. В западной стене имеется низкий проход в северо-западное угловое помещение. Сразу за проходом попадаем в узкий коридор, повернув по которому на север, можно выйти в комнату 9, ориентированную с запада на восток. Длина ее 5,3 *м*. В юго-западном углу коридора — проход в квадратную комнату 10—3,5 × 3 *м*.

Такова планировка помещений к северу от центрального коридора.

С южной стороны две группы комнат, по-видимому, пристроенных позже, каждая из которых имеет форму буквы «П».

Проход в первую группу находится в южной стене коридора на расстоянии 2,8 *м* от главного входа. В этом месте толщина стены коридора уменьшается с 2 до 1,3 *м*. Ширина прохода 1 *м*. За ним комната 11. Длина 6,3 *м*, ширина 1,65 *м*. Стены, сложенные из продолговатого кирпича, сильно разрушены. Комната заполнена до самого пола натечными слоями, в которых встречаются фрагменты средневековой керамики. Комната 12 имеет аналогичную планировку и расположена восточнее первой. Вход в нее в северной части восточной стены. Размеры 6,2 × 1,8 *м*. Стены сильно испорчены. Комната заполнена натечными слоями. Верхняя часть комнаты засыпана слоем рыхлой земли, в которой сохранились остатки глинобитной кладки. В этом месте найдена керамика XV—XVI вв. На полу в юго-западной части — очаг из квадратного кирпича. В верхней части этой комнаты большое количество золы.

Аналогична планировка второй группы комнат — 13, 14. Вход в них находится на расстоянии 2,8 *м* от восточного входа в первую группу. За южной стеной всех помещений расположен дворик.

Второй комплекс помещений раскопан в юго-восточном углу замка (рис. 4). Центральным помещением является квадратный зал 15—6,7 × 6,8 *м*. Стены сохранились на высоту 1,45—1,6 *м*. Восточная стена сильно разрушена, остатки ее можно проследить только в юго-восточном углу. Вход — в северо-восточной части, впритык к внешней восточной стене. При входе в этот зал сохранилась небольшая квадратная площадка между двумя суфами, которые проходят вдоль стен, причем южная имеет в центре полуметровый выступ. Ширина суфы здесь 1,7 *м*, а в других местах — 1,2 *м*. Все стены сложены из сырцового продолговатого кирпича, оштукатурены глино-саманной штукатуркой. Суфы по краям

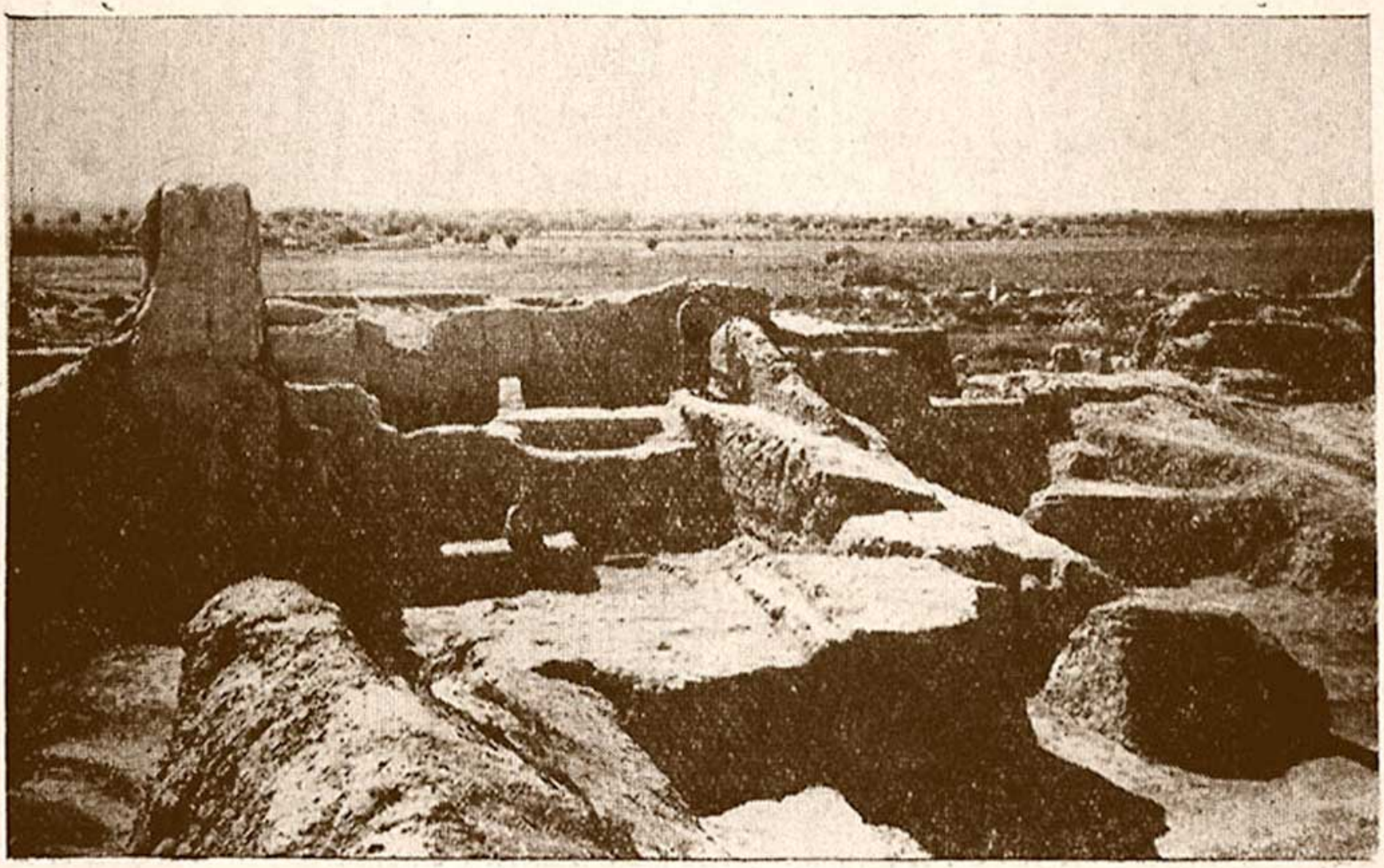

Рис. 4. Общий вид юго-восточного комплекса помещений.

обложены сырцовым кирпичом 50 × 25 × 10 *см*, а внутренняя часть забита обломками кирпича и глиной. Сверху кирпичи и забивка оштукатурены глиной с саманом. Высота суф 70 *см*. Пол находится на глубине 5 *м* 20 *см* от 0. Помещение заполнено средневековым материалом, и лишь на самом полу найдено небольшое количество керамики VII в.

С севера и запада парадного зала расположена Г-образная комната, вдоль северной и западной стен суфы. Западная стена сохранилась только в своей северной части.

С южной стороны проходит коридор 17. Вход в него из юго-западного дворика. Прямо по коридору через дверной проем высотой 1,4 *м* и шириной 0,65 *м* попадаем в помещение, расположенное на юго-восточной башне. Ширина коридора на протяжении 5,3 *м* от башни — 1,4 *м*, далее северная стена коридора делает выступ и коридор сужается до 0,9 *м*. В этом месте находился дверной проход. Стены сложены из того же продолговатого кирпича, покрыты несколькими слоями глино-саманной штукатурки. Самая верхняя штукатурка очень тонкая, без примеси самана. На полу найдены раннемусульманская монета и небольшое количество керамического материала. Высота южной стены от пола 3 *м*. Около входа в северо-западном углу следы от очага. Коридор был забит слоем пахсы, и над этой забивкой в XI в. была возведена стена. В этой же кладке, помимо квадратного кирпича, применялись куски сухой глины.

Сразу за проходом в восточной части коридора вскрыто три помещения. Чтобы раскопать их, пришлось снять остатки стен поздних строений, сложенных из квадратного сырцового кирпича 28 × 28 × 4 *см*. После того как эти поздние постройки были сняты, мы выявили три комнаты —18, 19, 20. В помещении 20 частично сохранилась арка, высота от пола 1,4 *м*.

Такова общая характеристика вскрытых помещений, относящихся к третьему строительному периоду. Чтобы разобраться во всех строительных периодах, в 1962 г. была начата зачистка стен, кладок и полов. Это помогло выявить три основных строительных периода.

Второй строительный период. Для выяснения устройства стен в 1962 г. была произведена зачистка западной внешней стены замка. С наружной стороны хорошо видно, что стена сделана из пахсовых блоков, чередующихся с одним-двумя рядами кирпича. Зная, что стены, выходящие во внутреннюю часть помещения, сложены из кирпича, мы решили проверить, как стыкуется пахса с кирпичом, и с первых же штыков отброшенной пахсы увидели, что она при-

мыкает к оштукатуренной стене. При дальнейшем углублении открылась первая бойница и сразу стало ясно, что пахса с внешней стороны является поздней застройкой. Во время дальнейших работ была снята пахса вдоль всей западной стены[6].

Толщина блоков пахсы 1 *м*, хотя в некоторых местах она уменьшается до 25 *см*. Ряды пахсы идут горизонтально вдоль всей западной стены. Пахсовые блоки чередуются с одним рядом квадратного кирпича 40 × 40 × 10 *см*, хотя встречается и полумерок 40 × 20—22 × 10 *см*. Раньше мы считали, что этот размер характерен для кушанского времени, теперь же видим, что квадратный кирпич в ограниченном количестве применялся и для строительства раннесредневековых сооружений. Кирпич лежит на 10—15-сантиметровом слое насыпной рыхлой земли. Небольшое количество фрагментов керамики из этих слоев и пахсы характерно для VI—VII вв. н. э.: это горлышки от кувшинообразных сосудов типа энахойи. Они покрыты красным ангобом, а иногда дополнительно поверх ангоба — лощением. Найдены фрагменты блюдечек с невысоким отогнутым венчиком. Встречены фрагменты неангобированной посуды.

Зачистка стены дала замечательные результаты. Открыли 12 бойниц различного устройства (рис. 5). Первые три бойницы северной стороны прямые, шириной 20 *см*, расположены на расстоянии 1 *м* 20 *см* одна от другой. Четвертая бойница с наружной стороны имеет арочные ступенчатые ниши. Южнее нее — разрушенный сводчатый проем. Арка аналогичного проема хорошо сохранилась в этой же стене, но южнее. Свод циркульный, выложен продолговатым сырцовым кирпичом. Ширина проема 1,5 *м*. Бойницы южной и северной частей стены расположены зеркально. При расчистке бойниц мы обратили внимание, что большинство из них забито мелкими костями барана и других животных. Это говорит о том, что бойницы в целях обороны использовались довольно редко и служили отверстиями, через которые воины выбрасывали за стены остатки своей трапезы. Так как толщина стен была больше метра, часть костей в них застревала. Например, только из одной бойницы вынуто 12 ашичек от молодых барашков, 4 челюсти, 5 лопаток и 48 мелких костей.

Нас заинтересовал вопрос, куда же выходят эти бойницы с восточной стороны. Расчистка в северной части пока-

---

[6] В работах 1962 г. принимали участие археолог К. А. Шахурин, лаборант А. М. Кобзев, сотрудники Сурхандарьинского областного музея — В. А. Козловский, Т. Г. Салихова, Р. Ф. Фаязов, фотограф Е. Н. Юдицкий, шофер Л. Задонский.

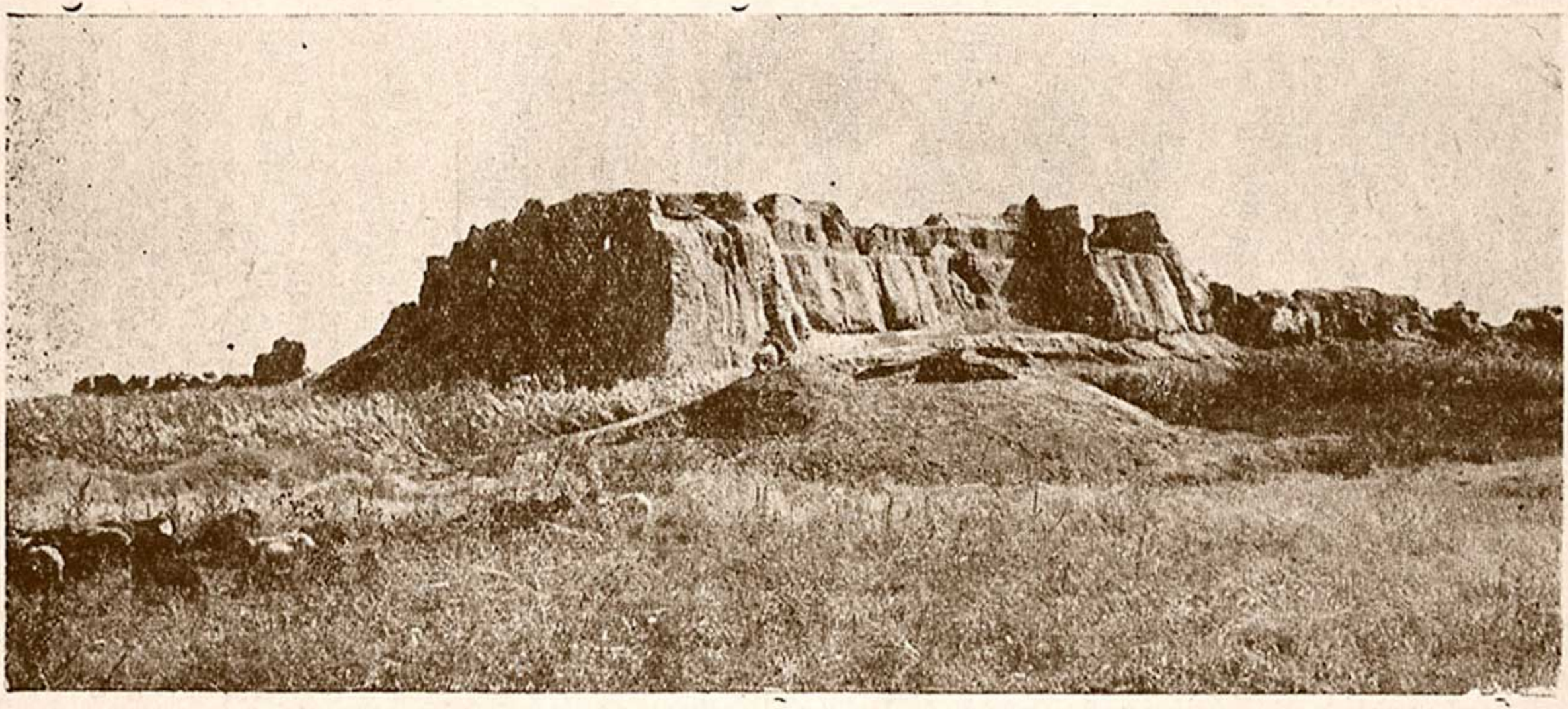

Рис. 5. Общий вид замка Занг-тепа после открытия бойниц.

зала, что они упираются в стенку, возведенную впритык к стене с бойницами. Эта вновь возведенная стена является внутренней для помещений 6, 2, 14. Значит, в период функционирования всех этих помещений стена с бойницами была застроена.

Во время третьего строительного периода стена с бойницами перестала иметь оборонительное значение, и через какой-то очень непродолжительный промежуток времени внешние стены замка с наружной стороны были укреплены пахсовыми блоками, закрывшими бойницы. Стены с бойницами и вновь возведенные сложены из кирпича одного и того же

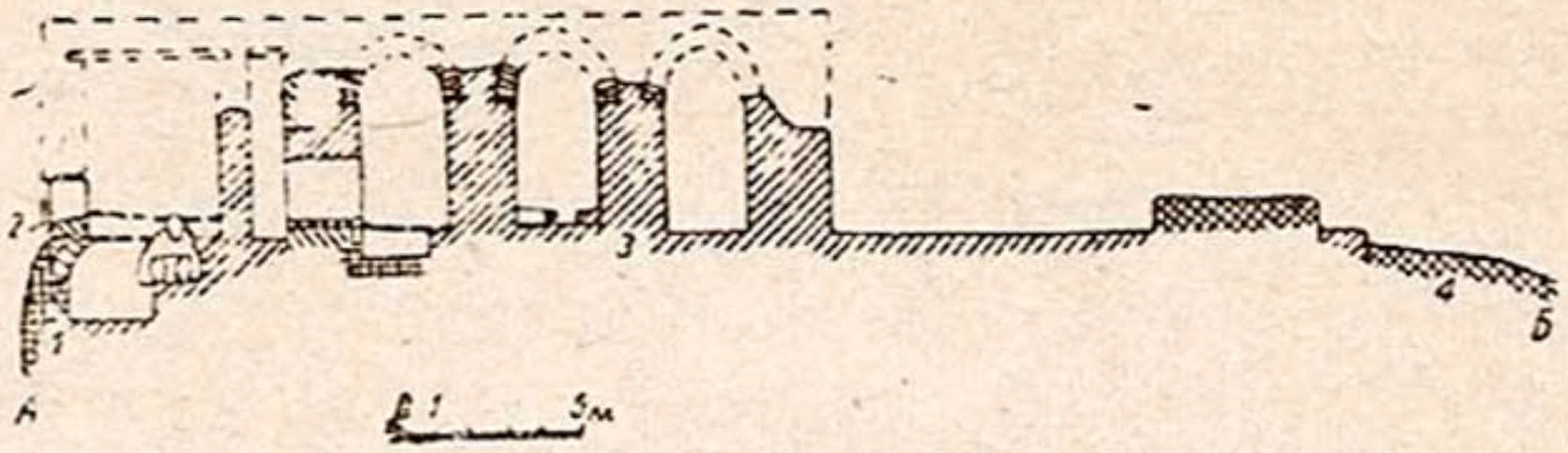

Рис. 6. Разрез с запада на восток через северную группу помещений.

1—IV строительный период (XI в.); *2*—III строительный период (VI—VII в.); *3*—II строительный период (V—VI в.); *4*—I строительный период (III—V в).

формата. Следовательно, этот ремонт мог быть проведен в довольно короткий срок. Чтобы выяснить планировку помещений второго строительного периода, мы продолжили зачистку стен северо-западной башни. Внимательный просмотр штукатурок стен позволил выявить под ними заштукатуренные бойницы. Последняя, восточная, бойница выходит в середину внешней северной стены, т. е. стены со световыми окнами. Значит, эта стена, сложенная из пахсы и квадратного кирпича, также возведена в два строительных периода. Зачистки в коридоре 9, произведенные сверху, со стороны помещения 8, показали, что стена второго строительного периода проходила южнее и при строительстве в третий строительный период была разрушена. Чтобы выяснить устройство свода над дверным проходом из комнаты 8 в коридор, также была сделана зачистка стен. Установлено, что во втором строительном периоде арка прохода была циркульной, высотой 2,8 *м*, точно такой же, как над проходом из комнаты 3 в четвертую. Затем верхняя часть прохода с аркой была заложена (рис. 6), и проход снизился до 1,6 *м*, а арку сделали плоской, как над входом в комнату 5.

При расчистке хуже сохранившейся юго-западной башни обнаружено всего две бойницы, выходящие на север.

Коридор с южной стороны относится ко второму строительному периоду, хотя продолжал функционировать и в третий. Бойницы в южной стене, отмеченные на плане, с наружной стороны не были заложены во время позднейших ремонтов, но с внутренней стороны были заштукатурены глино-

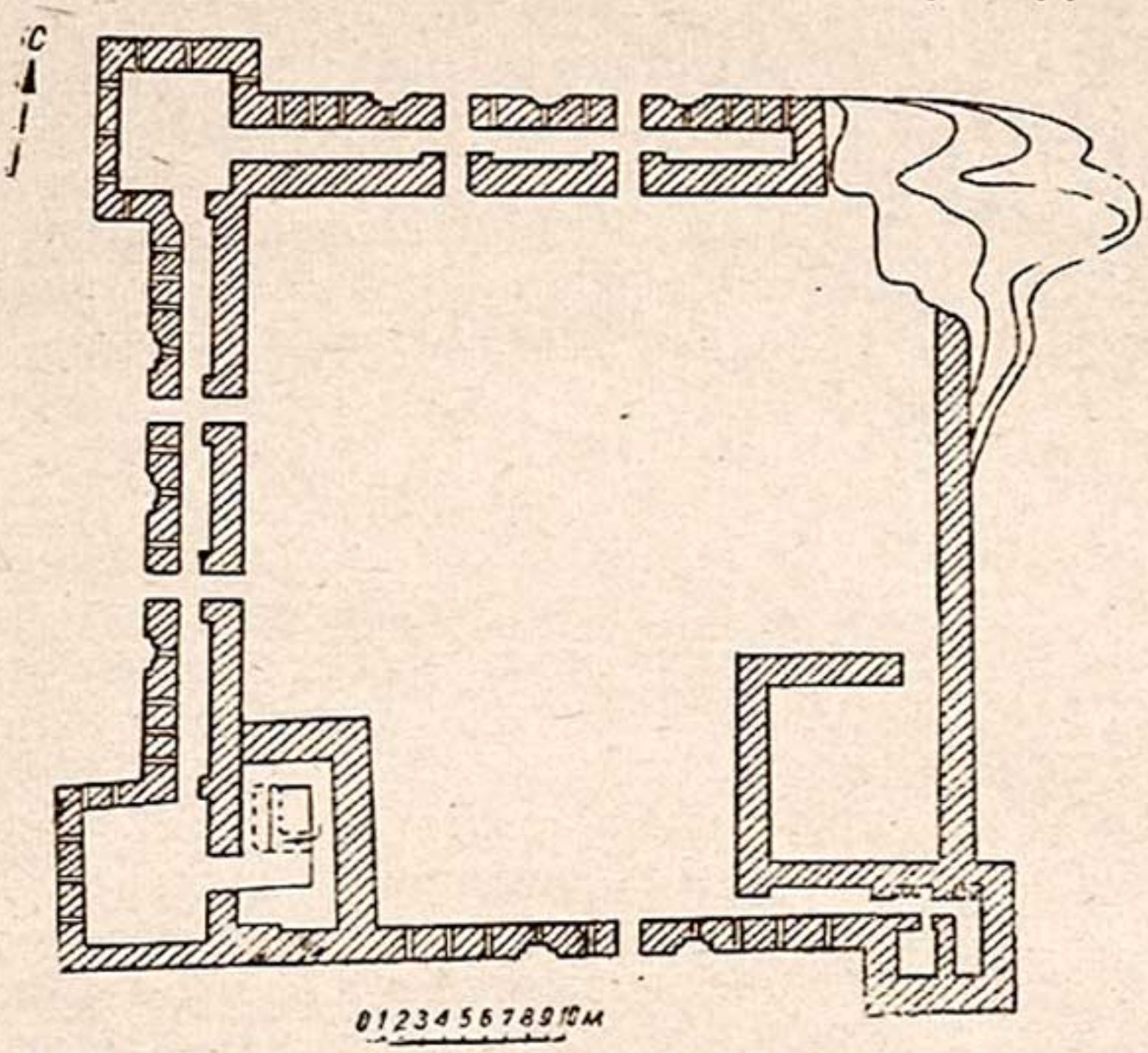

Рис. 7. Реконструкция помещений второго строительного периода.

саманной штукатуркой. В самой башне помещения также были перестроены.

Просматривая северную стену коридора, мы выяснили, что она двойная. Двойными оказались все стены тронного зала. Следовательно, вся внутренняя застройка этого помещения произошла в третий строительный период.

Дальнейшее выявление плана второго строительного периода возможно только после снятия стен третьего строительного периода. Но и в настоящее время уже получены некоторые данные для реконструкции, которая нам представляется в виде квадратного двора с узкими коридорообразными помещениями по сторонам (рис. 7). Такая планировка была в замке Балалык-тепа в первом строительном периоде[7].

Выше мы высказали предположение, что здание было двухэтажным. Для проверки заложили шурф в помещении 10. Это место нами выбрано потому, что в XI в. в центре

---

[7] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 115, рис. 91.

комнаты было вырыто круглое, расширяющееся книзу погребообразное помещение. Оно оказалось засыпанным, и в нем находилось три хума. Четвертый хум закрывал отверстие верхней части ямы. Погреб расчистили, и раскоп продолжили к западной стене, где были выявлены кладки свода помещения нижнего этажа. Это помещение ориентировано с севера на юг. Кладка свода поднимается под стену второго периода и на уровне пола этого же времени прерывается. Если бы кривая арки сохранилась, то замковая часть была бы на 1 *м* выше пола второго периода. Следовательно, нижние помещения относятся к более раннему — первому — строительному периоду. Внутренняя часть обнаруженного помещения заполнена очень плотной пахсой.

Второй шурф был заложен в полу помещения 8. Здесь также выявлена часть арки, сложенной из продолговатого сырцового кирпича 50 × 25 × 10 *см*, а также южная стена коридора (?). Верхняя ее часть и арка срезаны полом. Это помещение первого строительного периода в верхней части заполнено в беспорядке лежащими целыми и битыми кирпичами того же размера.

Такова архитектурно-планировочная характеристика замка Занг-тепа. Не вдаваясь в подробный анализ планировок всего раскопанного комплекса, укажем, что планировка парадного зала 15 с суфами вдоль стен и выступом в центре характерна для большинства памятников VI—VII вв., раскопанных как в Сурхандарьинской области (например, Балалык-тепа, Джумалак-тепа, Якшибай-тепа), так и в других районах Средней Азии (например, планировка парадного зала Варахши[8]), а также для многочисленных объектов Пянджикента[9].

Планировка северо-западного комплекса замка Занг-тепа, когда по обе стороны главного коридора расположены изолированные двух- и трехкомнатные квартиры, также характерна для этого периода. Так, раскопанный нами замок Чаян-тепа на территории Южносурханского водохранилища имеет ту же планировку. По-видимому, многие строительные приемы были традиционными.

В замке Занг-тепа встречаются арки двух типов: выложенные при помощи кружал (они относятся к первому и второму строительным периодам) и более плоские, в которых кирпич

---

[8] В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 22.

[9] Скульптура и живопись древнего Пянджикента, М., Изд-во АН СССР, 1959, табл. 1, 2.

поставлен не на ребро, а плашмя. Такую арку можно было выложить только при помощи специально поставленного лекала. Эти арки принадлежат к последнему, т. е. к третьему строительному периоду.

Керамика из помещений замка Занг-тепа самая разнообразная, как по форме, так и по времени. На ее описании в настоящей статье мы останавливаться не будем.

Самыми уникальными находками в замке Занг-тепа являются памятники письменности.

В течение последних лет на территории Средней Азии во время археологических исследований найден ряд памятников письменности. Наиболее крупная из находок — архив с горы Муг в Таджикистане[10], открытый недалеко от Пянджикента в 1932 г. Это был первый случай обнаружения согдийской письменности VII—VIII вв. на территории Советского Союза. Документы представляют собой деловую переписку, юридические акты, деловые записи и расписки Деваштича. Записи велись на бумаге, коже, палках. Всего найден 81 документ.

В 1936 г. Термезской археологической комплексной экспедицией (ТАКЭ) на городище старого Термеза найден кусок сосуда из мергелистого известняка с процарапанной надписью почерком карошти кушанского времени[11].

В 1948 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией при раскопках городища Топрак-кала в «комплексе арсенала» открыты документы, имеющие большое научное значение[12].

Всего обнаружено около сотни документов, из них 18 — на дереве, остальные — на коже. Найденные остатки письменности являются реестрами лиц, подлежащих обложению налогом и повинностями, хозяйственными документами. Язык их иранский, алфавит арамейский. Документы датированы концом III или началом IV в. н. э. С. П. Толстов считает, что даты, приведенные в текстах, относятся к индийской эре Шака[13].

При раскопках замка Якке-Парсан в Беркуткалинском

---

[10] Согдийский сборник. Л., 1934; А. А. Фрейман. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. Согдийские документы с горы Мут. Чтение. Перевод. Комментарий, вып. I, М., 1862.

[11] М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН СССР, сер. I, вып. 2, История, археология, ТАКЭ, Ташкент, 1940, стр. 81.

[12] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948, Известия АН СССР, 1949, № 3, стр. 281.

[13] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 257.

оазисе были найдены документы очень хорошей сохранности, относящиеся к VII—VIII вв. н. э.

В 1948 г. работы Южно-Туркменской археологической экспедиции ознаменовались открытием на городище Новая Ниса, в крепости Михрдаткрет, остракон с надписями. Был обнаружен архив парфянских хозяйственных документов. Всего найдено более 2000 документов. «Важно то, что сама Парфиена заговорила, наконец, собственными письменными первоисточниками»[14], относящимися к I в. до н. э.

Раскопки последних лет дали новые еще неизвестные науке письменные источники. Так, в Хорезме археологом А. С. Гудковой при раскопках оссуарных захоронений в Токкала обнаружены десятки оссуариев, некоторые покрыты цветными росписями, изображающими сцену оплакивания. На многих оссуариях имеются надписи[15].

При изучении Старого Мерва на городище Гяур-кала была раскопана буддийская ступа. К западу от лестницы археологам посчастливилось обнаружить кувшин, тулово которого покрыто росписями. В нем найдены кусочки глины с отпечатками букв, которые были предварительно определены М. Е. Массоном, как буквенные знаки индийского письма[16]. Такова краткая справка о находках письменности.

Нами первый фрагмент письменности найден осенью 1961 г. в помещении 5 около восточной стороны. Рабочий, занимавшийся расчисткой земли на глубине около 3,5 *м* от поверхности, в одном из первых натечных слоев, которые почти полностью заполняют помещение, увидел кусок земли с прилипшим листком, похожим, как он выразился, «на кусок старой газеты». Работы на этом участке были прекращены. Внимательное рассмотрение фрагмента навело на мысль, что это кусок пергамента. Дальнейшая расчистка показала, что на данном уровне имеются еще мелкие фрагменты письменности, большинство из которых при одном прикосновении к ним рассыпалось. Чтобы сохранить как можно больше фрагментов, мы стали вынимать их с монолитиками земли и дальнейшую расчистку производили уже в лагере, а часть вывезли в Ташкент для очистки в лаборатории Института истории и археологии АН УзССР.

Ниже слоя с письменами начинается культурный слой, относящийся к VII в. н. э. При дальнейшей расчистке комна-

---

[14] М. Е. Массон. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса. Материалы ЮТАКЭ, вып. 2, М.—Л., 1951 стр. 6.

[15] А. Гудкова. Ток-кала, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964.

[16] Л. Букинич. Интересные раскопки, газ. «Ташкентский университет», 27 февраля 1963 г.

ты 4, на этом же уровне, в южной части вновь стали попадаться мелкие фрагменты с письменами. Расчистка их велась тем же способом. Письменность найдена и в комнате 1.

Уже при более детальной расчистке в поле мы установили, что перед нами не пергамент, а тонкие слои коры березы — береста — толщиной около 1 *мм*. После окончательной расчистки в лабораторных условиях было получено несколько кусков бересты с четкими строками письменности, выполненными черной тушью. К сожалению, ни один из них не сохранился без какой-либо порчи. Письмена имеются с обеих сторон листка. Эти листки были прикреплены в верхней части к палочке или дощечке. Каждый листок поворачивался, как на отрывных календарях. После того как исписывалась страница, ее поднимали кверху и исписывалась вторая ее сторона.

Раскопки 1962 г. показали, что листки бересты встречаются не только в самых верхних слоях, как это предполагалось, но и на полу. Так, при расчистке комнаты 2 около южной стены в двух метрах от главного входа мы нашли три куска бересты, расчистка которых ведется в настоящее время. Следовательно, письменность была широко распространена на протяжении всего последнего периода жизни замка — VII — начало VIII в. н. э.

Какому же письму принадлежат найденные документы?

Народы, населявшие северные области Греко-Бактрийского царства, говорили на различных, но очень близких друг другу иранских наречиях. В употреблении была арамейская, греческая, а затем индийская письменность. В дальнейшем на этой территории сложилось Кушанское царство. Рост его международного значения потребовал создания единого языка и соответствующей письменности. Такой письменностью, по-видимому, стала арамейская, которая легла затем в основу иранских письмен, в том числе согдийского и хорезмийского. Одновременно продолжало существовать и греческое письмо, особенно на монетах.

Особенно большое влияние индийская культура оказала на Восточный Туркестан. Многие из документов, открытых там, написаны на санскритском языке. Завоевательные походы эфталитов и других народов в Индию не могли не способствовать сближению среднеазиатских народов с индийской культурой и искусством; главным последствием этого явилось распространение буддизма, а также индийских шрифтов[17].

---

[17] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 10.

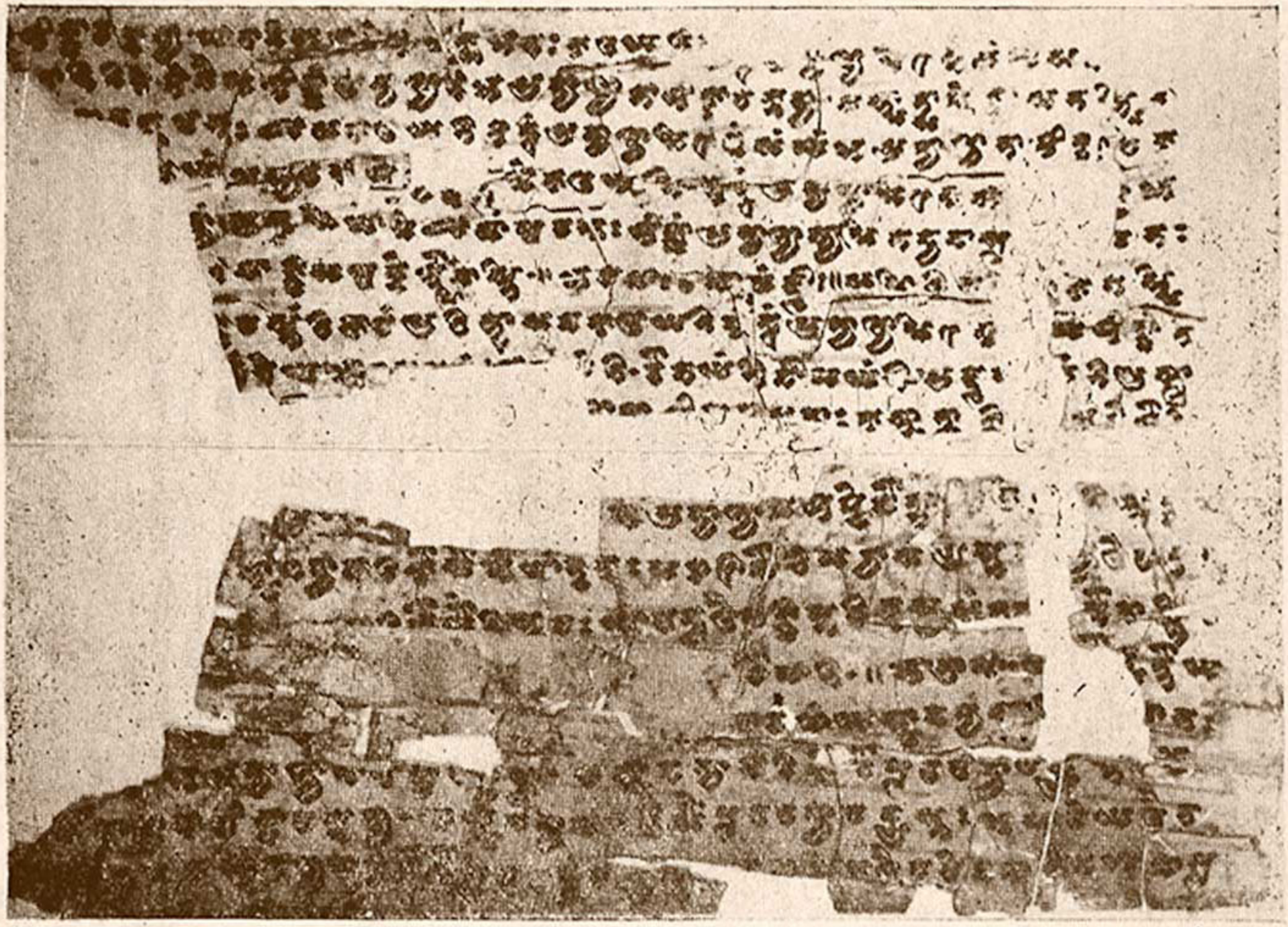

Рис. 8. Санскритская письменность на бересте из замка Занг-тепа.

Среди находок древней письменности, обнаруженных А. Стейном в районе Дандан-Уйлика (Хотане), имеются документы на центральноазиатском брахми, очень похожие на наши документы. Это позволяет сделать вывод, что письменность из Занг-тепа является курсивным видом центральноазиатского брахми и имеет много общего с санскритскими письменами из Хотана. Писали, по-видимому, так же, как и в Хотане, «не кистью», а тростью[18]. Это хорошо видно даже при первом взгляде на шрифт письма. Всего в Занг-тепа найдено 6 документов.

Расшифровка одного из наиболее хорошо сохранившихся документов проведена сотрудниками Ленинградского отделения народов Азии М. В. Воробьевой-Десятовской и Э. Н. Темкиным.

Документ № 1 (рис. 8). Основой для письма служил лист бересты. Сохранившаяся величина 24 × 8,5 *см*. Текст написан черной тушью. Сохранность бересты плохая, при вскрытии она распалась на ряд мелких кусочков, но впоследствии все они были тщательно подогнаны и склеены, хотя и после этого остался целый ряд выпадов и повреждений. На одной из сторон сохранилось 9 строк, а на другой — 8. Левая сторона и нижняя часть документа не сохранились.

В наилучшем состоянии сторона, на которой осталось 9 строк, хотя и на ней, помимо выпадов, имеются потертости. В хорошо сохранившейся строчке 35 знаков, а в худшей — 10.

На второй стороне 7 строчек, из них только 3 последних сравнительно хорошей сохранности, а в остальных большие выпады. Чтение этого документа, произведенное вышеназванными специалистами, привело их к выводу, что письмо рукописи — вертикальный центральноазиатский брахми, язык санскрит. Они считают, что фрагмент представляет собой лист типа потхи, обычный для большинства индийских и центральноазиатских рукописей.

Палеографические данные также подтверждают нашу археологическую датировку и позволяют отнести рукопись к концу VII или началу VIII в. н. э. Во всяком случае, по палеографическим данным эта рукопись не могла быть написана ранее V—VI вв. н. э. Чтение и перевод текста, как считают М. В. Воробьева-Десятовская и Э. Н. Темкин, могут быть уточнены только в том случае, если удастся отождествить его с известными санскритскими сочинениями сходного содержания. Прочитанный ими текст относится к той части

---

[18] Н. Я. Бичурин. Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М. — Л., 1950, стр. 301—302.

буддийского канона, которая называется «Винаяпитака». Это правила поведения для монахов, монахинь и мирян, принявших буддизм, регламентирующие все стороны их жизни. Судя по содержанию переведенного документа, можно предположить, что найденная в замке Занг-тепа рукопись принадлежит проповеднику или буддийскому монаху, находившемуся на территории Средней Азии с целью распространения буддизма.

Находка санскритских и буддийских рукописей на территории Средней Азии имеет большое историко-культурное значение. До сих пор в Средней Азии были обнаружены только отдельные небольшие надписи, выполненные брахми и кароштхи. В заключение можно сказать, что раскопанный нами памятник является укрепленным замком, принадлежавшим крупному землевладельцу. Дворцовая часть расположена в юго-западном углу, а хозяйственные помещения — в северо-восточном. Между ними находился открытый дворик.

Замок Занг-тепа дает новые материалы для изучения истории, архитектуры и культуры народов Узбекистана в период сложения феодальных отношений.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

ВОДОИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ СОСУДЫ

В сельском хозяйстве Средней Азии вода играет большую роль. В испытывавших острый недостаток воды районах — бассейн Кашкадарьи, Сурхандарьи, низовья Зарафшана, предгорные районы Нуратинских хребтов, а также большая часть Ферганской долины — постепенно вырабатывались более и менее точные способы распределения воды. Одним из таких способов являлось определение количества отпускаемой для орошения воды при помощи специальных сосудов. В историческом сочинении Мирзы Салимбека бин Мухаммеда Рахима «Тарих-и Салими», написанном в 60-х гг. XIX в., такие сосуды-водоизмерители обозначаются термином «куза»[1], т. е. кувшин.

В некоторых местностях долины Кашкадарьи сосудом-водоизмерителем служил «мунди» или «мунти», т. е. кувшинчик.

В орошаемых районах Южного Казахстана, в частности, в окрестностях г. Туркестан такие сосуды назывались «малеком»[2]. «Малек» — это кувшин, — пишет один из обозревателей в своей заметке, напечатанной в 1915 г. в 7 номере журнала «Туркестанское сельское хозяйство», — которым меряют воду, из него устроены, подобно песочным, водяные часы»[3].

По отдельным этнографическим данным, собранным нами во время полевых работ в 1962—1963 гг. в Нуратинском районе Самаркандской области и Джизакском районе Сырдарьинской области, водоизмерительным сосудом — «кузой» обычно

---

[1] Мирза Салимбек бин Мухаммед Рахим. «Тарих-и Салими» или «Кашкул Салими», Рукопись Института востоковедения АН УзССР, инв. № 2016, л. 112[а].

[2] П. С. Водяные часы для распределения воды у туземцев, журнал «Туркестанское сельское хозяйство», 1915, № 7, стр. 725.

[3] Там же.

служил обыкновенный небольшой хозяйственный кувшин емкостью 5—6 *л*, в дне которого просверливалось небольшое круглое отверстие, куда вставлялась «найча» — тонкая трубочка из тростника для стока воды. В древности пользовались и специально изготовленными сосудами-водоизмерителями. Подобный сосуд был найден впервые весной 1962 г. Кувинским археологическим отрядом, возглавляемым В. А. Булатовой, на раскопе жилого комплекса VII в.,, расположенного в 250—300 *м* к северу от Кувинского городища[4]. Второй такой же сосуд обнаружен осенью 1962 г. Л. И. Альбаумом в Сурхандарьинской области, в культурном слое VII в. городища «Карауль-тепа», находящегося в 2 *км* к югу от железнодорожной станции Шурчи.

Первый — кувинский сосуд, имеет конусообразную форму с острым концом. Длина его 31 *см*, диаметр верхней части 17,5 *см*, а нижней, у сгиба — 11 *см*, толщина стенки 0,7 *см*. Емкость сосуда 2,5 *л*. Сосуд имеет квадратную горловину размером 7,5 × 8 *см*. Ниже борта — паз для задвижки длиной 13,5 *см* и шириной 2 *см*. К нижнему борту паза была прикреплена ухообразная лепная ручка, которая не сохранилась. На противоположной стороне сосуда ниже борта имеются две небольшие лепные ножки (2,5 × 3,5 *см*); на остром конце сосуда находится круглое отверстие диаметром 0,7 *см* (рис. 1).

Форма второго сосуда цилиндрическая с вытянутым концом; длина 35 *см* и диаметр 14,5 *см*; емкость его 3,5 *л*, толщина стенки сосуда 1 *см*, горловина круглая, диаметром 6,5 × 7 *см*.

Ниже борта также имеется паз длиной 9,5 *см*, шириной 15 × 1,8 *см*, по всей вероятности, горловина его закрывалась специальной задвижкой (рис. 2). В 3 *см* ниже паза прикреплена небольшая ухообразная лепная ручка. На обратной стороне сосуда у борта помещаются две лепные ножки (длиной 6,5 × 7 *см*, шириной 2 × 2,5 *см* и высотой 1 × 2 *см*). На самом кончике сосуда имеется круглое отверстие диаметром 0,7 *см*.

Таким образом, по своей конструкции и размеру эти сосуды почти одинаковые. Необходимо отметить, что по отдельным этнографическим данным вышеуказанные сосуды имели назначение мышеловок, используемых местным населением горных районов Средней Азии в борьбе с грызунами. Однако по своей конструкции они очень сходны с сосудами-водоизмерителями, упомянутыми в письменных источниках.

---

[4] В коллекциях музеев нашей республики мы не обнаружили подобных сосудов.

По своей функции эти сосуды-водоизмерители очень сходны с песочными часами и являются одной из простейших форм водяных часов, известных в литературе об античной технике

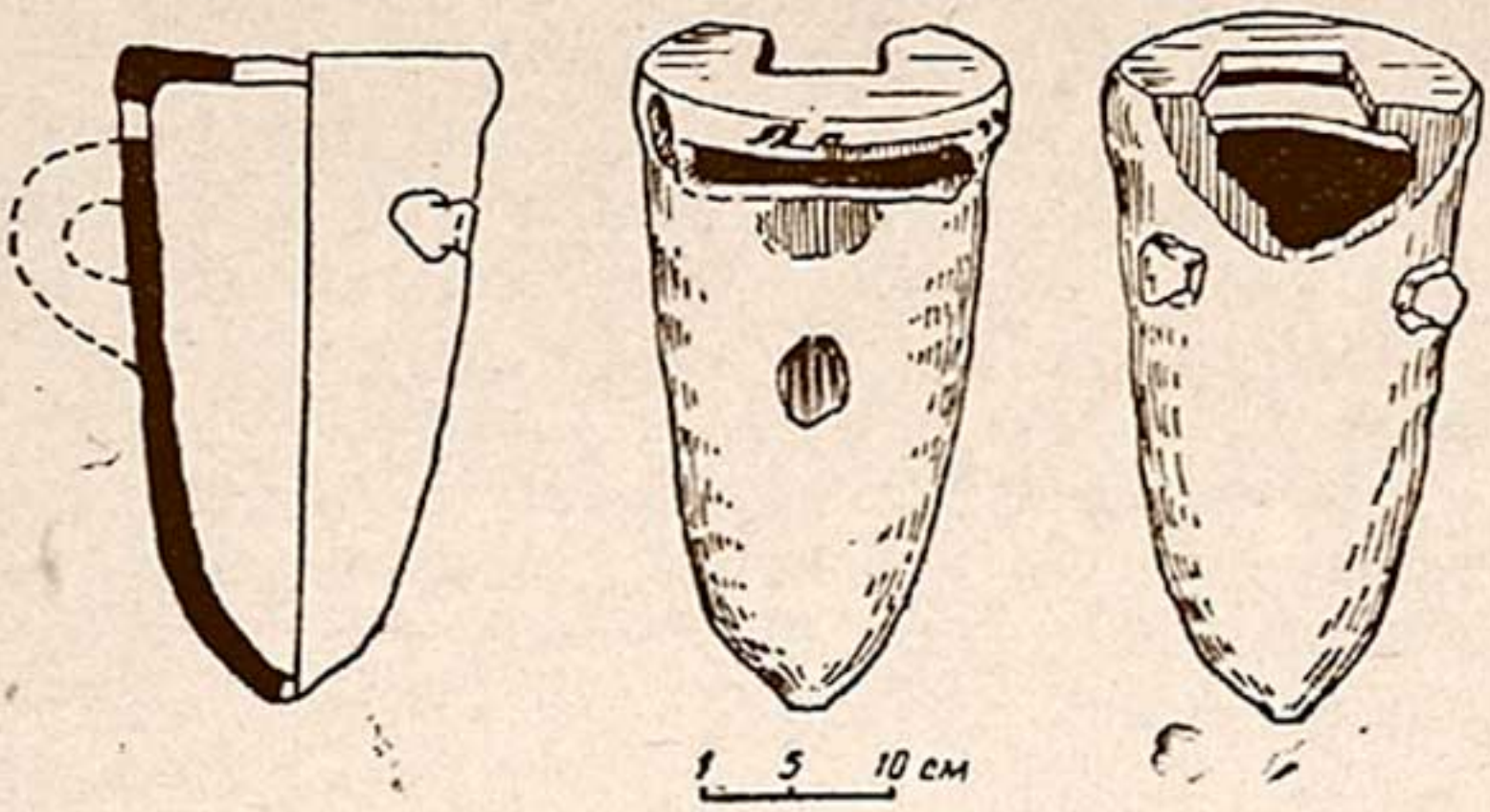

Рис 1.

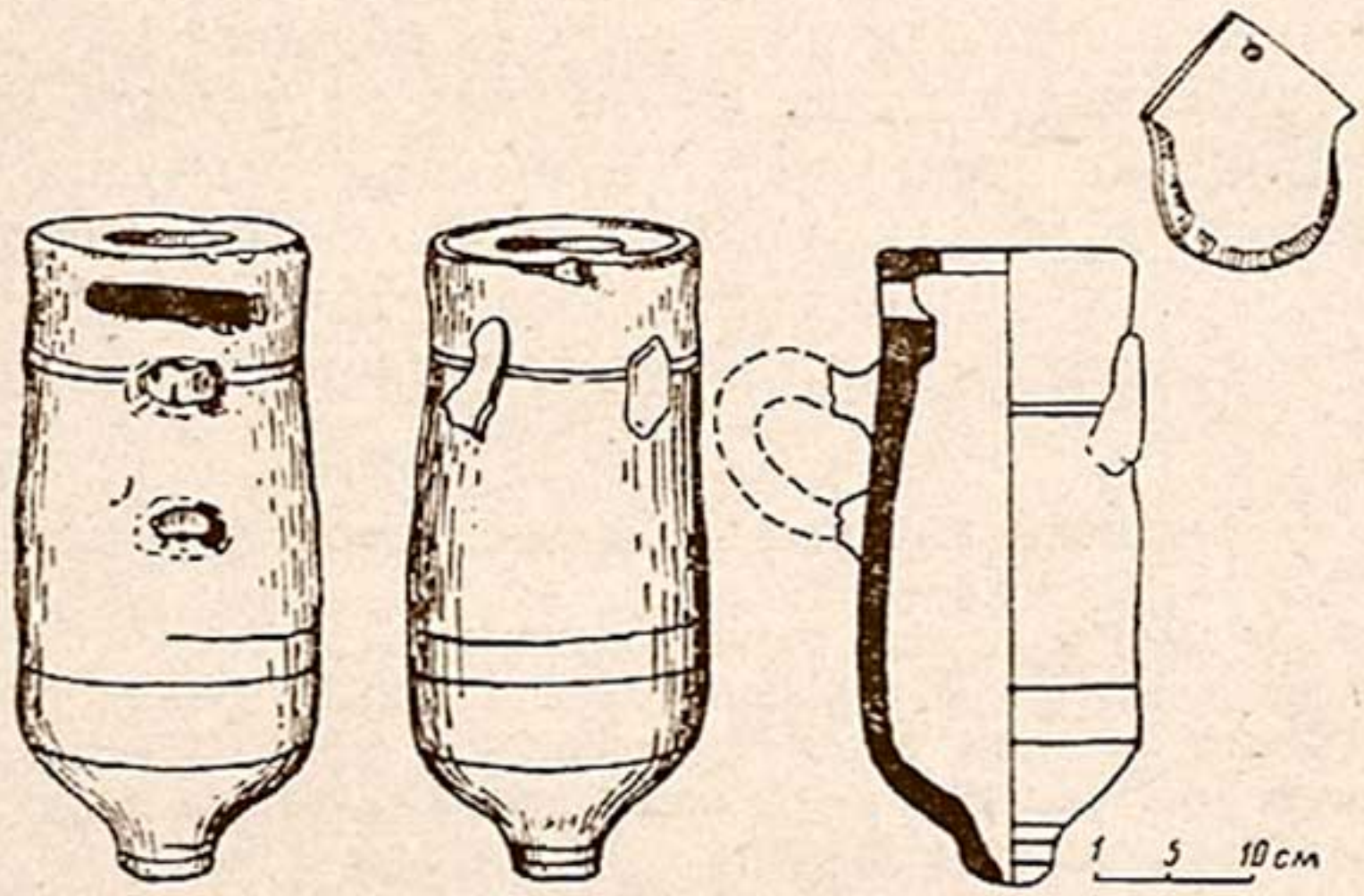

Рис. 2.

под названием «клепсидра»[5]. В книге «Минералогия» Абу Райхана ал-Бируни такие сосуды-водоизмерители обозначаются термином «банканот», «банкан», «бакиндон» и «банокин», а трубка для них — «маджари»[6].

Работа водяных часов и пользование ими были совсем простыми. Налитая в кувшин с отверстием вода пропускалась

---

[5] Г. Дильс. Античная техника, перевод и примечания М. Е. Сергеенко и Ч. П. Забаринского, М. — Л., 1934, стр. 167—179.

[6] Абу Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия), перевод А. М. Беленицкого, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 163, 389 и 458.

через тонкую трубочку за определенный промежуток времени. «Когда подходит чья-нибудь очередь, — пишет автор сочинения «Тарих-и Салими», — арбоб[7] того (места) устанавливает у земельного участка того (человека) одну «кузу»[8], наполненную водой. В (отверстие) дна «кузы» он помещает узкую трубочку. Пока (вся) вода в «кузе» через ту трубочку вытекает, проходит один «соат»[9], когда отсчитывается один «қора об»[10], доля (воды) того (человека) оканчивается, хоть полностью полита земля того (человека), хоть и нет»[11].

«Налитая в кувшин вода льется, — пишет другой автор, — очень тонкой струей... Мираб так и ездит с уже всем известным вымеренным кувшином, отпускает воду сообразно прав каждого на известную меру времени»[12].

По сообщению нашего информатора Каххара Хидирова[13], вся орошаемая земляная площадь Нураты разделялась на 20 «тахта», т. е. частей, а каждая «тахта», в свою очередь, — на 32 более мелких земельных участка, которые назывались «қора» и имели право получать воду из родника Нураты в течение 12 час. Каждый участок — «қора» получал днем три кузы воды, а ночью две кузы[14]. Таким образом, одна дневная очередь равнялась 96 кувшинам, а ночная — 64. Всего суточное течение главного ирригационного источника Нураты составляло 160 кувшинов. Если в вегетационный период средняя

---

[7] Водораспределитель, выбираемый самими водопользователями в определенный срок.

[8] Кувшин, в данном случае сосуд-водоизмеритель.

[9] Буквально «час», а фактически определенный промежуток времени, отсчитываемый по стоку воды из кувшина.

[10] Буквально «черная вода» — участок земли, а также доля воды, отпускаемой водопользователем Нураты. Она равна 2 или 3 кузам (см. ниже).

[11] Тарих-и Салими, л. 112[а].

«نوبت هر کس رسد ارباب آن یك کوزه آب را بسر زمین
آن پُر کرده میما ندازتحت کوزه یك نایچه بار یك را میما
ندتا آب کوزه از نایچه مزکور خالی شدند یك ساعت میگزرد
و یك قره آب حسَاب یافته حق آن تمام میشود خواه زمین
آن پُر شود و خواه نشود

[12] П. С. Водяные часы для распределения воды у туземцев, журн. «Туркестанское сельское хозяйство», 1915, № 7, стр. 725.

[13] Житель г. Нураты, 63 года.

[14] Так как летом дни длиннее.

долгота дня была 16 час., а ночи — 8 час., то один нуратинский дневной кувшин равнялся 10 мин., а ночной 7,5 мин.

Водораспределение через кузу очень похоже на широко распространенный способ водораспределения с помощью небольшой чашки с отверстием, который до недавнего времени применялся в водном хозяйстве Северной Африки, в частности Марокко, Алжира, на Ближнем Востоке — в Иране[15]. Такая чашка, как мерка для определения количества воды, отпускаемой для орошения определенных земельных участков, называется «танг», буквально «отверстие», т. е. чашка с отверстием[16].

По данным И. П. Петрушевского, подобными сосудами — чашками-водоизмерителями, т. е. водяными часами, пользовались в ирригационном хозяйстве Ирана в XII — XIII вв., а также в XVI в. В исторических источниках Ирана они упоминаются под названием «пингон» или «финджон»[17], т. е. чашка, а отверстие ее — «сурох»[18].

Единственный экземпляр такой чашки «танг» хранится в Ленинграде в фондах Музея этнографии и антропологии АН СССР имени Петра Великого. Это небольшая круглая чашка из красной меди с микроскопическим отверстием в середине дна. Ее диаметр 12,5 *см*, высота 7 *см*, вес 145 *г*, емкость 0,5 *л*, а диаметр водопоглощающего отверстия 1,5 *мм*[19] (рис. 3).

Для определения времени по этой чашке ее клали в распределительный канал и ожидали, когда она наполнится через микроскопическое отверстие. Если чашка начинала тонуть, считалось, что мера полна. Так повторялось до тех пор, пока не отпускалось установленное количество воды.

Один из путешественников, посетивший Марокко и Алжир в начале XIX в., писал об этом способе водораспределения: «На воде плавает железный сосуд, в дне его проделана маленькая дырка, через которую медленно входит вода; уровень ее, наконец, достигает метки, сделанной на внутренней сторо-

---

[15] Г. Дильс. Античная техника, стр. 170—171.

[16] И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М. — Л., 1960, стр. 129.

[17] В словаре Мухаммеда Хусейна «بنگان» Мухаммад Хусейн, برهان قاطع Лакнау, т. I, 1887, стр. 185.

[18] Muhammed Iqbal, The Rahat as-sudur wa ayat as-surur., by Muhammad ibn Ali al-Ravandi, London, 1921, pp. 302, 324 и 496, См. также: И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 130.

[19] Музей этнографии и антропологии АН СССР им. Петра Великого, Отдел Передней и Средней Азии, коллекция С. М. Марр и Ю. Н. Марра, фонд № 3341, инв. № 371.

не сосуда. Тогда сторож громким голосом возвещает, что прошел один водяной час»[20]. Другой путешественник Л. Рютимейер добавляет к этому, что «как только вода, медленно проникающая в чашу снизу и наполняющая ее, достигнет определенной метки, разной для различных участков земли, это возвещается громким криком сторожа. Поливка данного участка сейчас же прекращается. Чаша выливается и погружается опять в источник для нового участка»[21].

По отдельным данным, «танг», т. е. чашка-водоизмеритель, наполнялась в течение 2—3 час.[22] Опустив исфиганский

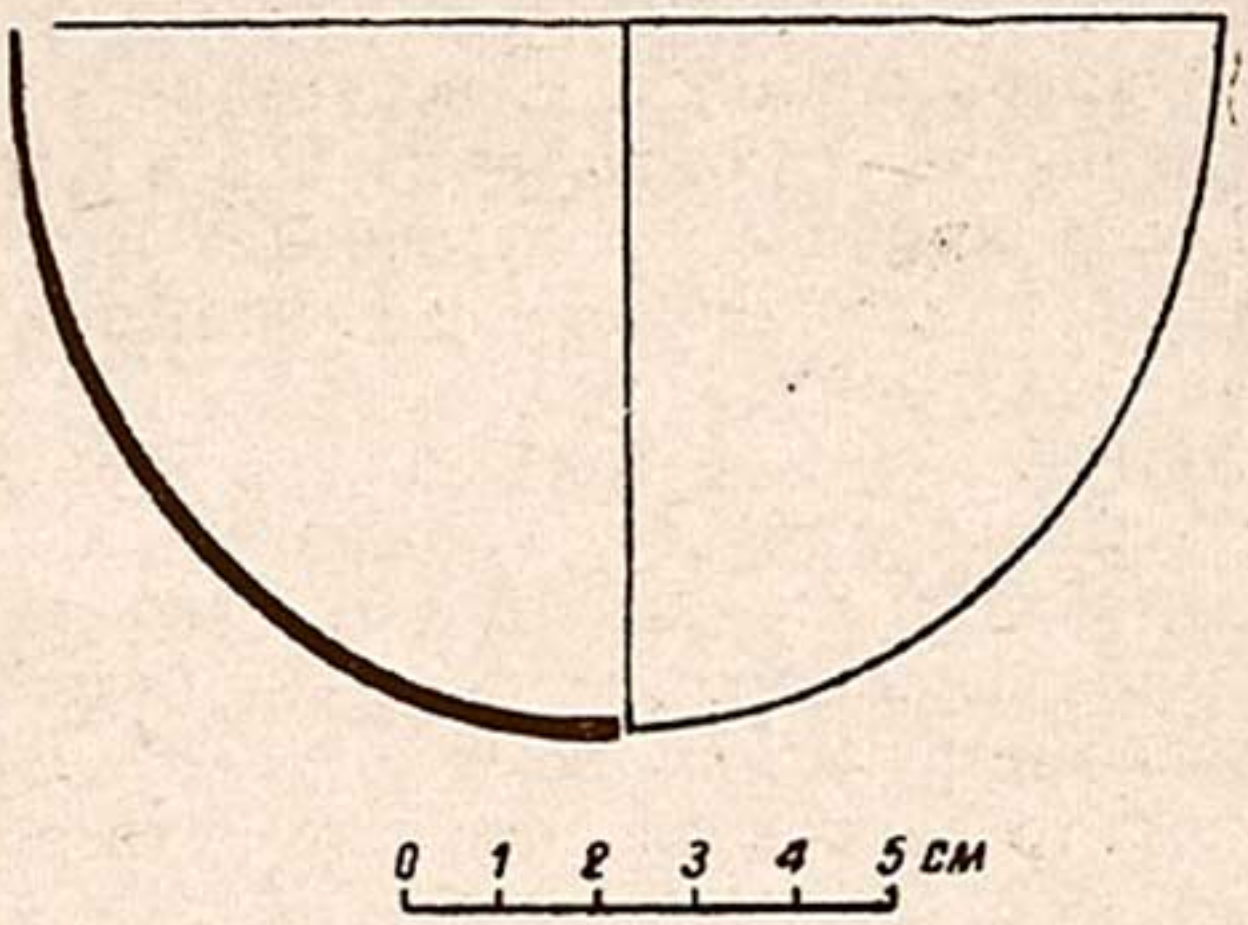

Рис. 3.

«танг»[23] в воду, мы выяснили, что он наполнялся водой за 15 мин.

Таким образом, в ирригационном хозяйстве орошаемого Востока, в том числе Средней Азии, особенно в маловодных районах, до недавнего времени широко практиковалось пользование простейшими клепсидрами: куза, мунди, малек, танг, пингон, или финджон и др., как своего рода водяными часами при измерении количества воды, отпускаемой для орошения земельных участков.

Измерение и отпуск определенного количества воды водопользователям в Средней Азии, как и в других странах орошаемого Востока, осуществлялись представителями водной администрации того или иного административного района.

---

[20] Г. Дильс. Античная техника, стр. 171.
[21] Там же.
[22] И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 129.
[23] Из фондов Музея этнографии и антропологии АН СССР.

В Нуратинском районе представителей ее называли «арбоб»[24], а водные споры разрешались «аксакалами».

В маловодных районах Средней Азии, в частности Нуратинском, широко практиковалась продажа воды по «кузе», т. е. кувшину. По данным автора «Тарих-и Салими», стоимость одной «кузы» воды определялась в 60-е годы XIX в. в 1000—1500 бухарских тенег[25]. По сообщению К. Хидарова, в 20-е годы XX в. стоимость одной «кузы» воды составляла до 60 манов, т. е. 480 пудов зерна[26].

Определение меры воды для орошения при водораспределении с помощью «кузы» с небольшим отверстием у конца или же медной чашки — «танг» или «пингон» с микроскопическим отверстием в середине дна являются одним из древнейших способов водораспределения на Востоке. Самое раннее упоминание о них в трудах средневековых ученых Средней Азии относится к концу X и началу XI вв. Изучение и выявление таких способов водораспределения несомненно имеет важное значение в изучении истории водного хозяйства и ирригационной техники Узбекистана.

---

[24] Тарих-и Салими, Л., 112в.

[25] «نرخ همین کوزه آب از یکهزار پنجصد تنگه تا هزار تنگه باشد» Стоимость (одной) „кузы" воды была от 1500 до 1000 тенег. Тарих-и Салими, Л., 112а.

[26] Из полевых материалов автора, май 1962 г.

В. А. НИЛЬСЕН

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СОГДИЙСКОГО ЗДАНИЯ ОКОЛО КАФЫР-КАЛА ПОД САМАРКАНДОМ[1]

В 1956—1957 гг. около известного в археологической литературе и очень интересного по своей топографии городища Кафыр-кала, лежащего на левом берегу арыка Даргом, проводились раскопки небольшого отдельно стоящего бугра. Археологу Г. В. Шишкиной удалось здесь полностью раскопать очень интересное сырцовое здание[2]. Описанию этого здания, определению его назначения и времени жизни Г. В. Шишкина посвятила статью, опубликованную во втором выпуске сборника «История материальной культуры Узбекистана»[3]. Здание это отличается своей оригинальной планировкой и структурой. Оно построено на пахсовом стилобате и было двухэтажным. От второго этажа сохранились незначительные следы, и представления исследователей о его структуре основаны на статическом осмыслении стен первого этажа, который сохранился очень хорошо (кроме помещений, лежащих по внешним краям здания). Изучение первого этажа дает возможность судить о планировке здания, его композиции, конструктивном осуществлении и назначении.

План здания строго симметричен; в нем четко выделяется центральное ядро, состоящее из десяти помещений с мощными, до 2 *м* толщины, стенами (рис. 1). Все помещения здания вписываются в правильный квадрат со стороной 18,3 *м*. В се-

---

[1] Статья печатается в порядке обсуждения вопроса о функциональном назначении здания у Кафыр-кала, требующего дальнейшего обмена мнениями между специалистами.

[2] Работа велась под руководством кандидата исторических наук О. В. Обельченко.

[3] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 192—222.

редине этого квадрата лежат две крупные прямоугольные комнаты размером 7,5 × 3,0 *м*. Во внешних углах этих комнат находятся дверные арочные проемы, ведущие в угловые квадратные комнаты размером 3,3 × 3,3 *м*, имевшие высоту в два этажа. По осям центральной группы, между угловыми помещениями, находятся продолговатые комнаты; три из них не имеют непосредственного сообщения с другими помещениями, и их входные проемы ведут в узкий коридор, охватывающий по периметру центральную группу. С внешней стороны к коридору примыкают вытянутые в ряд узкие помещения: по три по северо-западному, северо-восточному и юго-восточному фасаду здания.

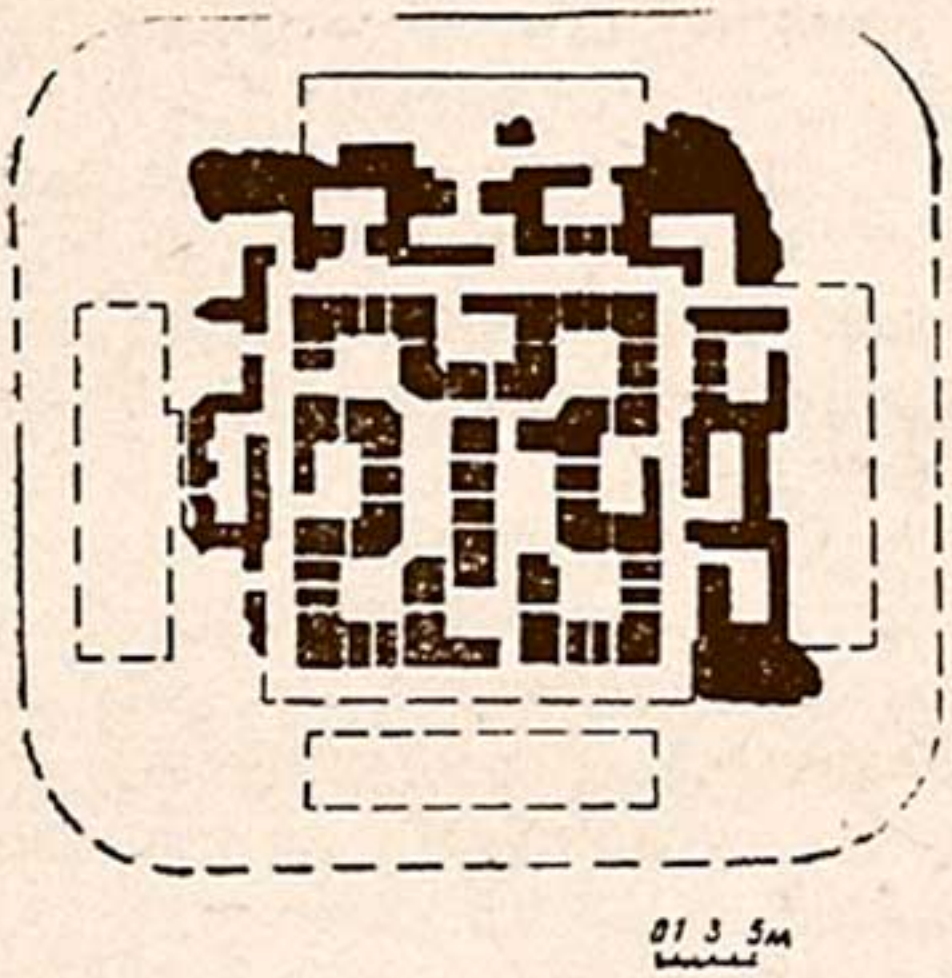

Рис. 1. План раскопанного здания по 1-му этажу (Обмер Г. В. Шишкиной.)

Весьма своеобразной особенностью здания является наличие сквозных узких щелей — продухов, — прорезающих стены центральных помещений. Они находились очень низко над уровнем пола. Высота их колеблется от 0,5 *м* до 1 *м*, а ширина равна 20 *см*. Продухи располагаются в определенном порядке: если в противоположных стенах помещений имеются продухи, то они лежат на одной прямой линии. Это приводит к тому, что продухи как бы насквозь пронизывают во взаимно-перпендикулярных направлениях все внутренние помещения. Продухов очень много; только в центральной части здания их насчитывается 46. Они связывали внутренние помещения между собой и коридором, ликвидируя изолированность отдельных помещений.

Во внешних стенах здания имеется только одна щель; возможно, их здесь было больше, но во время археологических

раскопок этого не удалось обнаружить, так как остатки наружных стен были весьма незначительны.

Г. В. Шишкина, исходя из толщины стен первого этажа, высказала убедительное предположение, что второй этаж возвышался только над помещениями центральной группы. На основе этого предположения структура второго этажа представляется в следующем виде: в центре находились два продолговатых, прилегавших друг к другу помещения, а к их углам примыкали четыре небольшие квадратные комнаты высотой на оба этажа. Между этими квадратными помещениями, очевидно, находились открытые террасы — айваны, — выходившие на плоскую крышу над коридором и примыкавшими к нему с внешней стороны помещениями первого этажа. Перекрытие над помещениями было в виде сырцовых сводов.

Можно представить себе внешний облик здания, условно воссоздав его (рис. 2). Это было двухэтажное строение, приподнятое на искусственной глинобитной платформе, причем, внешние наклонные поверхности платформы сливались с угловыми конторфорсными массивами, примыкавшими к помещениям первого этажа.

Для первого этажа характерны глубокие ниши с довольно широкими горизонтальными площадками, куда вели, видимо, сырцовые пандусы. Второй этаж, возвышавшийся в центре здания, как и первый, был симметричен, и его одинаковые фасады образовывались угловыми помещениями и глубокими террасами посредине.

На основе анализа строительного материала и археологических находок здание датируется V—VII вв.

Каково же было назначение этого здания?

Г. В. Шишкина утверждает, что здание «принадлежало довольно крупному землевладельцу и являлось центральным домом усадьбы, вокруг которого должны были быть расположены подсобные постройки». Но, как замечает автор, «вряд ли можно ожидать хотя бы незначительную их сохранность, так как местность изрезана оврагами в результате большой разрушительной роли дождевых вод»[4].

В середине здания предполагались жилые помещения, а вдоль фасадов — хозяйственные. Продухи же служили якобы для отопления, и по ним поступал нагретый воздух из специальных отопительных камер.

Мысль автора о назначении здания мы считаем ошибочной. Просматривая планы всех раскопанных в Средней Азии жилых домов предарабского времени как в древних городах, при-

---

[4] Г. В. Шишкина. Указ. статья, стр. 220—221.

городах, так и в сельской местности, можно заметить, что в основу их планировки положена функциональная целесообразность. В большинстве известных нам памятников, особенно если их можно считать ранее принадлежавшими довольно крупным землевладельцам (в Пянджикенте, на хорезмийской Тешик-кала, тохаристанских Балалыктепа и Джумалактепа), мы видим четкое выделение в плане и в композиции помещений различного назначения — парадных, хозяйственных, складских, жилых и т. д. Причем каждое из этих помещений имеет необходимые и характерные элементы оборудования: сырцовые лежанки (суфы), закрома для хранения зерна,

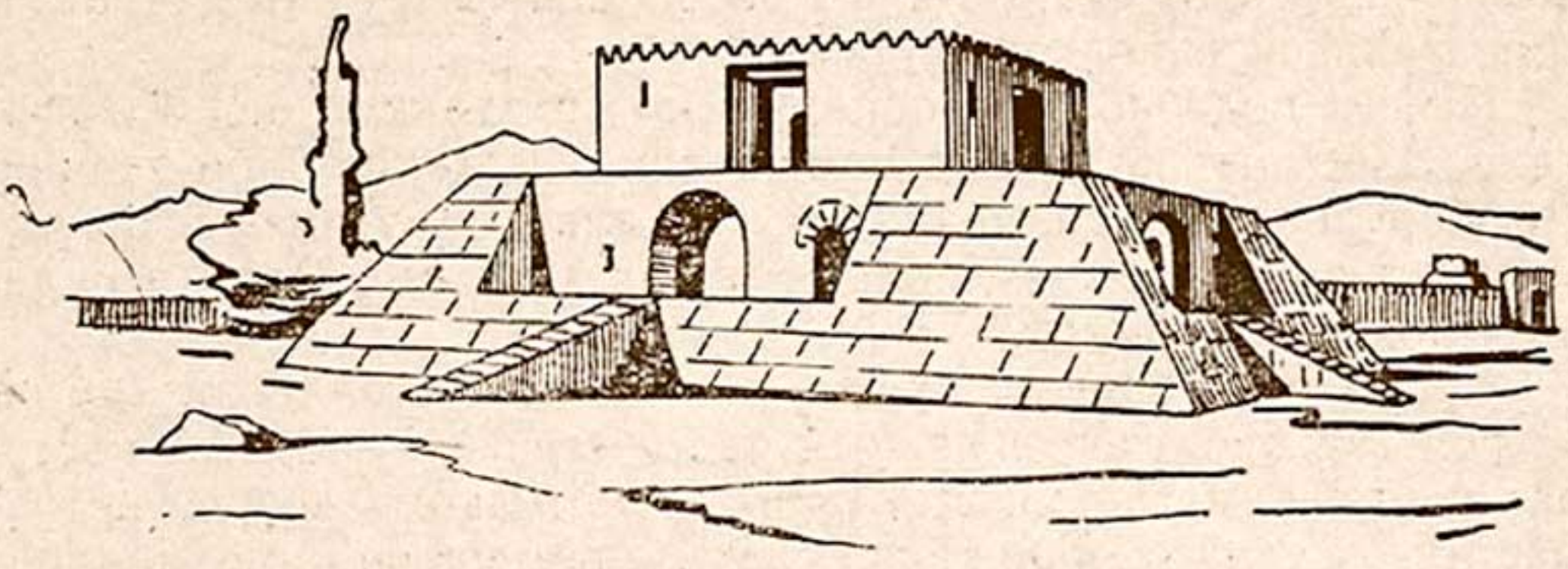

Рис. 2. Схематическая реконструкция общего вида здания.

приспособления для изготовления вина и др. Так, на хорезмийской Тешик-кала четко определяются входной тамбур или прихожая, комната для слуг или привратника, парадное помещение для гостей, вестибюль, спальная комната владельцев замка, комнаты для хранения топлива, съестных припасов и пр.[5] На северо-тохаристанских Джумалактепа и Балалыктепа очень ясно выделяются группы парадных помещений с большим прямоугольным залом, оборудованным суфами, примыкающими к залу под углом кулуарами, в свою очередь связанными лестничными переходами с возвышающимися над остальными помещениями, сверху открытыми летними комнатами. Кроме этого, на Джумалактепа имеются специально оборудованные складские помещения и такие же, как на Балалыктепа, помещения второстепенного порядка — для слуг и хозяйственных нужд.

Планировка большинства жилых домов асимметрична, и в основу ее положен только принцип наиболее удобной связи между помещениями различного назначения. Несколько особ-

---

[5] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 140—141.

няком среди сельских усадеб V—VII вв. стоит Аултепа в долине Кашкадарьи[6] с симметричной планировкой сохранившихся помещений, на формальное сходство с которой ссылается Г. В. Шишкина. Но от здания Аултепа сохранились только части нижнего этажа, где располагались, очевидно, второстепенные помещения, а основные жилые комнаты были на несохранившемся втором этаже. Поэтому Аултепа не может служить основанием для сравнений и определения назначения кафыркалинской постройки.

Сельские жилые сооружения того времени представляли собой небольшие, но сильно укрепленные крепости. Крепостному характеру здания подчинялись и конструкции дома и его композиция. Обычно дома имели толстые наружные стены и минимальное количество проемов.

Ничего подобного не обнаружено в здании под Кафыркала. Здесь нет ни одного помещения, где какие-либо элементы оборудования указывали бы на жилье. Об этом же говорят малые размеры комнат, положение их в плане здания и наличие проходных комнат.

Кроме того, предположение о системе отопления путем устройства продухов в нижней части стен, по которым поступал в здание нагретый воздух из отопительных камер, несовместимо с тем, что при такой системе помещения наполнялись бы в определенные моменты дымом и гарью; не помогли бы никакие заслонки, и пребывание в здании людей было бы немыслимым.

Во всех известных древних жилых зданиях Средней Азии, как правило, устраивались открытые очаги для хозяйственных помещений или специальные площадки и врезанные в стены ниши типа каминов, где находились горячие угли. Для этой цели применялись и переносные жаровни. Отопление жилых домов горячим углем, очевидно, было в Средней Азии традиционным в течение многих веков и дошло до недавних дней в виде так называемых «сандалов». Остатки комнатных очагов и переносных жаровен были найдены и при раскопках кафыркалинского здания.

Продухи, которые пронизывают внутри все здание и выходят в четыре угловых двухэтажных узких помещения, по существу представляющие собой вытяжные шахты, создают сильные сквозняки. Они имели совершенно иной характер, чем узкие щели во внешних стенах раннесредневековых уса-

---

[6] С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарьи, СА, №3, 1958, стр. 146—147.

деб, служившие единственным средством естественного освещения и вентиляции жилых комнат. Не может быть и никаких сравнений (с целью определения назначения кафыркалинского здания) с существующими ныне в сельских поселениях небольшими однокомнатными кубическими постройками, имеющими стены с многочисленными щелями. Они располагаются обычно вблизи жилых строений и служат для сушки кишмишных сортов винограда, а иногда в летнюю жару — для полуденного отдыха.

Все эти моменты исключают возможность отождествления кафыркалинского здания с жилой раннесредневековой усадьбой, хотя там при раскопках и было найдено значительное количество бытовых предметов. Рисунок плана здания с его строгой центричностью и симметрией в расположении отдельных помещений, наличие чрезмерно толстых для этой эпохи внутренних стен и в то же время отсутствие крепостного характера и изолированности отдельных помещений — все это скорее указывает на общественное, культовое назначение здания.

Для более точного определения назначения здания надо внимательно отнестись к находкам многочисленных фрагментов оссуариев и человеческих костей, которые встречались при раскопках центральной части здания.

Г. В. Шишкина считает, что появление оссуариев и костей произошло после того, как здание как жилое было заброшено и превращено в наус. Однако если учесть, что здание никогда не было жилым, так как оно не отвечало функциям жилого дома, то и на присутствие среди находок оссуариев и костей надо смотреть иначе.

Вполне вероятно предположение, что здание представляло собой специальное культовое сооружение, известное в литературе под названием «дахма». Оно предназначалось для пребывания в нем умерших на срок, который требовался зороастрийским ритуалом и для очищения костей от легко разлагающихся мягких покровов.

До недавнего времени на территории Средней Азии «дахма» как специальное архитектурное сооружение не была известна. Исследователи в большинстве случаев «дахмой» считали естественные возвышенности, на которые складывали трупы для растерзания их дикими хищными птицами или собаками. Очевидно, такого рода «дахмой» и была окруженная стеной вершина бугра Чильпык в Хорезме[7]. Но в 1950—

---

[7] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 71—72.

1953 гг. в том же Хорезме исследована «дахма» как особое сооружение. Это были две открытые сверху цистерны диаметром 2,2 и 4 *м* со стенами из обожженной глины. В малой цистерне в 1950 г. найдены восемь человеческих костяков, уложенных примерно по радиусу цистерны. Видимо, эти костяки остались от трупов, предназначенных для очистки их хищными птицами[8]. На дне цистерн были крупные отверстия, которые вели в каналы, выходящие в общую камеру. По своей структуре эти сооружения очень похожи на обжигательные гончарные печи, в них также имелись внизу отопительные камеры. Однако это не были обычные гончарные печи, случайно использованные по новому назначению. После их тщательного изучения С. П. Толстов пришел к выводу, что они «с самого начала предназначались для тех целей, для которых они и были использованы в последний момент своего функционирования»[9].

Археологи, занимающиеся исследованием зороастрийских погребений Хорезма, подчеркивают наличие в них костей, обгрызанных птицами и собаками[10]. Но для Согда этот момент почти неизвестен. Очевидно, здесь очищение костей умерших совершалось иным путем.

По сведениям Табари и Наршахи, в 739 г. тело убитого бухар-худата Тахшады было очищено людьми. Правда, К. А. Иностранцев в своей интересной статье о доисламских погребальных обычаях и постройках склонен рассматривать этот факт как частный случай[11]; но недавние исследования пянджикентского зороастрийского некрополя дали Б. Я. Ставискому возможность высказать предположение о значительно более широком распространении этого приема[12].

Последнее и натолкнуло нас на мысль, что и кафыркалинское здание, совершенно неприспособленное для жилья, представляло собой «дахму», где очищение костей умерших произ-

---

[8] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, 1950, СА, XVIII, М., 1953, стр. 316—317.

[9] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т.II, М., 1958, стр. 165.

[10] См., например: Я. Г. Гулямов. Кладбище Кулпи-сар, История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, стр. 96.

[11] К. А. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, Журнал Министерства народного просвещения, новая серия, ч. XX, 3, СПб., 1909, стр. 115.

[12] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь, МИА СССР, № 37, Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II, М. — Л., 1953, стр. 86.

водилось людьми или, скорее всего, естественным путем — истлеванием[13]. В таком случае все ритуальные процедуры протекали в центральной части здания. Тогда вполне уместными являются продухи и двухэтажные вытяжные шахты, создающие сильную тягу воздуха и хорошо проветривающие помещения от запаха разлагающихся трупов. Для этих же целей служила подача в центральную часть здания подогретого воздуха и дыма из отопительных камер. В этом же здании очищенные кости укладывали в керамические ящики — оссуарии, — которые затем переносили в семейные костехранилища — наусы[14], — часть оссуариев хранилась здесь же, на втором этаже.

О существовании «дахма» как специального архитектурного сооружения имеются косвенные сведения у Махмуда Исфаганского, указывавшего, что персы хоронили своих покойников в наусах и «дахмах»[15]. Не исключена возможность, что в некоторых помещениях, расположенных по внешнему периметру здания, проживали люди, совершавшие все погребальные обряды и считавшиеся нечистыми. Этим отвергнутым обществом людям и принадлежали предметы домашнего обихода, найденные при раскопках.

Безусловно, кафыркалинская постройка отличается от «дахмы» Хорезма временем возведения и бóльшей сложностью в планировке и композиции, но их объединяет наличие специальных каналов, служащих для подачи к месту расположения трупов дыма и горячего воздуха.

Косвенным подтверждением нашего мнения о культовом назначении здания близ Кафыр-кала являются найденные при раскопках культовые светильники и железный ключ. Ключ, помимо своего утилитарного назначения, имел, видимо, в религиозной обрядности и символическое значение. Об этом свидетельствует изображение на известном биянайманском оссуарии жрицы, держащей в руках аналогичный ключ. Мы думаем также, что несмотря на все перестройки и ремонты, впоследствии несколько изменившие внутреннюю структуру кафыркалинского здания, оно не меняло своих культовых функций вплоть до принятия ислама, когда было окончательно заброшено.

---

[13] В 1963 г. Т. Агзамходжаев в горном селении Пангаз обнаружил надземные постройки, куда помещают покойников. Этот обряд, несовместимый с мусульманским погребальным ритуалом, связывается им с пережитками зороастризма. См. статью Т. Агзамходжаева в этом сборнике.

[14] Наусы, находящиеся за стенами Кафыр-кала и недалеко от описываемого здания, в 1938 г. вскрывал археолог И. А. Сухарев.

[15] К. А. Иностранцев. Указ. соч., стр. 117.

В. Я. ЗЕЗЕНКОВА

ЧЕРЕПА С ГОРОДИЩА КАФЫР-КАЛА ПОД САМАРКАНДОМ

При раскопках тепа, расположенного примерно в 170 *м* к юго-востоку от раннесредневекового городища Кафыр-кала, Г. В. Шишкина обнаружила в комнатах № 1, № 3, № 6, № 9 центральной части дома фрагменты оссуариев, остеологический материал и бытовую керамику. Наибольшее количество оссуариев и фрагментов костей человека извлечено из комнаты № 6.

Основываясь на археологическом материале, Г. В. Шишкина[1] отмечает три периода в существовании раскопанного здания, охватывающие V—VI вв. Обнаруженный краниологический материал, который описывается в данной статье, датируется ею VI в. Из 14 найденных черепов только десять включены в таблицу, остальные из-за большой фрагментарности не вошли в нее, но там, где это возможно, дано их описание в тексте.

Для получения полной антропологической характеристики и учета индивидуальной специфики приведено описание каждого черепа отдельно, а подробные измерительные данные внесены в табл. 1.

Череп № 1 (из помещения № 1, ярус VIII) представлен черепной крышкой и неполной лицевой частью. Череп, принадлежавший, по-видимому, мужчине возмужало-зрелого возраста, небольшой, европеоидного типа, брахикранный по черепному указателю (86, 71), при малом продольном диаметре и большом поперечном. Черепная крышка высокая по величине высотного диаметра и высотно-продольному указателю, по которому отмечается гипсикрания, но в отношении

[1] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом, История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, Ташкент, 1961.

высоты к поперечному диаметру констатируется средняя ширина и высота, т. е. метриокранность. Затылок округлый, средней ширины, лоб прямой и широкий, со среднеразвитым надбровьем и надпереносьем (3). Поперечный краниофациальный указатель говорит о мезопрозопии. Горизонтальный профиль лица, по впечатлению, сужен к переду. Несмотря на то, что не было возможности получить назомалярный и зигомаксиллярные углы, можно с уверенностью считать наличие сильной профилировки лица. Клыковые ямки очень глубокие (4 степень по визуальному определению, а измерение, сделанное на одной ямке, равно 7,4 *мм*). Выступание скул среднее со средней величиной скулового диаметра (134 *мм*). Носовой шип сломан, носовые кости сохранились неполностью, что затрудняет определение выступания носа, который, видимо, занимал промежуточное положение между средне- и сильновыступающим. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбиты по абсолютной величине и по орбитному указателю низкие (хамеконхия).

Таким образом, строение носовой части и выступание носа, профилировка лица в совокупности с глубиной клыковых ямок, строение средней части лица говорят о принадлежности данного черепа к европеоиду.

Череп № 2 (из помещения № 3, ярус VII) принадлежал мужчине зрелого возраста, европеоидного типа, но в отличие от предыдущего по черепному указателю относится к мезокранному (77, 84) с большим продольным диаметром и средним поперечным. Высота черепа средняя с тенденцией к большой. Высотно-продольный указатель ортокранный, а высотно-поперечный метриокранный, говорящий о средних высоте и ширине. Черепная крышка пентагонойдной формы, на которой отмечается наличие асимметрии. По впечатлению, лоб среднеклонный со среднеразвитыми надбровными дугами и несильно развитым надпереносьем (2—3). Затылок округлой формы. Лицо узкое, длинное — метопрозопное по поперечному краниофациальному указателю. Ортогнатный лицевой отдел невысокий, средней ширины и по высотным диаметрам, и по верхне-лицевому указателю сильно разрушен, что не дало возможности произвести всех необходимых измерений. Лицо, по визуальному наблюдению, хорошо профилированное с суженным горизонтальным профилем, глубокими клыковыми ямками (3—4 степени, а измерение одной равно 6,2 *мм*). Скуловая ширина средняя (132 *мм*), измеренная по одной половине, со слабовыступающими скулами. Мезоринный нос средневыступающий, со средневысоким переносьем. Дакриальная

Индивидуальные измерения черепов

Признак	1	2	8	11	12
	пол мужской				
	возмужалый	зрелый	возмужалый	возмужалый	зрелый
1. Продольный диаметр	175	185	—	184?	190
8. Поперечный диаметр	150	144	—	139	156
8 : 1. Черепной указатель	86,71	77,84	—	75,54	82,11
17. Высотный диаметр	138,5	136	—	—	145
17 : 1. Высотно-продольный указатель	79,14	73,51	—	—	76,32
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	92,33	94,44	—	—	92,95
5. Длина основания черепа	102	99	—	—	114
20. Высота порион — брегма	120?	119?	—	116	—
9. Наименьшая ширина лба	99	—	—	95	—
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	66,0	—	—	68,35	—
10. Наибольшая ширина лба	125	—	—	122	—
11. Ушная ширина	128	—	—	118	—
12. Ширина затылка	110	—	—	115	—
45. Скуловой диаметр	134	132	—	126	136
9 : 45 Лобно-скуловой указатель	73,88	—	—	75,40	—
45 : 8. Поперечный краниофациальный указатель	89,33	91,67	—	90,65	87,18
40. Длина основания лица	—	91	—	—	107?
40 : 5. Указатель выступания лица	—	91,92	—	—	93,86
48. Верхняя высота лица	—	66?	—	—	75?
48 : 45. Верхнелицевой указатель	—	50,0	—	—	55,15
43. Верхняя ширина лица	—	—	—	105	—
46. Средняя ширина лица	—	—	—	—	—
Глубина клыковых ямок, *мм*	7,4	6,2	—	5,0	6,7
Зиго-максиллярная хорда, *мм*	—	—	—	—	—
Высота субспинале над з/м хордой	—	—	—	—	—
Зигомаксиллярный указатель	—	—	—	—	—
Зигомаксиллярный угол	—	—	—	—	—
Биорбитальная хорда	—	—	—	97,55	—
Высота назиона над б/о хордой	—	—	—	18,2	—
Назомалярный указатель	—	—	—	18,66	—

Таблица 1

с Кафыр-кала и средние данные

13	5	7	9	М	Средние		4
пол женский							
возмужалый	возмужалый	возмужалый	возмужалый		М и Ж	Ж	детский
183	171	—	173	183,4 (5)	180,14 (7)	172 (2)	167
139	143	—	137	145,6 (5)	144 (7)	140 (2)	132
75,96	83,63	—	79,19	79,63 (5)	80,14 (7)	81,41 (2)	79,04
—	131	—	132	139,8 (3)	136,5 (5)	131,5 (2)	128
—	76,61	—	76,30	76,32 (3)	76,38 (5)	76,45 (2)	76,65
—	91,61	—	96,35	93,24 (3)	93,34 (5)	93,48 (2)	96,97
—	96	—	98	105 (3)	101,8 (5)	97 (2)	93?
—	114	—	110	118,3 (3)	115,8 (5)	112 (2)	—
96	97	—	88	96,66 (3)	95, (5)	92,5 (2)	88
69,06	67,83	—	64,23	67,80 (3)	67,09 (5)	66,03 (2)	66,67
—	—	—	116	123,5 (2)	121 (3)	116 (1)	112
—	125	—	118	123 (2)	122,25 (4)	121,5 (2)	—
—	115	—	105	114,5 (2)	111,25 (4)	110 (2)	95
—	134	136?	124	132 (4)	131,71 (7)	131,33 (2)	—
—	72,39	—	70,97	74,64 (2)	73,16 (4)	71,68 (2)	—
—	93,71	—	90,51	89,71 (4)	90,51 (6)	92,11 (2)	—
—	—	—	100	99 (2)	99,33 (3)	100 (1)	—
—	—	—	102,4	92,89 (2)	95,94 (3)	102,04 (1)	—
—	—	65?	71	70,5 (2)	69,25 (4)	68 (2)	—
—	—	47,79	57,26	52,57 (2)	52,55 (4)	52,52 (2)	—
—	105	—	99	105 (1)	103 (3)	102 (2)	92
—	—	—	88	—	88 (1)	88 (1)	—
—	—	6,4	5,6—5,6	6,33 (4)	6,13 (7)	5,87 (3)	—
—	—	—	86,25	—	86,25 (1)	86,25 (1)	—
—	—	—	21,9	—	21,9 (1)	21,9 (1)	—
—	—	—	25,39	—	25,39 (1)	25,39 (1)	—
—	—	—	126,1	—	126,1 (1)	126,1 (1)	—
—	96,10	—	90,0	97,55 (1)	94,55 (3)	93,05 (2)	—
—	19,4	—	15,7	18,2 (1)	17,77 (3)	17,55 (2)	—
—	20,19	—	17,44	18,66 (1)	18,76 (3)	18,81 (2)	—

Признак	1	2	8	11	12
	пол мужской				
	возмужалый	зрелый	возмужалый	возмужалый	зрелый
Назомалярный угол	—	—	—	139,0	—
62. Длина нёба	—	—	—	—	54
63. Ширина нёба	—	—	—	—	45
63 : 62. Нёбный указатель	—	—	—	—	83,33
55. Высота носа	51	50	—	—	52
54. Ширина носа	—	25	—	—	27
54 : 55. Носовой указатель	—	50,0	—	—	51,92
Дакриальная хорда	—	20,80	19,75	21,0	23,0
Дакриальная высота	—	10,6	12,0	13,3	12,1
Дакриальный указатель	—	50,96	60,75	63,33	52,60
Симотическая хорда	—	—	10,20	9,20	10,75
Симотическая высота	—	—	4,3	6,6	7,1
Симотический указатель	—	—	42,15	71,73	66,04
51. Ширина орбиты	41,5	42	—	41	43
51а. Ширина орбиты от	37	39	—	40	41
52. Высота орбиты	30	34	—	32	31,5
52 : 51. Орбитный указатель I	72,28	80,95	—	78,05	73,26
52:51а. Орбитный указатель II	81,08	87,18	—	80,00	76,83
50. Межглазничная ширина	—	19,5	18,10	20,25	21,40
Межглазничная высота	—	8,6	8,9	9,1	10,4

высота (10,6 *мм*) и дакриальный указатель (50, 96) подтверждают среднюю высоту переносья. Передняя носовая ость имеет среднее развитие (3). Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы, орбиты средней высоты.

Череп № 3 (из помещения № 9, ярус I) представлен только лобной костью со среднеразвитыми надбровными дугами, среднеразвитым надпереносьем (3) и фрагментами верхней части носовых костей. Строение верхней части носового отдела дает основание предполагать европеоидность данного черепа. Из-за фрагментарности черепа нельзя точно определить тип.

Череп № 8 (из помещения 6, ярус VI), плохой сохранности, представлен фрагментами черепной крышки и фрагментарным

Продолжение табл. 1

13	5	7	9	М	Средние		4
пол женский							
возмужалый	возмужалый	возмужалый	возмужалый		М и Ж	Ж	детский
—	136,0	—	141,6	139,0 (1)	138,87 (3)	138,8 (2)	—
—	—	43	52	54 (1)	49,67 (3)	47,5 (2)	—
—	—	—	39	45 (1)	42 (2)	39 (1)	—
—	—	—	75,0	83,33 (1)	79,16 (2)	75,0 (1)	—
—	—	49	48	51 (3)	50,0 (5)	48,5 (2)	—
—	—	—	24	26 (2)	25,33 (3)	24 (1)	—
—	—	—	50,0	50,96 (2)	50,64 (3)	50,0 (1)	—
—	19,15	19,30	18,75	21,17 (4)	20,25 (7)	19,07 (3)	—
—	13,7	11,7	11,6	12,6 (4)	12,4 (7)	12,33 (3)	—
—	71.54	60,62	61,86	56,91 (4)	60,25 (7)	64,73 (3)	—
—	9,25	9,55	10,40	10,15 (3)	9,89 (6)	9,73 (3)	—
—	4,2	3,3?	4,4	6,0 (3)	4,98 (6)	3,97 (3)	—
—	45,40	34,55	42,30	59,97 (3)	50,36 (6)	40,75 (3)	—
—	42	42	37	40,75 (4)	41,21 (7)	40,33 (3)	—
—	40	40	35,5	39,25 (4)	38,93 (7)	38,53 (3)	—
—	35	32,5	32	31,87 (4)	32,43 (7)	33,17 (3)	—
—	83,33	77,38	86,49	76,13 (4)	78,82 (7)	82,4 (3)	—
—	87,50	81,25	90,14	81,27 (4)	83,42 (7	86,30 (3)	—
—	19,05	18,0	18,55	19,81 (4)	19,26 (7)	18,53 (3)	—
—	7,4	7,1	8,9	9,25 (4)	8,63 (7)	7,8 (3)	—

верхним отделом лицевого скелета, европеоидного типа. Определение антропологического типа основано большей частью на описательных признаках, так как измерения произвести можно только на сохранившемся носовом отделе. Нос характеризуется глубоким и высоким переносьем. О большой высоте переносья говорят дакриальная высота (12 *мм*), большой дакриальный указатель (60, 75), симотическая высота (4,3 *мм*) и средний симотический указатель (42,15).

Череп № 6 (из помещения № 6, ярус VI) представлен фрагментами черепной крышки. Сохранились часть лобной и теменные кости. Поперечный диаметр 142 *мм,* других измерений произвести нельзя. По строению теменных костей и обще-

му впечатлению можно высказать предположение о длинноголовости данного черепа.

Череп № 11 (из помещения № 6, ярус VI), принадлежавший мужчине возмужалого возраста, европеоидного типа, долихокранный, с указателем черепа 75, 54, при средних продольном и поперечном диаметрах. Высота черепа средняя. Лоб средней ширины по метриометопному лобно-поперечному указателю со средней величиной наименьшего лобного диаметра и большой величиной диаметра наибольшей ширины лба. Черепная коробка эллипсоидной формы. Затылок широкий, округлый. Надбровье и надпереносье (3) имеют среднее развитие. Лицевой скелет узкий, длинный, метопрозопный по поперечному краниофациальному указателю, с малым скуловым диаметром (126 *мм*) и со средней профилировкой лица. Небольшой назомалярный угол (139,0) говорит о хорошей профилировке верхнего отдела лица. Клыковые ямки глубокие (измерить можно только одну клыковую ямку, равную 4 *мм*). Носовой отдел сохранился неполностью, а, по впечатлению, нос выступал средне или сильно. Глубина переносья средняя, а высота большая, что подтверждается и измерительными данными. Так, дакриальная высота равна 13,3 *мм*, а дакриальный указатель — 63,33; симотическая высота — 6,6 *мм* и соответственно очень большой симотический указатель — 71,73. Глазницы невысокие. Эта характеристика, безусловно, подчеркивает европеоидность типа описанного черепа.

Череп № 12 (из помещения № 6, ярус VI) принадлежал мужчине зрелого возраста, европеоидного типа, брахикранный с указателем 82,11, при очень большом продольном и поперечном диаметрах. Череп очень высокий и по высотным диаметрам, и по гипсикранному высотно-продольному указателю. Высотно-поперечный указатель говорит о метриокранности. Черепная крышка с угловатым затылком, прямым лбом, на котором сильно выражены надбровные дуги (3) и надпереносье (4). Лицо высокое со средним скуловым диаметром и слабым выступанием, по верхне-лицевому указателю узкое, по указателю выступания лицо ортогнатное, по отношению к поперечному диаметру черепа лицевой отдел мезопрозопный. В горизонтально-поперечном профиле лицо сужено к переду и сильно профилировано. Клыковые ямки очень глубокие (одна из них равна 6,7*мм*). Нос платиринный, сильновыступающий, с очень высоким переносьем. Измерительные данные подтверждают визуальное наблюдение. Дакриальная высота 12,1 с указателем 52,6 и большая симотическая высота

7,1 *мм* с симотическим указателем 66,04. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы, глазницы низкие.

Череп № 13 (из помещения № 6, ярус VI) принадлежал мужчине возмужалого возраста. Череп плохой сохранности: наличествует только черепная крышка долихо-мезокранная, по черепному указателю 75,96, при средних продольном и поперечном диаметрах. Лоб средней ширины. Отсутствие лицевого скелета не позволяет сделать определение антропологического типа.

Череп № 5 (из помещения № 6, ярус VI) определен как женский, возмужалого возраста, европеоидного типа, брахикранный по головному указателю (83, 63). Черепная коробка высокая, по высотным диаметрам и гипсикранному высотно-продольному указателю сфероидной формы, с округлым, очень широким затылком, прямым широким лбом, надбровьем слабой выраженности (1) и среднеразвитым надпереносьем (3). Лобно-поперечный указатель дает основание отнести череп к метриометопам. Лицевой отдел сохранился неполностью, что не представляет возможности дать всех требующихся для характеристики измерений. Лицевой отдел длинный и узкий по поперечному краниофациальному указателю, с большой верхней шириной лица, очень большим скуловым диаметром (134 *мм*) и средним выступанием скул. Горизонтальная профилировка лица, по-видимому, средняя в зигомаксиллярном отделе и сильная в верхнем отделе со сравнительно малой величиной назомалярного угла (136,0). Строение носовой области свидетельствует о большом выступании носа с высоким и средне-глубоким переносьем, при большой дакриальной высоте (13,7 *мм*) и очень большом дакриальном указателе (71,54). Также большие симотическая высота (4,2 *мм*) и симотический указатель (45,40). Глазницы по орбитному указателю средневысокие при большой абсолютной высоте орбит.

Череп № 9 (из помещения № 6, ярус VI) принадлежал женщине возмужалого возраста, антропологический тип европеоидный, мезокранный по головному указателю 79, 19, при средних величинах продольного и поперечного диаметров. Лицевой отдел метопрозопный по поперечному краниофациальному указателю и по верхнелицевому указателю, лицевая часть черепа узкая. Отмечается мезогнатность по указателю выступания лица. Верхняя ширина лица и скуловой диаметр средние, выступание скул слабое, а ширина лица в средней части малая. Лицо высокое, по визуальному определению сильно профилированное и сужено по направлению к переду. Зигомаксиллярный угол (126,1) и глубокие клыковые ямки (5,6—5,6 *мм*) подтверждают сильную профилированность

средней части лица, но величина назомалярного угла (141,6) указывает на некоторую уплощенность верхнего лицевого отдела. Выступание носа и глубина переносья средние. По измерительным данным и по общему впечатлению, переносье высокое. Большой дакриальный указатель (61, 86) при большой дакриальной высоте (11,6) и симотический указатель (42,30) при очень большой высоте (4.4 *мм*) свидетельствуют о высоком переносье. Передняя носовая ость имеет среднее развитие (3). Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбитный указатель гипсиконхный, но при средней абсолютной величине высоты орбиты.

Череп № 7 (из помещения № 6, ярус VI) принадлежал женщине возмужалого возраста. Череп плохой сохранности и представлен неполной лицевой частью. Антропологический тип европеоидный. Лицевой отдел по верхнелицевому указателю широкий с очень большим скуловым диаметром и средним выступанием скул. Лицо средней высоты с глубокими клыковыми ямками. Выступание носа и его высота средние. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. По впечатлению, переносье средней глубины и высоты, но измерения свидетельствуют о большой дакриальной высоте (11,7 *мм*) и большом дакриальном указателе (60,62) при средней симотической высоте (3,3 *мм*) и среднем симотическом указателе (34.55). Орбитные указатели характеризуют глазницы как средневысокие с тенденцией к низким при средней высоте глазницы.

Череп № 4 (из помещения № 9, ярус III) детский, мезокранный, по черепному указателю 79,04, при продольном диаметре 167 *мм* и поперечном 132 *мм*. Все остальные возможные измерения приведены в таблице № 1. Сохранилась только черепная крышка и фрагментарные носовые кости. Нос, по-видимому, был средне- или сильновыступающим. Судя по фрагментам носовых костей, череп, возможно, европеоидный. Лоб прямой со слабо развитыми надбровными дугами, затылок округлый.

Череп из помещения № 3, ярус VII, отнесен к детскому. Сохранилась левая часть черепной крышки. По впечатлению и строению теменной кости, череп, по-видимому, был длинноголовым.

В целом исследованные черепа по средним величинам характеризуются как мезобрахикранные, европеоидные. В женской группе черепной указатель несколько больше, чем в мужской, при среднем продольном и большом поперечном диаметрах. Черепа высокие, абсолютная величина средней высотного диаметра на женских черепах несколько меньше, но аналогич-

но мужским лежит в пределах большой высоты. Большая высота подтверждается и высотнопродольным указателем, по которому и мужские и женские черепа гипсикранные. По высотно-поперечному указателю исследованные черепа относятся к метриокранным. Ушной диаметр, наименьший лобный диаметр и лобно-поперечный указатель имеют средние величины. Длина основания черепа на мужских большая, на женских средняя. Лицевой отдел по верхнелицевому указателю характеризуется как средний, стоящий на границе узко-длинных форм по поперечному краниофациальному указателю, при средних высоте, ширине лица и скуловом диаметре. Длина основания лица на мужских черепах средняя, на женских большая. Лицо в целом ортогнатное, сильно профилированное, с глубокими клыковыми ямками, мезоринным носом, высоким переносьем, низкими и средними глазницами. Дакриальный указатель и дакриальная высота в мужской группе большая, в женской очень большая. Симотическая высота и указатель большие, последний очень большой на мужских черепах. Высота орбиты низкая, орбитный указатель I средний во всех группах, а орбитный указатель II на мужских черепах показывает низкие глазницы, на женских — средние.

Таким образом, все перечисленные диагностические признаки мужских и женских черепов полностью свидетельствуют об европеоидном типе. На женских черепах абсолютные размеры некоторых признаков значительно меньше, чем на мужских, но указатели в большинстве случаев очень близки.

Индивидуальная и общая характеристика черепов дает основание отметить наличие по некоторым показателям промежуточного типа между закаспийским и типом среднеазиатского междуречья. В качестве материала, подтверждающего это, приводится сравнительная табл. 2, где исследованные черепа сравниваются, с одной стороны, со средиземноморским типом, отмеченным на близких к ним по времени черепах IV—VI вв. из Байрамали и черепах XIX в. из Мервского оазиса, с другой стороны, с современным типом среднеазиатского междуречья.

С типом среднеазиатского междуречья сравнение проводится только по современным материалам из-за отсутствия хронологически равноценной серии черепов по Узбекистану, которую можно было бы включить в сравнительную таблицу. В нашем распоряжении имелся фрагментарный краниологический материал из археологических раскопок в Пайкенде Самаркандской области. Этот материал, так же как и кафыркалинские черепа, из оссуарных погребений и близок им по времени. Г. В. Шишкина, проводившая раскопки, предвари-

Таблица 2

Сравнительная таблица мужских групп

Признак	Кафыр-кала, VI в. (исслед-ль Зезенкова)	Кладбища Ташкента и Самарканда, XIX в. (исслед-ль Левин, Гинзбург, Фирштейн, Трофимова)	Акмазар (Коканд), современные (исслед-ль Залкинд)	Средняя Азия*, XIX в. (исслед-ль Зезенкова)	Байрамали, IV—VI вв. (исслед-ль Трофимова)
1. Продольный диаметр	183,4 (5)	174,7—178,2	175,0(9)	178,0 (8)	187 (56)
8. Поперечный диаметр	145,6 (5)	144,8—145,8	148,9(9)	140,8 (8)	142 (56)
8 : 1. Черепной указатель	79,63 (5)	81,3— 83,1	85,2(9)	79,3 (8)	75,8 (56)
17. Высотный диаметр	139,8 (3)	134,8—137,2	131,7(9)	133,2 (8)	138,5 (56)
17 : 1. Высотно-продольный указатель	76,32 (3)	75,6— 77,4	75,6(8)	75,0 (8)	74,1 (54)
17 : 8. Высотно - поперечный указатель	93,24 (3)	92,7— 94,7	88,9(8)	94,7 (8)	97,9 (54)
9. Наименьшая ширина лба	96,66 (3)	95,6— 96,2	95,7(9)	93,9 (8)	101,2 (57)
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	67,80 (3)	65,8— 66,4	64,3(9)	66,7 (8)	71,5 (57)
45. Скуловый диаметр	132,0 (4)	134,0—134,7	138,1(9)	131,3 (8)	134,6 (54)
48. Верхняя высота лица	70,5 (2)	72,5— 73,6	72,1(9)	72,5 (8)	74,2 (55)
48 : 45. Верхнелицевой указатель	52,57 (2)	54,2— 55,0	51,4(7)	55,2 (8)	55,1 (54)
Глубина клыковых ямок в *мм*	6,33 (4)	—	—	5,96 (6)	4,9 (55)
Зигомаксиллярный угол	126,1 (1)	(129) 130,4	142,0(5)	131,8 (8)	125,5 (51)
Назомалярный угол	139,0 (1)	(138)—140,7	145,2(8)	141,4 (8)	136,1 (54)
54 : 55. Носовой указатель	50,96 (2)	46 3— 49,3	52,6(8)	47,5 (8)	47,5 (55)
Дакриальная высота	12.0 (4)	11,4— 11,6	—	10,9 (8)	13,5 (49)
Дакриальный указатель	56,91 (4)	52,9— 55,8	47,2(4)	51,64 (8)	61,3 (50)
Симотическая высота	6,0 (3)	3,3	2,8(6)	4,45 (8)	5,2 (52)
Симотический указатель	59,97 (3)	37,0	32,1(6)	44 69 (8)	51,4 (52)
52 : 51. Орбитный указатель I	76,13 (4)	—	78,0(8)	83,32 (8)	75,4 (56)
52:51a. Орбитный указатель II	81,27 (4)	87,5— 88,1	—	87,76 (8)	79,8 (53)

* Туркменские черепа из Туркмении и других областей Средней Азии.

тельно датировала его VII в. Фрагментарность материала, даже после некоторых реставрационных работ, дает весьма незначительные возможности для получения антропологической характеристики. На фрагментах черепа № 1 из 13 науса визуально отмечается мезокранность черепа, судя по верхней челюсти с очень сильновыступающим носовым шипом, по строению носового отростка череп, безусловно, относится к европеоидному типу. Фрагменты черепов № 3 и № 4 из 13 науса по черепным указателям 85, 71 и 82, 4 только говорят о наличии брахикрании. Наконец, на фрагментах черепа № 5 из 4 науса можно предполагать мезобрахикранию. В целом пайкендские черепа мезобрахикранные, по-видимому, европеоидные и по типу, возможно, близки к кафыркалинским черепам.

Из табл. 2 видно, что средняя черепного указателя кафыркалинских черепов близка к указателю туркменских черепов из Мервского оазиса, занимая промежуточное положение между черепами из Байрамали и черепами, представляющими современный тип среднеазиатского междуречья. Средние величины продольного и поперечного диаметров на кафыркалинских черепах наибольшие по сравнению с другими и приближаются к байрамалинским. Высотный диаметр близок к черепам IV—VI вв. из Байрамали, относимым Т. А. Трофимовой[2] к закаспийской расе, и отличен от современных закаспийского и типа среднеазиатского междуречья.

Сравнительный анализ показывает, что ряд признаков на кафыркалинских черепах, как черепной указатель, наименьшая ширина лба, лобно-поперечный указатель, скуловой диаметр, зигомаксиллярный угол, назомалярный угол, дакриальная высота, дакриальный указатель, орбитный указатель, занимает промежуточное положение между закаспийским типом и типом среднеазиатского междуречья. По некоторым величинам, как продольный и высотный диаметры, зигомаксиллярный угол, орбитный указатель, симотическая и дакриальная высоты, исследованные черепа сравнительно ближе стоят к закаспийскому типу, отмечаемому на байрамалинском материале. В пределах вариации современного типа среднеазиатского междуречья находятся такие признаки, как поперечный диаметр, высотно-продольный и высотно-поперечный указатели, назомалярный угол. Верхняя высота лица на кафыркалинских черепах отлична от таковой и на черепах закаспийского типа, и типа среднеазиатского междуречья. Клыковые ямки очень глубокие, чем несколько отличаются

---

[2] Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, МХЭ, вып. 2, М., Изд-во АН СССР, 1959.

от всех сравниваемых черепов. Верхнелицевой указатель приближается к указтелю на черепах из Акмазара[3] и отличается от всех остальных. Носовой указатель у всех мезоринный, за исключением черепов из Акмазара, у которых отмечается платириния. Носовой указатель на черепах с Кафыр-кала отмечен только в двух случаях и по средней между ними наблюдается мезориния с тенденцией к платиринии.

Следовательно, сравнительный анализ показал, что по ряду антропологических признаков черепа с Кафыр-кала имеют свою специфику и отличны от современных закаспийского типа и типа среднеазиатского междуречья, занимая в какой-то степени промежуточное положение между ними и закаспийским типом черепов из Байрамали IV—VI вв., который также отличается от современного закаспийского типа, но в меньшей мере.

Исследование ископаемого краниологического материала показало, что не следует переносить термин современного типа среднеазиатского междуречья на ископаемый материал Узбекистана, так как он отличается от него. Тип среднеазиатского междуречья в том виде, в каком он представлен в настоящее время, сформировался в более поздний период, и формирование его происходило на протяжении многих веков. Кафыркалинские черепа подтверждают отсутствие антропологической характеристики современного типа среднеазиатского междуречья в VI в., а промежуточность их типа свидетельствует о текущем процессе формирования.

Название тип среднеазиатского междуречья (Ошанин), или памиро-ферганский (Ярхо), дано на основании антропологического изучения современного населения по совокупности признаков, характерных для определенного ареала распространения данного типа. Тип среднеазиатского междуречья является автохтонным, как неоднократно отмечал Л. В. Ошанин[4]. В настоящее время автохтонность подтверждается изучением ископаемого краниологического материала, который доказывает, что тип среднеазиатского междуречья не является пришлым, а формировался на территории Узбекистана и имеет

---

[3] Н. Г. Залкинд. Краниологические материалы с территории древнего Хорезма, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 1, М., Изд-во АН СССР, 1952.

[4] Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1953; Он же. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I, Ереван, Изд-во Ереванского университета, 1957; ч. II 1958; ч. III. 1959.

большие этногенетические связи с соседними областями, в том числе с населением Таджикистана и Туркмении.

Накопившийся за последнее время ископаемый краниологический материал дает основание предполагать, что древним типом, послужившим основанием для формирования типа среднеазиатского междуречья, был долихокранный европеоидный тип. Вероятность этой точки зрения подтверждается наличием в ранние исторические эпохи на территории нынешнего Узбекистана только долихокранного типа, а именно: черепа Мочайской пещеры[5], датируемые верхним палеолитом или переходным временем к мезолиту; черепа Бухарской области[6], найденные у озера Заманбаба, датируемые III тысячелетием до нашей эры; черепа с Чустского поселения бронзового века[7]; черепа с Дальверзинского поселения[8], которые датируются, как и предыдущие, II—I тысячелетием до нашей эры, Вадильский череп II тысячелетием до нашей эры[9] и, наконец, черепа из могильника Кокча 3 с датировкой XIII—XII вв. до н. э.[10]. Следует сказать о маловероятной возможности находок брахицефальных европеоидов в такие же ранние периоды времени на территории Узбекистана. В пользу долихокранной основы может служить и древнее долихокранное европеоидное окружение Узбекистана. Вряд ли можно считать возможным при имеющемся раннем долихокранном материале и при древнем долихокранном окружении, чтобы Узбекистан явился брахикранным островком.

Вопрос происхождения и формирования типа среднеазиатского междуречья весьма важен и сложен[11]. В. В. Гинзбург

---

[5] В. В. Гинзбург. Палеоантропологические материалы к этногенезу народов Средней Азии, Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, вып. VI, 1949; Он же. Древние и современные антропологические типы Средней Азии, Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XVI, 1951.

[6] В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ин-т истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1958; Она же. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста, СА, 1958, № 3.

[7] Она же. Скелет из погребения...

[8] В. В. Гинзбург. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы, МИА, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, № 118.

[9] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, I, Изд-во АН СССР, 1956.

[10] Т. А. Трофимова. Палеоантропологические материалы с территории Древнего Хорезма, СЭ, 1957, № 3.

[11] В. В. Гинзбург. Древние и современные антропологические типы; Он же. Материалы к антропологии...; Он же. Антропологические материалы к этногенезу таджиков, КСИИМК, вып. 61, 1956; Он же.

его происхождение считает, во-первых, результатом видоизменившегося андроновского типа путем грацилизации последнего, во-вторых, брахикефализацией средиземноморского типа и, в-третьих, смешением андроновского типа с долихокранным. Сходной точки зрения придерживается Т. А. Трофимова[12], которая связывает происхождение типа среднеазиатского междуречья с брахикефализацией долихокранного типа и с модификацией андроновского типа или его смешением с долихокранным типом и последующим включением монголоидных компонентов.

Некоторые из этих положений встречают возражения. На территории Узбекистана андроновский тип не явился переходной стадией, а мог возникнуть параллельно на других территориях Средней Азии включением одинаковых антропологических пластов. Эпохальная брахикефализация, так же как и брахикефализация в результате грацилизации, вызывает возражение. Возможно, грацилизация, учитывая общий процесс эволюции (рост неурокраниума — мозгового черепа — и редукция спланхнокраниума — части лицевого скелета), в какой-то мере могла происходить. Грацилизация челюстного аппарата возможна и понятна, но на основании чего могла произойти брахицефализация , т. е. увеличение поперечного и уменьшение продольного диаметров, трудно себе представить. Вероятней считать изменение диаметров результатом включения брахикранных элементов. В пользу этого говорит ископаемый краниологический материал, в котором во второй половине I тысячелетия до нашей эры отмечается наличие крайних долихоцефалов и брахицефалов, последнее является и аргументом против эпохальной брахицефализации, которая должна была бы проходить постепенно.

Тип среднеазиатского междуречья происходил из долихокранного европеоидного типа, близкого к протосредиземноморскому и палеоевропейскому, путем инфильтрации и включения в большом количестве в определенные периоды европеоидных брахикранных смешанных типов и монголоидных. Какие именно типы были включены в долихокранную основу — вопрос будущего, который может быть решен только при накоплении большего количества ископаемого краниологического материала.

Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов, Краткие сообщения Ин-та этнографии, Изд-во АН СССР, т. XXXI, 1959; Он же. К антропологии населения Ферганской долины...

[12] Т. А. Трофимова. Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр, 1 и 2, ТХЭ, т. 11, М., 1958; Она же. Древнее население...

В. А. БУЛАТОВА

НЕКРОПОЛЬ X—XI вв. В КУВЕ

При археологических исследованиях буддийского храма и поселения VII в. на всей площади раскопа зафиксировано многоярусное кладбище с погребениями в прямоугольных камерах из кирпича-сырца. Слой, содержащий эти погребения, датируется монетами конца IX—начала XI вв.[1] Кладбище перекрывает разрушенное поселение VII в. и относится к основному городищу, расположенному южнее нашего тепа.

Способ захоронения и датированный остеологический материал привлекли к себе внимание, так как подобный тип захоронения имеет место и в других областях Средней Азии (Хорезм, Мерв).

Наши представления об этических воззрениях насельников древней Ферганы еще довольно скудны, и потому важен каждый факт, проливающий свет на этот вопрос. Религия в пору средневековья была выражением общественного сознания, оказывая тем самым воздействие на историю, культуру и искусство феодальной эпохи[2].

В 1963 г. почти в центре тепа, на останце, была заложена площадка (12 × 8 *м*). Западный ее край граничит со вскрытыми в 1960 г. жилыми помещениями. Вскрытие на антропологической площадке производилось по ярусам, и верхний XXVIII ярус оказался границей для первого горизонта захоронений.

Горизонт, в котором лежат могилы, представляет собой переотложенный культурный слой, где встречаются фрагменты сырцовых кирпичей от зданий VII в., неполивная керамика

---

[1] Монеты определены В. А. Шишкиным и М. Н. Федоровым, за что приношу им свою сердечную благодарность.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 674—675.

и монеты того же времени. Однако датируется кладбище керамикой, стеклом и монетами X—XI вв.

На вскрытой площади отпрепарировано 22 могилы. Они представляют собой прямоугольные продолговатые ящики из сырцового кирпича (2,20×0,7 *м;* 2,15×0,75; 1,90×0,85; 2,20×0,8; 2,25×0,6; 2,0×0,7; 1,90×0,7; 1,50×0,62 *м.*) На устройство могил шел обыкновенный строительный кирпич размерами 40×20×8 *см*; 35×17×8; 30×23×8; 38×20×8 *см.* Не замечено, чтобы кирпичи перекрытия отличались размерами или формой.

Могилы ориентированы по длинной оси на северо-запад с отклонением от оси север — юг от 31° до 45°. Стенки могил выложены в один ряд кирпичом «плашмя» со слабой перевязкой швов. Перекрытия чаще всего сделаны из кирпича «на ребро», иногда «плашмя». Торцы кирпичей опираются на стенки могил.

Головная часть могилы различается по двум выступающим кирпичам на торце в одной плоскости. Внутренняя камера по плану — узкий прямоугольник, изредка очень узкая трапеция (ширина в плечах 40—27, в ногах 25—15 *см*).

Основание могилы — выровненная земля, иногда кирпичи, очевидно, в заранее подготовленной яме. Ямы опускались ниже уровня дневной поверхности, и потому не видно было даже и гребней перекрытия. Этим обстоятельством объясняются хаотическое расположение могил на плане, врезка их одна в другую, разрушения и перемещения костяков.

Могилы верхнего горизонта (XXVIII ярус) нарушили нижележащие, поэтому черепа и разрозненные кости попадались между могилами. Так, например, могила № 1 (детская) врезалась в могилу № 2 (женскую). Костяк из могилы № 2 оказался в промежутке между двумя могилами и лишился части своих костей. На черепе обнаружен пролом, может быть, от удара лопатой.

В могиле № 3 (детская) в ногах лежала кучка костей, принадлежавшая нарушенному другому детскому погребению. Кости были сложены в некоторой последовательности — внизу нижние конечности, над ними тазовые кости, ребра, лопатки, а над всем этим череп, повернутый лицом на юго-запад. Ящик был сделан длиннее обычного (1,36 *м*), так как иначе не поместилось бы это двойное захоронение. Здесь под тазовыми костями ребенка обнаружена труха от каких-то растений. Устройство могил типовое.

Могила № 4 типовая.

Могила № 5 — двойное разновременное погребение. Она разделена на две камеры. В меньшей (длина 0,8 *м*) лежит че-

реп, очевидно, первоначального погребения, а в большей (длина 1,25 *м*) детский костяк вторичного погребения. Под костяком обнаружена древесная труха: по-видимому, какой-то деревянный настил из тонких жердочек отделял эти 2 погребения. Возможно, это семейная могила.

Могила № 6 — детское захоронение, сделанное, очевидно, в чужой могиле, так как наряду с костями детского скелета встречаются кости взрослой особи.

Могила № 7 — детская. Ширина внутренней камеры 27 *см*. Устройство типовое.

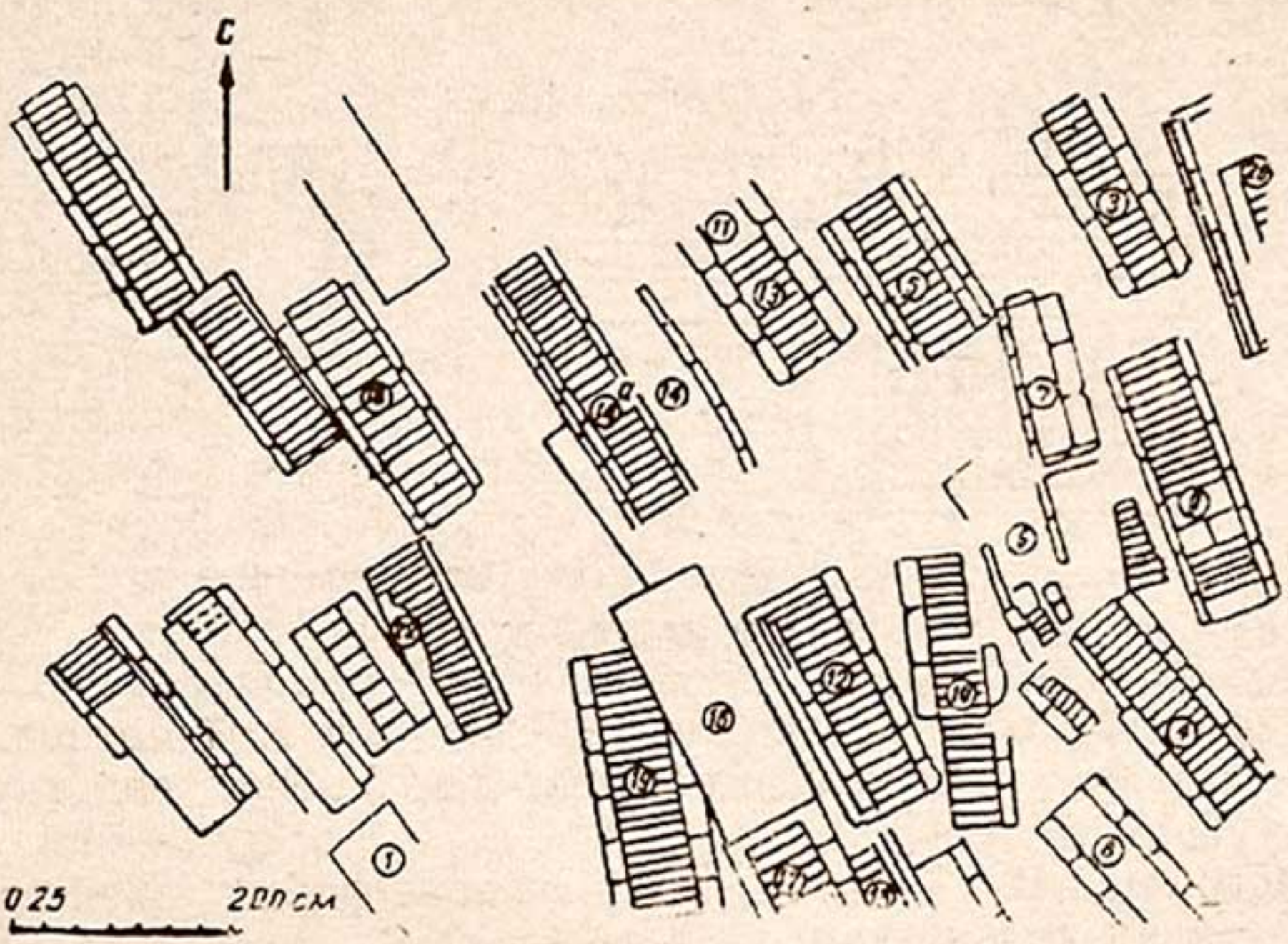

Рис. 1. Некрополь X—XI вв. в Куве.

Могила № 8 — детская. Ширина внутренней камеры 30 *см*. Могила устроена прямо на «гребне» нижележащей могилы взрослой особи.

Могила № 9 — мужская. Выполнена с особой тщательностью, но по устройству не отличается от остальных. Подробное описание устройства могилы и чертеж сделаны по этой, как наиболее сохранившейся (рис. 2).

Могила № 10 — мужская, обычная.

Могила № 11 — двойное погребение: над взрослым похоронен ребенок. Костяк взрослой особи нарушен. В этой могиле среди земли найден фрагмент чаши X в. с красно-черным орнаментом на белом фоне.

Могила № 12. В ней обнаружены фрагменты стекла X—XI вв.

Могила № 13 — двойное погребение. Скелет первичного захоронения разрознен. В эту могилу под углом врезалась могила № 9 и частично разрушила ее.

Могила № 14. Ширина ее 1,15 *м* при обычной длине. Оказалось, что это спаренные могилы с одной общей стенкой. Возможно, семейное погребение.

Могила № 15 — это три детских захоронения. Одно вплотную к могиле № 17, второе над могилой № 15 и третье в камере.

Могила № 16 — взрослой особи. Под тазовыми костями — древесная труха.

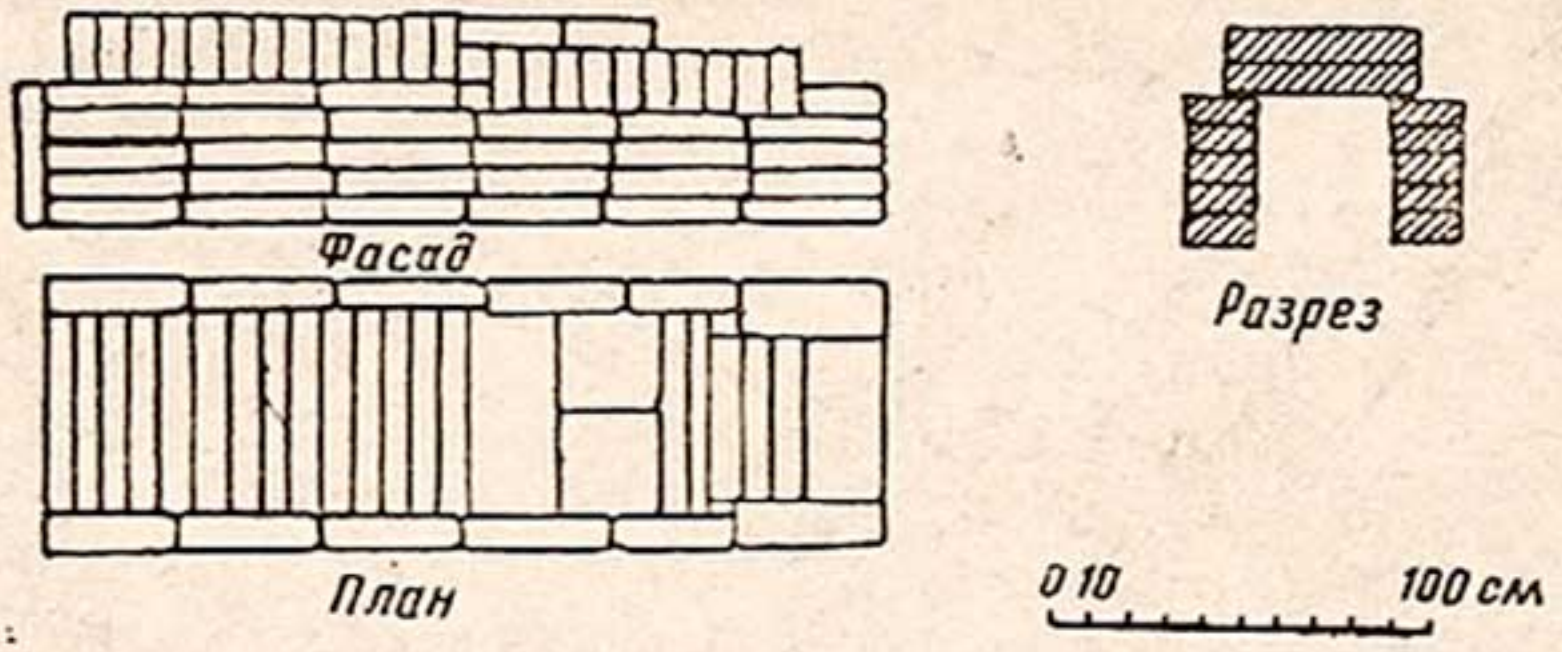

Рис. 2. Могила № 9.

Могила № 17 — детское погребение в чужой могиле. Костяк «хозяина» разрознен. Могила № 17 лежит вплотную к торцу № 16.

Могила № 18. Камера имеет в плане форму узкой трапеции, расширена в плечах.

Могилы № 19, № 20, № 21, № 22 — одиночные погребения. Устройство их обычное.

Положение костяка во всех могилах одинаковое: лежит на спине, ноги вытянуты, правая рука вдоль туловища, левая на лоне. Голова повернута на юго-запад. В двух случаях встречается слегка боковое положение, обусловленное узостью внутренней камеры. Под тело, насколько можно судить по остаткам, подкладывалась какая-то травяная подстилка.

«Двухэтажные» могилы, видимо, семейные, отделяются одна от другой тонким деревянным настилом из жердочек. Наши незначительные наблюдения позволяют сказать, что маленькие дети не имели специальных могил, а хоронились над могилой ближайших родственников.

Сопровождающего инвентаря, как правило, нет. Видимо, население уже усвоило правила мусульманского погребального обряда.

Первичное антропологическое определение, сделанное В. Я. Зезенковой, дает представление о населении Кувы X—XI вв., как о брахицефалах и европеоидах среднеазиатского междуречья.

Вскрыт верхний горизонт некрополя с однотипными захоронениями. Возможно, нижележащие горизонты дадут какие-то варианты оформления могильных камер. Так например, в результате вскрытий предыдущих лет на территории храма на уровне пола расчищено 10 погребений в узких грунтовых ямах с заоваленными торцами, перекрытыми прямоугольными кирпичами. Положение и ориентация костяков идентичны описанным выше.

Ареал распространения погребальных сооружений такого типа довольно широк: они фиксируются в различных районах Средней Азии — Казахстане, Туркмении, Узбекистане (Афрасиаб, Хорезм, Кува)[3]. Хронологические рамки довольно широки — VIII—XIV вв.

Распространение этого типа захоронений, как отметил еще И. А. Сухарев, связано с широким внедрением ислама и его обрядности[4]. Прежние верования и обычаи искоренялись в народе различными путями; зороастрийские, буддийские, манихейские и прочие способы захоронений очень активно вытеснялись, и в период VIII—XIV вв. мы уже фиксируем погребения с трупоположением. Однако верность древним религиозным традициям настолько сильна в сознании людей, что проявилась в новом обряде: кирпичная камера — все еще прообраз оссуария если не по форме, то по функциям, так как она также предохраняет от осквернения священные элементы — землю, воду и воздух. В данном аспекте наибольший интерес представляют погребения в ящиках (цистах, как их называют авторы), обнаруженные в Хорезме А. В. Гудковой и В. Н. Яго-

---

[3] И. А. Сухарев. Мусульманские захоронения в I вв. х. в г. Бухаре, Известия УзФАН СССР, Ташкент, 1940, № 2, стр. 71; А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, № 14, М.—Л., 1950, стр. 34; Г. И. Пацевич, Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе, Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 1, № 46, Алма-Ата, 1948; С. В. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али (1954—56), Труды ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959; М. Пачос. Средневековые погребения на городище Афрасиаб. Научные работы и сообщения, кн. 5, Ташкент, 1962, стр. 191—196; А. В. Гудкова. .Некрополь городища Ток-кала, СЭ, 1963, № 6; В. Н. Ягодин. Новые материалы по истории религии Хорезма, СЭ, 1963, № 4, стр. 94—107; Л. Р. Кызласов. Памятник мусульманского средневековья в Туве, СА, 1963, № 2.

[4] И. А. Сухарев. Указ. соч.

диным[5]. Как установлено исследователями, этим погребениям предшествуют погребения в оссуариях.

На Гяур-кала — это один некрополь, где погребения в цистах перекрывают зороастрийское кладбище с оссуариями, датирующееся IV—VIII вв.[6] Погребения в цистах делятся на три типа, представляющие собственно небольшие отклонения от основного варианта: I тип датируется IX в., II тип — X—XI вв. и III не датируется.

Ориентация костяков головой на запад, т. е. диаметрально противоположна ориентации в Ферганской долине (Кува) и на Афрасиабе[7]. На Ток-кала костяки ориентированы головой на северо-запад, лицом на юго-запад. Данные погребения в цистах А. В. Гудкова относит к поселению IX—XI вв. И в данном случае цисты перекрывают зороастрийский некрополь VII в.[8] Эти обстоятельства дают право говорить об устойчивости прежних религиозных верований, о преемственности обрядности, которую на материалах Хорезма прослеживают вплоть до современности[9].

Наш некрополь, датирующийся монетами конца IX—начала XI вв., относится, как уже указывалось выше, к основному городищу, дожившему до начала XIII в. Некрополь возник на соседнем холме, видимо, спустя некоторое время после гибели бывшего на нем поселения VII в., которое было разрушено еще при арабах.

В связи с этим встает вопрос о том, где кладбище поселения VII в. и было ли оно? Сохранили насельники Кувы VII в. — буддисты — обрядовую сторону своих предков или приняли обряд, распространенный на родине буддизма Индии?

Бируни в своем энциклопедическом труде «Индия» останавливается и на погребальных обрядах различных религиозных сект, в том числе и буддийских. Он пишет, что индусы-буддисты предпочитают обряд сожжения праха[10].

Как установлено исследователями древнего Хорезма, зороастрийскому погребальному обряду предшествовала крема-

---

[5] В. Н. Ягодин. Указ. соч., стр. 94—107; А. В. Гудкова. Указ. соч.

[6] В. Н. Ягодин. Указ. соч., стр. 94—96, рис. 1.

[7] М. Пачос. Указ. соч., стр. 192—196; В. А. Шишкин. Из археологических работ на Афрасиабе, Известия УзФАН, 1940, стр. 69.

[8] А. В. Гудкова. Указ. соч., стр. 58.

[9] Г. П. Снесарев. Маздеистская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии. Тезисы доклада на XXIV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960.

[10] Бируни. Индия, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 478.

ция. Контаминация трупосожжения и «выставления» трупов породила оссуарный обряд[11].

Этнографические сведения о погребальных обрядах буддистов в Монголии дают представление о социальных различиях. Покойников из простого люда — «черная кость» — после несложного отпевания оставляли в степи на съедение волкам, собакам, птицам, кости их не закапывали. Кости богачей и чиновников по решению священника со всякими почестями погребали, в противном же случае зарывали в степи. Покойников «белой кости» предавали сожжению. Пепел же представителей духовенства смешивали с глиной для изготовления бурханов[12].

Как же поступали кувинцы? Вещественных проявлений их обрядности мы пока не нашли. В Куве зарегистрировано лишь одно захоронение в хуме, которое по времени может быть отнесено к VII в. Обнаружено оно в южном обрезе основного городища на глубине 6,0 *м* от дневной поверхности. Разрозненные кости сопровождались некоторым инвентарем, что позволило датировать погребение «первой половиной второго тысячелетия н. э.»[13].

Погребения в хумах зафиксированы во многих пунктах на территории Ферганской долины. Они датируются в пределах ст I—IV в. и до VIII в. н. э.

В научной литературе еще нет установившегося мнения об их интерпретации. Специальная статья В. И. Козенковой о погребениях в хумах совершенно правильно утверждает, что такие погребения, появившись задолго до ислама, применяются долгое время. Отсюда автор делает вывод, что нельзя считать погребения в хумах только поздней формой зороастрийского погребального культа[14]. Высказанное В. И. Козенковой предположение о секте «хумников» отвергает В. Н. Ягодин, который указывает на сосуществование оссуарных и хумных захоронений в семейных усыпальницах некрополя Ток-кала и Ка-

---

[11] С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СЭ, 1958, № 1, стр. 122; Ю. А. Рапопорт. Об изображении на Бартымском блюде, СА, № 2, 1962, стр. 53—54; Он же. Некоторые вопросы сложения зороастрийской погребальной обрядности. Тезисы доклада на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960.

[12] Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах у тюркских племен, Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XII, вып. 1, Казань, 1894, стр. 128—129.

[13] В. Д. Жуков. Обследование городища Старая Кува в 1956 г., КСИИМК, № 80, 1960, стр. 84.

[14] В. И. Козенкова. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии, СА, 1961, № 3, стр. 258—259.

лалы-Гыра[15]. Он присоединяется к мнению Г. И. Пацевича, который многообразие в способах захоронения костей объясняет различным социальным положением погребенных и их родственников, а не наличием каких-то сект[16]. Но все эти рассуждения и предположения имеют в виду зороастрийцев и их обычаи, а не буддистов.

Возможно, что в Куве VII в. делали захоронения в соответствии с установившейся зороастрийской обрядностью, свидетельством чего является хумное погребение, найденное В. Д. Жуковым. В данный момент нам необходимо найти в Куве некрополь, синхронный поселению VII в.

---

[15] В. Н. Ягодин. Указ. соч., стр. 105; Сосуществование захоронений отмечается и в некрополе у Байрам-Али. См.: С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.), Труды ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 172—174.

[16] Г. И. Пацевич. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе, Известия АН КазССР, вып. 1, № 46, Алма-Ата, 1948, стр. 98—104.

И. АХРАРОВ

К ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Полива, вернее глазурь, — это прозрачный, тонкий, стекловидный слой, который образуется на поверхности изделий легкоплавкими силикатами под действием температуры (700—1300°) обжига в керамической печи. Глазурь оказывает большое влияние на свойства изделий[1].

В Средней Азии еще в античности глазуровались керамические изделия. Так, сосуды с двухсторонней — зеленой и желтой — глазурью кушанского времени были обнаружены в раскопках Айртама (Узбекистан)[2]. Большое количество глазурованных изделий найдено на западе Парфянской империи[3]. По словам Р. Эттинхаузена, в парфянское время гончарная глазурь впервые вошла в широкое употребление[4]. Глазуровалась бытовая керамика: чаши, кубки, кувшины. Глазури были зеленого, желтого и коричневого цветов[5]. Во время раскопок, производившихся ЮТАКЭ в Старой Нисе (Туркмения), были найдены сосуды, покрытые светлой голубовато-зеленой глазурью, относящиеся к парфянскому времени[6]. Некоторые по-

---

[1] Подробно о глазури см.: С. А. Разумовский. Изготовление бессвинцовых легкоплавких глазурей, М., 1953; В. П. Барзаковский. Физико-химические свойства глазурей — основы керамики, М., 1956 и др.

[2] М. И. Вязьмитина. Раскопки на городище Айртам, Труды ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945, стр. 32.

[3] R. Ghirshman. Iran from the earliest times to the arab conquest' Penguin books, 1954, p. 282.

[4] R. Ettinghousen. Parthian and sasanian pottery, SPA, vol. I, London, and New-York, 1938, p. 651.

[5] N. Joll. The green glazed pottery the excavations the Dura-Europas, Final repart IV, part I, London, 1943.

[6] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны из Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. IV, Ашхабад, 1959, стр. 21; С. А. Ершов. Археологические исследования на городище Старая Ниса, Труды ЮТАКЭ, т. I, 1949, стр. 121.

ливные сосуды парфянского времени экспонируются в Музее восточных культур в Москве. При раскопках в Куве, Ахсикете, Риштане (Фергана) в слоях, относящихся к рабовладельческому периоду, встречаются единичные фрагменты керамической посуды с тонким слоем поливы сероватого и желтоватого цветов.

Однако следует отметить, что в Средней Азии поливные керамические изделия в досредневековый период не получили широкого распространения. По-видимому, это объясняется тем, что здесь тогда были красно- и чернолощеные высококачественные керамические изделия, которые вполне могли заменить поливную керамику[7]. Правда, в Средней Азии еще не обнаружены мастерские, изготовлявшие глазурованные керамические изделия в античный период, но не может быть сомнений в их существовании, так как Средняя Азия, как и другие страны, должна была иметь собственное производство глазурованных керамических изделий. Подтверждением этого служит уже существовавшее в то время родственное ему стеклянное производство[8].

Широкое распространение поливной керамики в Средней Азии начинается в некоторых районах с VIII[9], а в некоторых — с IX в.[10] Но есть еще районы (Ташкент, Фергана и др.), в которых время появления глазури пока еще точно не установлено.

Так или иначе, появление в средневековье глазурей в керамическом производстве Средней Азии не является новым в истории этого ремесла.

О причинах появления глазури в средневековой Средней Азии в литературе имеется ряд неправильных, на наш взгляд, точек зрения. В частности, В. Л. Вяткин, не имея достаточно

---

[7] Краснолощеные керамические изделия были и в средние века, почти до XII в., однако качество их далеко отставало от античных. Возможно, техника изготовления краснолощеной керамики была частично забыта.

[8] А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963.

[9] Исследовавший поливную керамику Самарканда И. А. Сухарев считал, что глазурь в древнем Самарканде, т. е. на Афрасиабе, появилась в 20—30-х годах VIII в. См.: И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, новая серия, 14, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 9 и сл.; А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4, стр. 132—133; М. Пачос. Стратиграфический раскоп в западной части Афрасиаба, Научные работы и сообщения, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 285.

[10] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), Краткие сообщения Института этнографии, М., 1955, XXII, стр. 89.

аргументированных данных, считал, что глазурь пришла в готовом виде извне в IV—VI вв. н. э.[11] Однако ни при жизни В. Л. Вяткина, ни после его смерти археологическими и иными данными это мнение не подтвердилось. И. А. Сухарев считал появление глазурованных изделий прямым результатом арабского завоевания[12], с чем нельзя согласиться.

Многие западные исследователи средневековых поливных изделий Средней Азии особо отмечали тот факт, что среднеазиатская поливная керамика являлась обособленной школой[13].

Некоторые исследователи появление глазури и ее быстрое распространение объясняли запретом использовать посуду из драгоценных металлов[14]. На наш взгляд, это неверно: во-первых, прямых данных о таком запрете не имеется, а если он и был, то вряд ли его придерживались[15], во-вторых, никакие религиозные запреты не могут остановить социально-экономическое развитие общества. В частности, ислам запрещал изображение живых существ, но, как известно, таких изображений было довольно много. Основная причина появления глазури кроется в объективных закономерностях исторического развития общества. Керамическое ремесленное производство в молодом феодальном обществе Средней Азии имело все возможности для своего развития. Этого требовала повседневная жизнь.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

---

[11] В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда, Ташкент, [1927], стр. 41.

[12] И. А. Сухарев. Указ. соч., 1940, стр. 15. Следует отметить неправильное мнение Ш. Ташходжаева, хотя он появление поливной керамики в Самарканде не связывает с арабскими завоеваниями, но все же считает, что керамические глазури появились после арабского завоевания. См.: Ш. Н. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII вв., автореферат, Ташкент 1964, стр. 5.

[13] A. Lane. Islamic pottery from the ninth to the fourteenth centuries A. O. (third to eight centuries A. H.), London, d.n.p. 12; R L. Hobson, A guide to the islamic pottery of the Near East, London, 1932, p. 26 и др.

[14] J. Karabacek. Zur muslimanischen, Keramik Sammling keramischen objekten ons Nähen and Fernen Orient, Wien, 1887, S. 28; F. Sorre. Die keramik von Samarra, Berlin, 1925, S, 32; A. Pope, Masterpieces of Persian Art, New-York, 1945, p. 69; An Exhition, of islamic Art at the Ohiostate museum, Yuey-Angust, 1956, p. 5—7 и др.

[15] Арабский поэт (VIII в.) Абу-Нувас, например, пил вино из серебряных чаш и писал в их честь стихи, см.: И. Ю. Крачковский. Сасанидская чаша в стихах Абу-Нуваса, Избр. соч., т. 2, М.—Л., 1956, стр. 382; Также поступали вельможи в Бухаре в X в. См.: Низам Али-Мульк. «Сиасет-Намэ», перевод Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949, стр. 215.

1) вполне установлено появление поливы в Средней Азии до арабского завоевания. Об этом свидетельствуют находки глазурованных керамических изделий в Тали-Барзу (Узбекистан), обнаруженные Г. В. Григорьевым и датируемые монетой царя Тархуна (704—710 г. н. э.), а также монетами Бухар-Худатов (начало VIII в.)[16]. Поливная керамика доарабского времени обнаружена в Пянджикенте (Таджикистан)[17], Самарканде[18] и других местах. Однако еще никем точно не установлено, где именно в эпоху средневековья впервые появилась глазурованная керамика, как она распространилась и возможно ли ее самостоятельное появление на местах;

2) ни завоевание арабами Средней Азии, ни религиозные запреты использовать посуду из драгоценных металлов не могут быть причиной появления поливы в керамическом производстве Средней Азии. Полива — это техническое новшество, и оно тесно связано с экономическим развитием страны, с технологией ее производства. Поливные керамические изделия быстро развивались потому, что они стали обязательной потребностью обихода. Полива на поверхности керамических изделий намного улучшила их качество и сыграла определенную роль в санитарно-гигиеническом отношении. Она создавала гладкую легко очищающуюся поверхность посуды, делала ее жидконепроницаемой, повышала техническую прочность. Полива усиливала цвета росписи, сохраняя чистоту красок и защищая роспись от повреждений.

Глазурь играла важную роль не только в бытовой керамике, но также и в декоративном оформлении архитектурных сооружений Средней Азии. Однако до появления в архитектуре она прошла долгий, чуть ли не полутысячелетний, путь и пришла в архитектуру из бытовой керамики.

Работ, специально посвященных ранней средневековой поливной керамике Средней Азии, крайне мало. Это по существу только цитированная выше работа И. А. Сухарева. Отсутствие же четкой классификации средневековой поливной керамики Средней Азии затрудняет выделение из нее самой ранней, которая весьма малочисленна, особенно в сравнении с более поздними изделиями.

В последнее время благодаря археологическим работам сначала в Хорезме, а затем на Афрасиабе в вопросе определения ранней средневековой поливной керамики достигнуты

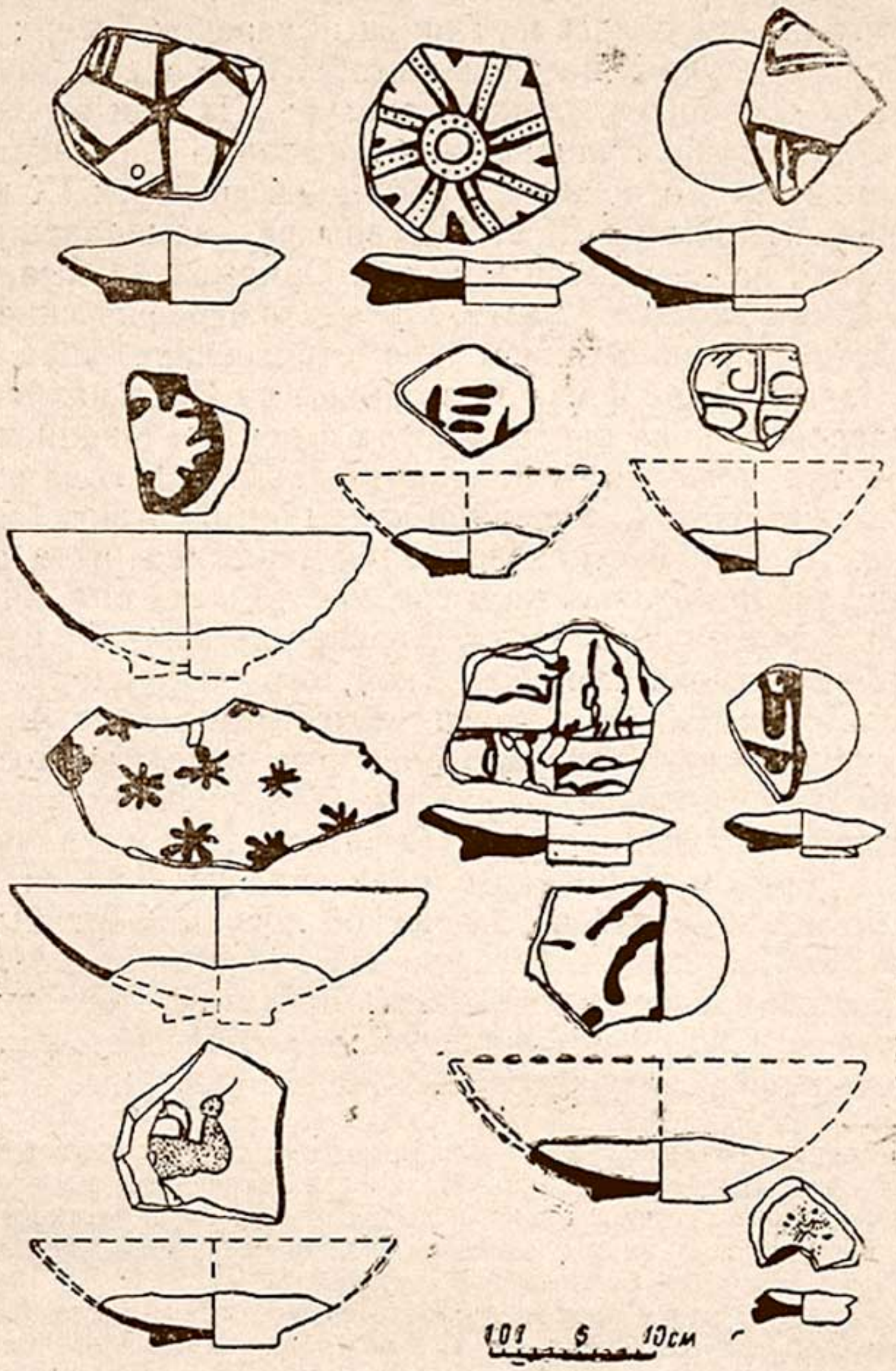
---

[16] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 98—99.

[17] И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента, МИА, № 37, М.—Л., 1953, стр. 143.

[18] М. Пачос. Указ. статья, стр. 285.

значительные успехи[19]. В результате многолетних археологических исследований средневековых городищ Ферганы (в основном Кувы и Ахсикета) удалось установить, что поливная керамика появилась здесь в начале IX в.

Образцы глазурованной керамики Ферганы.

Изделия поливной керамики этого периода незначительны. В основном это посуда открытой формы — блюда («товок» от

[19] На Афрасиабе Г. В. Шишкиной, М. Пачосу, Ш. Ташходжаеву удалось выделить группу керамических глазурованных изделий, которые датируются Г. В. Шишкиной IX, а М. Пачосом VIII в.

арабского слова табак), на ташкентском диалекте такая посуда называется лаган[20]. Встречаются и чаши (коса)[21].

Обнаруженные нами поливные керамические изделия, как выяснили химики и технологи, покрывались в основном двумя видами глазури: прозрачно-свинцовой и свинцово-оловянной[22]. Глазурь наносилась на глиняный черепок поверх белого, а в отдельных случаях цветного ангоба. В то время доминирующей была свинцово-оловянная глазурь. На наш взгляд, этот вид глазури появился раньше, чем прозрачно-свинцовая, которая, по-видимому, относится к последней четверти IX в.

Поливная керамика IX в. Ферганы расписывалась голубовато-зеленой, реже желтой краской. Орнаментальные мотивы были геометрические, растительные, эпиграфические и зооморфные, с преобладанием геометрических, украшавших блюда. Излюбленной фигурой в орнаменте была вихровая розетка, расположенная внутри сосуда в центре. Надписи, имевшиеся внутри, пока что не поддаются чтению. Такова в общих чертах характеристика поливной керамики Ферганы IX в.

Следовательно, местная поливная керамика была в Средней Азии еще в античности, в средние же века она, вновь появившись, получила широкое распространение[23]; керамика Ферганы аналогична самаркандской того же периода. Поливная керамика IX в. по своим качествам, ассортименту и оформлению намного уступала подобным изделиям последующего столетия; поливная керамика IX в. вначале традиционно, не видоизменяясь, продолжала развиваться и в начале X в.

Таким образом, довольно определенно установлен первый этап развития поливной керамической посуды Ферганы, датируемый IX в. Дальнейшее изучение керамических изделий даст возможность определить все этапы развития этого вида ремесла, что поможет составлению хронологической классификации поливной керамики средневековой Ферганы.

---

[20] В вопросе названия того или иного изделия мы придерживаемся принятого литературного названия. Но иногда встречается посуда, название которой в литературе не едино, к такой относится, в частности, слово «лаган». В таких случаях мы называем, как в ферганском диалекте, так как исследуемый материал относится к Фергане.

[21] Узбекское название посуды дается в единственном числе.

[22] Как любезно сообщила Н. С. Гражданкина, аналогичная нашей керамика со свинцово-оловянной глазурью из Самарканда была передана ей А. И. Тереножкиным с датировкой — конец VIII—начало IX в. Н. С. Гражданкина, сопоставляя нашу керамику с подобной глазурованной керамикой Самарканда, пришла к выводу, что «аналогичная керамика Кувы отличается только более густым тоном орнамента, содержащего больше чем в поливе афрасиабской керамики меди».

[23] Аналогичную картину мы наблюдаем в Средней Азии в стеклянном производстве и изготовлении жженых кирпичей.

М. АМИНДЖАНОВА

СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ СТЕКЛО В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА[1]

В собраниях Эрмитажа хранится большое количество средневековых стеклянных изделий Средней Азии. В основной своей массе это стекло с Афрасиаба и из его окрестностей. «Едва ли это не лучшее собрание афрасиабского стекла в СССР», — писал А. Ю. Якубовский[2]. Это стекло весьма различно и дает возможность изучить не только отдельные формы сосудов и их назначение, но технику их изготовления, художественную обработку[3].

Коллекции принадлежали В. В. Бартольду, Б. Н. Касталь-скому, Н. И. Веселовскому, М. В. Столярову и некоему Давид Мирзе Мехти; они приобретены Эрмитажем в конце прошлого столетия и в первой половине XX в.

Часть афрасиабской коллекции В. В. Бартольда принесена в дар от Русского Комитета. В основной массе это неорнаментированное стекло, представленное лишь тремя целыми формами (два косметических флакончика и сумак — принадлежность среднеазиатской колыбели).

Стекло М. В. Столярова (инв. № Афр. 2104), собранное в окрестностях Самарканда, поступило в Музей антропологии и этнографии в 1908 г., передано в Эрмитаж в 1931 г. Среди этого материала есть фрагменты из раскопок на Афрасиабе, на участке Панфутина, в местности Ходжа Юсуф Каварзор даоси (видимо, дахаси. — *М. А.*) и др. Это собрание стекла

---

[1] Пользуясь случаем, выражаю благодарность сотрудникам Эрмитажа Г. Н. Балашевой, Б. Я. Стависскому, А. В. Банк, помогавшим автору в работе по изучению эрмитажных собраний.

[2] А. Ю. Якубовский. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории, культуры и искусства Средней Азии до XVI в., ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 16.

[3] Там же, стр. 17.

тоже фрагментарно, но более выразительно в смысле орнаментации и форм.

Коллекция Кастальского — одно из самых крупных собраний средневекового среднеазиатского стекла. Она приобретена Эрмитажем в 1931 г. Коллекция состоит из целого ряда целых и большого числа фрагментов стеклянных изделий. Стекло в основной массе одноцветное, прозрачное или слабопрозрачное. Поражает огромное разнообразие форм как крупных сосудов, так и мелких. Мелкие сосуды, так называемая аптекарско-парфюмерная посуда, повторяют по формам крупные сосуды. Стекло почти одноцветное, за исключением нескольких сосудов из стекла синего, черного, марганцево-фиолетового цвета.

Часть коллекции Веселовского (№ 12860—12872) передана в Эрмитаж из Русского музея.

Коллекция Е. Ф. Каля состоит из фрагментов стеклянных сосудов. Их около 55. (Са 11927—11981). Эта коллекция попала в Эрмитаж в 1896 г. из Археологической комиссии. Стекло собрано в Туркестанском крае. Фрагменты принадлежат сосудам из прозрачного светлого стекла с зеленоватым оттенком и представляют собой стенки сосудов, днища крупных выдувных сосудов, горла чашеобразной формы, высокие прямые горлышки, горлышки, венчики которых оформлены в виде широкого или узкого раструба, ручки, видимо, от сосудов в форме кружек, фрагменты от неустойчивых ножек бокалов или рюмок. Стекло почти все недекорированное, за исключением нескольких фрагментов (горлышек), несущих очень простой орнамент в виде налепных нитей.

Коллекция Юсупова Давида Мирзы Мехти куплена Эрмитажем в 1935 г.; в ней имеется несколько целых форм (около 12 сосудов) и много маловыразительных фрагментов. В основном это небольшие сосуды, представленные флаконами с округлыми туловами, светильники в виде плошек, косметические сосудики, начиная от сосудиков-наперстков и кончая изящными маленькими сосудиками с высоким резервуаром. Среди этого стекла почти нет орнаментированного — это простые бытовые предметы, из не очень хорошего, слабопрозрачного с зеленым или сине-зеленым оттенком пузырчатого стекла.

В результате изучения эрмитажного собрания выявились следующие группы стеклянных сосудов.

К р у ж к и — сосуды с прямыми или чуть округлыми стенками с плоским венчиком. Некоторые кружки имеют круглую петлеобразную. ручку. Другую многочисленную груп-

пу составляют сосуды типа небольших мисок, которые мы по аналогии с такой же формой фарфоровых называем таксимча (блюдечко). Стенки сосудов невысоки. Часто они толстостенны. Если среди кружек еще встречаются орнамен-

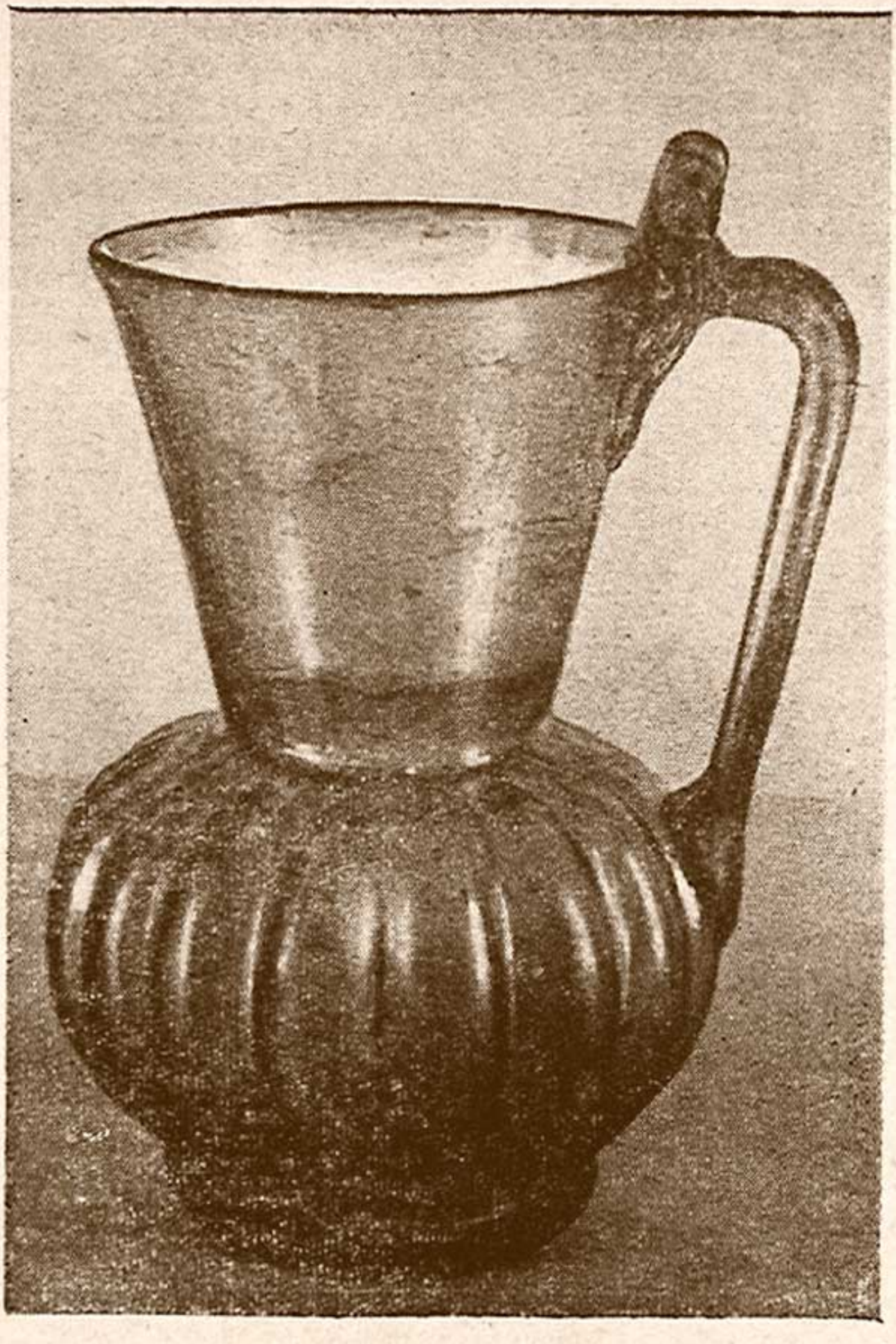

Рис. 1.

тированные, то таксимча сплошь без орнамента. Некоторая часть этой группы сосудов отнесена к специальному стеклу, употреблявшемуся, видимо, в алхимии.

Широкогорлые вазы представлены в эрмитажном собрании как в целых формах, так и фрагментами. Все они

выдувные, зачастую покрыты рельефным или накладным орнаментом. Обычно ручка (с одной стороны) имеет прямые линии и соединяет венчик с уплощенным туловом (рис. 1).

Рис. 2.

Широкогорлые кувшины. К такого рода сосудам относятся сосуды с шаровидным правильных линий туловом, посаженным на слегка выделяющийся поддон. Сосуды такого типа имеют высокое горлышко с плоским венчиком.

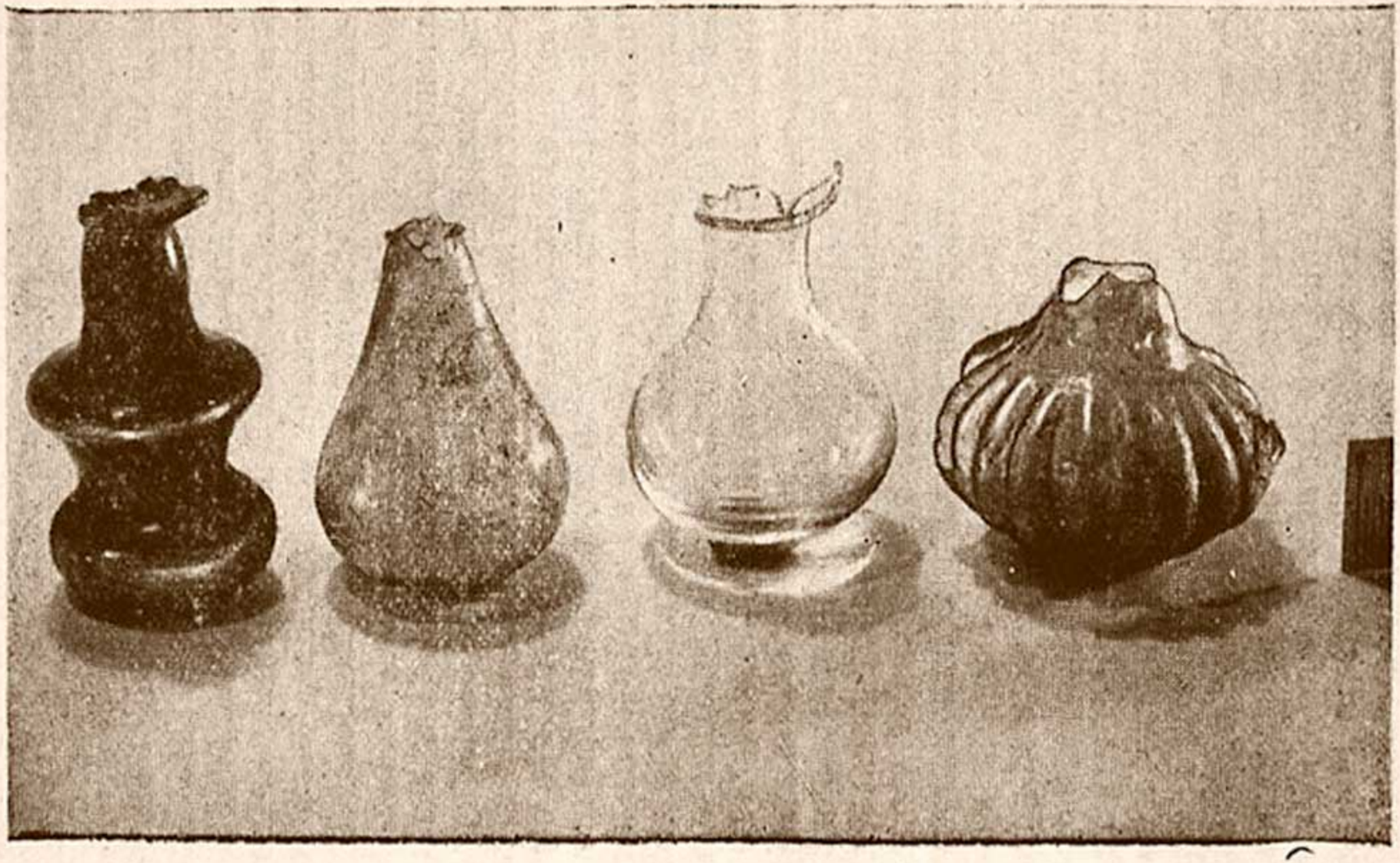

Рис. 3.

Графины. Среди этой группы сосудов уникальным не только для эрмитажного собрания, но и для среднеазиатского стекла является сосуд из собрания Кастальского[4] (рис. 2). Графин выдут из слегка просвечивающегося светлого с желтоватым оттенком стекла. Он покрыт орнаментом, выполненным техникой огранки, видимо, с использованием точильного столика. Орнамент отчетливо прослеживается на фотографии.

В собрании много узкогорлых флаконов небольших размеров, как тонкостенных, так и толстостенных. Все они выдувались в орнаментированную форму. Основные мотивы орнамента — ячейки, плетенка.

Целые рюмки и флаконы в коллекциях отсутствуют, хотя фрагменты говорят о их многочисленности. Обычно рюмка имеет колоколообразный резервуар, тонкую высокую ножку и плоский поддон. Встречаются и бокалы без ножек, что и обеспечило их лучшую сохранность.

В коллекции много маленьких, начиная с размера напёрстка, изящных миниатюрных сосудов различной формы. Все эти сосуды служили посудой аттарам и считаются аптекарско-парфюмерной посудой (рис. 3).

Из других форм стеклянных сосудов заслуживают внимания чираги, аналогичные керамическим предметам бешика — среднеазиатской древней люльки: сумаки и туваки.

Немалое место среди стеклянных изделий занимают сосуды специального назначения (их особенно много в коллекции Юсупова). Новым (коллекция Кастальского) среди ранее известных автору[5] алхимических сосудов является бутыль с удлиненным узким туловом; дно имеет круглое отверстие. О такого рода сосудах пишет Ар-Рази[6]. Ритоны также встречены в коллекции Кастальского. Орнаментация и форма такие же, как описанные раньше[7].

Таким образом, для коллекций Эрмитажа характерно многообразие форм, орнаментов и техники изготовления. Всем своим обликом эрмитажное собрание сходно с афрасиабским стеклом, хранящимся в собрании Республиканского музея истории искусства и культуры узбекского народа, и со стеклом, найденным на Афрасиабе в последние годы. Оно датируется X—XII вв.

---

[4] Сосуд (СА 2402) выставлен в экспозиции Эрмитажа.

[5] М. Аминджанова. О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра, История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 246.

[6] У. Каримов. Неизвестное сочинение Ар-Рази, «Книга тайны тайн», Ташкент, 1957, стр. 121, прим. 34, стр. 95—96.

[7] М. Аминджанова. О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра, стр. 241.

Т. Р. АГЗАМХОДЖАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В СЕЛЕНИИ ПАНГАЗ

В августе 1963 г. нами при участии лаборанта В. Суровенко было проведено маршрутное обследование в селении Пангаз бывшей Ленинабадской области Таджикской ССР, расположенном в узком ущелье в верховьях р. Пангаз.

Здесь мы обратили внимание на современный своеобразный обряд захоронения. Большинство жителей селения своих покойников хоронит по традиционному мусульманскому обряду: обмывают, облачают в саван (кафан) из белой материи и хоронят в могиле. Однако несколько семейств этого селения сохранили более древний обряд — групповые захоронения в надземных склепах.

Кладбище Марикиато, общей площадью 4,5—5 *га*, находится на северо-западной окраине кишлака. Оно окружено высокой стеной. Внутри кладбища расположены три семейных склепа. Рассмотрим строение одного из них.

Это сооружение представляет собой двухкамерное помещение размером 4,7×2,3 *м*, ориентированное с севера на юг. Для фундамента использованы окатанные камни до 0,5 *м* высоты, выше них уложена пахса, в которой встречается много гравия. Стены помещения снаружи и внутри оштукатурены глиной о примесью самана. Крыша плоская, слегка покатая к югу. Для перекрытия использованы бревна, концы которых торчат снаружи. Промежутки между бревнами заполнены уложенным поперек хворостом, покрытым тонким слоем глины, который обмазан глино-саманным раствором. Вход находился в южной стене. Небольшая (0,7×0,8 *м*) одностворчатая дверь на железных петлях, сколоченая из тонких досок, располагалась на высоте 0,4 *м* от пола. Дверь была заперта висячим замком и снаружи заштукатурена глиной с саманом.

С правой стороны от входа лежит большой белый окатан-

ный валун, на котором высечено на таджикском языке арабским шрифтом بناکردام ۱۳۲۲ («построил в 1322 году»), что соответствует 1893—1894 гг.[1]

Вскрыв дверь, около входа на полу мы увидели лежащие рядом лицом вверх три человеческих скелета, обращенных головами на север. Как сообщил нам уроженец этого кишлака, 71-летний служитель кладбища, первый покойник был похоронен в 1940 г. в возрасте около 80 лет, спустя четыре года, т. е. в 1944 г., около него похоронили его младшего брата 78 лет. Возле последнего покойника в 1951 г. похоронена его дочь. У первых двух скелетов полностью истлели мягкие покровы, а у третьего местами еще остались. На скелетах сохранились истлевшие кусочки материи (кафана), ставшие темно-коричневыми. Покойники лежали на подстилке из розового песка.

В северо-западном углу склепа находилось небольшое возвышение квадратной формы высотой около 1 *м*, размером 1×1 *м*. В его южной стене вделана небольшая арочная выемка, внутри которой лежали какие-то тряпки и один чугунный светильник.

Восточная часть склепа отделена стеной. Размеры ее 4,7×1,1 *м*. В нее можно попасть лишь ползком через небольшое отверстие, находящееся в середине перегородки. Из-за неосвещенности этого помещения нам не удалось полностью увидеть имевшиеся там предметы. Около входа-лаза лежал скелет человека, ориентированный головой на север. Пол этой камеры находился на одном уровне с первым и устлан розовым песком.

Наш приезд совпал со временем пристройки к западной стене первого склепа нового, который строил сын последнего покойника для себя и членов своей семьи. Он возвел три пахсовые стены, а четвертая являлась общей. Размеры нового склепа 4,4×2,3 *м* при высоте 2,5 *м*. Крыша перекрыта бревнами, вход расположен с южной стороны, небольшая сколоченная из досок дверь (1×0,7 *м*) выше пола на 0,4 *м*. Пол этого помещения, устланный песком, находится на одном уровне с полом старого склепа. К западу от нового склепа на расстоянии одного метра построен каркасный айван размером 2×2 *м*, обращенный открытой стороной к склепу. Крыша айвана покрыта шифером, пол приподнят на 0,3 *м* от уровня земли.

---

[1] Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления, М.—Л., 1961, стр. 269.

Недалеко от описанных склепов, в 30—35 *м* к юго-западу, стоит еще один склеп, но размеры его несколько больше — 3×4 *м*. Стены сооружены также из пахсы. Плоская крыша обрушилась внутрь, поэтому человеческие кости оказались погребенными. Вход в склеп находился с юго-восточной стороны.

Аналогичное сооружение расположено и к северо-западу от первого склепа, крыша его также обрушилась внутрь помещения.

В той же местности, примерно в километре к востоку от вышеописанного кладбища, находится другое, называемое местными жителями Бобо-Миттак[2]. Здесь также имеется подобный семейный склеп, расположенный на высоком каменистом холме. Внутри него на полу лежали несколько человеческих скелетов.

Интересно привести выдержку из книги Танкалуши Вавилонского, в которой говорится о подобных сооружениях: «Восходят мерзкие, отвратительные на вид мрачные вещи: никто не может ни смотреть на них, ни приблизиться к ним, ни обонять их запаха, ибо они находятся в положении науса, стены которого развалились, так что [находящиеся в нем] мертвые тела оказались на виду у всех смотрящих»[3].

Самым ближайшим памятником этого типа является вскрытый в 1938 г. И. А. Сухаревым около Кафыр-кала-под Самаркандом, где было обнаружено 3 науса. Один из наусов состоял из трех помещений, построенных как и в Пангазе, в разное время. Стены их сооружены также из пахсы и оштукатурены глиной с примесью самана. В восточной стене находились два входа, расположенные симметрично, ближе к боковым сторонам фасада. Вход-лаз также был невысоким —96 *см*.

Внутри найдены разрозненные человеческие кости и оссуарии. Этот памятник по монетным находкам датирован VII—VIII вв. н. э.[4]

Исследованное нами современное погребальное сооружение интересно тем, что обряд захоронения в селении Пангаз, возможно, является отголоском древней религии — зороастризма, — распространенной в Средней Азии, в том числе и в Чирчикангренском районе, в IV—VIII вв.

---

[2] Об этом сооружении нам сообщили Г. Дадабаев и Ю. Буряков.

[3] Я. Борисов. О значении слова «наус», ТОВЭ, т. III, М.-Л, 1940, стр. 304.

[4] И. А. Сухарев. Зороастрийские наусы городища Кафыр-кала, Рукопись Института истории и археологии АН УзССР, инв. 136, стр. 8—16.

М. Н. ФЕДОРОВ

МУХАММАД ХОРЕЗМШАХ И ЧЕКАН САМАРКАНДА В КОНЦЕ ПЕРВОГО И ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XIII В.

(Нумизматические данные к истории Самарканда начала XIII в.)

История Самарканда начала XIII в. неразрывно связана с именами двух правителей: последнего самаркандского караханида Османа ибн Ибрахима и предпоследнего хорезмшаха Мухаммада ибн Текеша.

Долголетнее и благополучное правление Ибрахима ибн Хусейна в Самарканде, которое началось в 1178 г., окончилось где-то между 1201 и 1204 гг. В это время на смену ему пришел его сын Осман, которому в 1201 г. было 14 или 15 лет[1]. Самое позднее упоминание об Ибрахиме ибн Хусейне имеется на динарах Бухары[2], битых в 597 (1200/1) г. и в рукописи Мухаммада Ауфи (XII — начало XIII вв.) «Лубаб ал-Албаб», где говорится, что в апреле—мае 1201 г. Ибрахим был еще жив[3].

По Джувейни, в 1204 г. Осман ибн Ибрахим был уже султаном Самарканда и пришел вместе с войсками каракитаев на выручку к Мухаммаду хорезмшаху, который был осажден в Ургенче армией гуров во главе с Шихаб ад-Дином[4]. Нумизматические данные, в частности чекан караханида Кадыра в Уздженде, позволяют утверждать, что переход Самарканда к Осману произошел в 1204 г. или незадолго до этого[5]. С это-

[1] W. Barthold. Turkestan down to the mongol invasion, L., 1958, стр. 353, примечание 6.

[2] А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского эрмитажа, СПб., 1896, стр. 289, № 595.

[3] W. Barthold. Op. cit., стр. 353, примечание 5.

[4] W. Barthold. Op. cit., стр. 350.

[5] Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии Среднеазиатских караханидов, Труды ГИМ, вып. 26, Нумизматический сборник, часть II, М., 1957, стр. 98.

го времени Осман лавирует между двумя крупнейшими силами того времени, признавая себя то подданным каракитаев, то подданным Мухаммада хорезмшаха.

В Самаркандском музее имеется целый ряд монет, битых Османом в 605 (1208/9) г. Это медные дирхемы весом 8,4 и 2,9 *г*. К этой группе возможно относится и монета 605 г. х. весом 4,75 *г*, однако на ней не сохранилось наименования города, а скудные обрывки титулатуры не оставляют полной уверенности, что это дирхем Османа. Некоторые из монет сохранили следы посеребрения.

№ 9471 Вес (в.)— 8,4 *г*, диаметр (д.)— 4,3 *см*. На аверсе в поле в ободке из 2 линейных кругов (л. к.): لدين الله Внутренняя круговая легенда в ободке из 1 л. к.: لا اله الا الله محمد رسول الله الناصر Внешняя круговая в ободке из 2 л.к.: بسم الله ضربهذا الدرهم بسمر[قند] سنه خمس و ستمايه На реверсе в поле в ободке из 1 л.к: / السلطان العادل / منصورى Круговая в ободке из 2 л. к.: بسم الله ضربهذا الدرهم بسمرقند سنه ... / الاعظم الغ / سلطان السلاطين / عثمان

№ 310. В.—2,9 *г*, д.— 3 *см*. На аверсе в поле в ободке из 2 л. к.: لدين / لااله الا / الله محمد / رسول الله / الناصر Круговая легенда в линейном ободке: بسم الله ضربهذا الدرهم بسمرقند سنه خمس (sic!) Числа сотен нет. На реверсе в поле в ободке из 1 л. к. ابراهيم / بن / عثمان / السلطان / قادرى Круговая легенда вообще не имеет даты: بسم الله ضربهذا الدرهم بسمرقند سنه (sic!)

На этих монетах Осман выступает еще как самостоятельный правитель.

Впервые имя Мухаммада хорезмшаха появляется на монетах Самарканда 606 (1209/10) г. Выпуском этих монет Осман официально признал себя вассалом хорезмшаха. Это крупные медные дирхемы весом до 8,4 г, местами сохранившие следы посеребрения.

№ 9473. В.—8,4 *г*, д.—4,25 *см*. На аверсе в поле в ободке из 2 л. к.: لدين/الله Внутренная круговая в ободке из 1 л. к.: لااله الا الله محمد رسول الله الناصر

Внешняя круговая легенда в ободке из 2 л. к. [بسم] الله ضربهذاالدرهم [بسمر]قند سنه ست [وست]مايه
На реверсе в поле в ободке из 1 л. к.: منصورى / السلطان العظم / محمد بن سلطان / السلطان الاعظم / عثمان Круговая в ободке из 1 л. к. بسم الله ضربهذا الدرهم [بسمرقند] سنه ست [وستمايه]

Е. А. Давидович, основываясь на анализе нумизматических и исторических материалов, дает краткий очерк событий, связанных с правлением Османа в Самарканде[6].

В 604 (1207/8) г. Мухаммад хорезмшах совершает поход на каракитаев и захватывает Бухару. В это время происходит сближение Османа и Мухаммада ибн Текеша. Их отношения имели вид равноправного союза, поэтому в 605 (1208/9) г. Осман бил монету от своего имени. Однако в 607 (1210) г. Осман уже был вассалом Мухаммада. На аверсе монет в поле размещена калима и имя Халифа ан-Насыр. Лиддин Иллаха: لا اله الا الله / محمد رسول الله / الناصر / مبارکی В круговой легенде: بسم الله ضربهذا الدرهم بسمرقند لدين الله На реверсе в поле: تكشر / السلطان الاعظم / سنه سبع وستمايه محمد بن سلطان / السلطان المعظم / عثمان بن سلطان / ابرهيم Круговая легенда та же, что и на аверсе.

С 1212 г. Самарканд находился в руках хорезмшаха. Как это отразилось на работе монетного двора Самарканда? Нумизматический материал позволяет сделать ряд интересных наблюдений. Можно предположить, что первое время своего правления Мухаммад ибн Текеш чеканил в Самарканде монету без упоминания своего имени.

Однако уже через несколько месяцев после смерти Османа, которого хорезмшах приказал казнить в 609 г. х., в 610 г. х. (1213—1214 гг.) Самаркандский монетный двор интенсивно чеканил монету с именем и полным титулом хорезмшаха. Основную массу продукции монетного двора составля-

---

[6] Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии.., стр. 113—114.

[7] А. К. Марков. Инвентарный каталог.., стр. 294, № 614.

ли крупные посеребренные дирхемы, выпускались также и золотые динары. В правление Мухаммада хорезмшаха чеканилась также в очень небольших количествах и высокопробная серебряная монета, но у нас нет сведений, что она чеканилась в Самарканде.

Вес динаров Хорезмшаха, битых в Самарканде, колебался в пределах 4 *г*. В Самаркандском музее имется такой динар. № 325. В.—4,2 *г*, д.—2,55 *см*. На аверсе в ободке из 1 л. к. [الله] / الناصر لدين / رسول الله / محمد الله / لا اله الا Круговая легенда: [محمد رسول الله] ارسله [بالهدى ودين الحق الخ] На реверсе в ободке из 1 л. к.: علاء الدنيا / السلطان الاعظم / الله Круговая легенда و الدين / ابو الفتح محمد بن / السلطان تكشر. легенда реверса: [بسم الله ضرب هذا الدينار بسمر] قند [سنه....و] ست مايه.

За 7 лет — с 610 по 1616 г. х. — Самаркандский монетный двор выпустил большое количество медных посеребренных дирхемов нескольких установившихся типов. Легенды на всех монетах, за очень редким исключением, одинаковы. На аверсе была калима и имя халифа, на реверсе — почетный эпитет и титулатура Мухаммада в следующем варианте: السلطان العادل الاعظم محمد بن سلطان تكشر Круговые легенды аверса и реверса идентичны и содержат выпускные сведения. Разница заключается лишь в почетных эпитетах, оформлении (различные картуши и ободки из 1 или 2 л. к.), а также в размещении имени халифа. Так, иногда имя халифа ан-Насир пишется в конце III строчки в поле, а Лиддин Иллах под ней, а иногда ан-Насыр пишется под III строчкой легенды, а Лиддин Иллах над легендой. Характерным почти для всех монет является так называемый «узел счастья», помещаемый на реверсе под легендой в поле.

Эпитеты Мухаммада на его монетах разнообразны и весьма многочисленны. Это или имена великих лиц (Искандер, Санджар, Джемшид) или слова, выражающие могущество, победоносность, непоколебимость. Так, Искандери (Секундери) значит «подобный Александру» (Македонскому); Джемшиди — «подобный Джемшиду» (легендарному царю из «Шах-Намэ»). Наиболее любимым эпитетом Мухаммада был «Санджари». В. В. Бартольд сообщает, что наиболее охотно хорезмшах позволял именовать себя «Султан Санджар» и

что это было вызвано необычно долголетним правлением сельджукидского султана[8].

Известны монеты Самарканда 610 (1213/4) г. с эпитетами «Секундери» и «Джемшиди», 613 (1216/7) — «Зафари», 614 (1217/8) — «Мансури», 615 (1218/9) — «Кадери», 616 (1219/20) г. — «Джемшиди»[9].

На основании изучения нумизматических фондов Самаркандского музея и других доступных материалов мы попытались реставрировать штампы медных дирхемов нескольких типов.

Самарканд 610 (1213/4) г.— „Джемшиди". На аверсе в ободке из 1 л. к. и в картуше в виде квадрата, из середин сторон которого выступают полукружья, калима и имя халифа: الـلـه/لاالهالا/الله محمدرسول/الله الناصر/لدين. Круговая легенда: بسم‌الله ضربهز الدرهم بسمرقند سنه عشره و ستمايه На реверсе в ободке из 1 л. к. в поле: السلطان/جمشيدى Круговая легенда العادل/الاعظم محمد/بن سلطان تكش/ه та же, что на аверсе.

Самарканд 614 (1217/8)— „Мансури". На аверсе в поле в ободке из 2 л. к. الله لاالهالا/الله محمد/رسول الله/الناصر لدين/ Круговая легенда: بسم‌الله ضربهذ الدرهم بسمرقند سنه اربع عشر و ستمايه На реверсе в поле в ободке из 2 л. к.: السلطان العادل/الاعظم محمد/بن سلطان تكش منصورى/ Круговая легенда: بسم‌الله ضربهذ الدرهم بسمرقند سنه اربع عشر و ستمايه

Самарканд 615 (1218/9)— „Кадыри". Аверс. Круг, вписанный в квадрат, стороны которого переплетаются по углам. В кругу калима и имя халифа: لدين الله/لاالهالا/الله По сторонамквадрата:/ بسم‌الله ضر/ محمد/رسول‌الله/الناصر На реверсе в

---

[8] W. Barthold. Op. cit., 363-364.

[9] А. К. Марков. Инвентарный каталог.., стр. 297—302, №№32—45.

قادری /. السلطا / العادل / الاعظم محمد / بن :.к .л 2 из ободке
∞ سلطان تکش Круговая легенда содержит выпускные све-
дения: بسم الله ضربهذ الدر هم بسمرقند سنه خمس عشر
و ستمایه

Самарканд 616 (1219/20)— „Джемшиди". Отличается от монет 610 г. х. лишь круговой легендой: вместо و عشره ست عشر و ستمایه написано Вес монет 610 г. х.—до 7,9—7,6 *г*, вес монет 614 г. х.—в пределах 6,25 *г*, 615 г. х.— от 5,2 до 4,8 *г* и 616 г. х.—от 6,8 до 5,3 и даже до 4,4 *г*.

Самым распространенным и наиболее многочисленным является тип монет с эпитетом «Джемшиди». Если из монет остальных типов найдены единицы, то монет «Джемшиди» — десятки. Между монетами с эпитетом «Джемшиди» наблюдается на первый взгляд незначительное различие: у меньшей части из них отсутствуют четыре точки по краям картуша на аверсе, а большинство имеет эти точки. Прослеживается интересная закономерность: монеты без точек, как правило, тяжелее монет с точками.

Монеты «Джемшиди» находят в больших количествах на Афрасиабе и в его окрестностях, причем характерно, что большинство из них обнаружено в виде кладов. Так, за последние 10 лет найдено три клада таких монет. 14 июля 1953 г. на территории рисозавода, расположенного напротив мавзолея Ходжи Данияра и отделенного от Афрасиаба лишь арыком Сиаб, был найден клад из четырех монет этого типа (Самаркандский музей № 8823—8826). 18 февраля 1954 г. неподалеку от этого рисозавода был обнаружен клад из 29 монет «Джемшиди» и 1 монеты Османа ибн Ибрахима. 21 сентября 1959 г. на Афрасиабе на раскопе к северо-западу от соборной мечети найден клад из 9 монет «Джемшиди» и 2 «Кадыри».

Тот факт, что монеты типа «Джемшиди», выпущенные в основной массе в 616 (1219/20) г., составляют подавляющее большинство среди монет Мухаммада хорезмшаха, битых в Самарканде, объясняется довольно легко. 1219/20 г. — это время, когда грозная лавина номадов Чингиз-хана уже в полной мере показала свою мощь мусульманскому миру и продолжала надвигаться вперед, вселяя ужас и оставляя позади горы трупов, руины и пожарища.

Мухаммад придавал большое значение обороне Самарканда — центрального города Трансоксианы, — и поэтому в

616 г. х. здесь было сосредоточено наибольшее количество войск. После размещения гарнизона перед жителями и администрацией города встал вопрос о содержании этой многочисленной армии. Содержание армии и строительство укреплений требовали огромных денежных средств, и именно поэтому Самаркандский монетный двор работал с небывалой за многие-многие десятилетия нагрузкой.

Сохранилось очень своеобразное и интересное свидетельство той активности, с какой велась работа на Самаркандском монетном дворе. Это — своего рода нумизматический казус. В 1959 г. в Афрасиабском кладе обнаружена монета (№ 3), аверс которой бит штампом 610 (1213/4) г., а реверс — штампом 616 (1219/20) г. Эта находка оказалась неуникальной. В 1963 г. в Самаркандском музее, изучая рисозаводской клад 1954г., мы обнаружили и вторую точно такую же монету (№ 8852). Для объяснения этого явления можно выдвинуть две гипотезы: или хранитель инструментов выдал монетарию матрицу давно прошедшего года по ошибке, или, что более вероятно в условиях интенсивной работы, когда простой нежелателен, матрица 610 г. х. заменила на время вышедшую из строя матрицу 616 г. х. Долгое время оставалось загадкой, почему у части монет «Джемшиди» отсутствуют точки по краям картуша на аверсе, а большинство монет имеет их, и почему монеты без точек тяжелее. Действительно, вес монет без точек колеблется в пределах 7,9 — 7,7 *г*. Исключение составляют только монеты 610/616 г., которые весят 6,9 и 5,9 *г*. Вес монет с точками варьирует в пределах 6,8 — 5,3 и даже 4,4 *г*, хотя имеется монета весом в 7,4 *г* (№ 8839).

Нам кажется, что большинство (если не все) монет с точками бито в 616 г. Причем в начале 616 г. х. их вес колебался в пределах 7,4 *г*, а затем, когда в Самарканд был введен гарнизон и понадобилось огромное количество денег для содержания войск и производства строительных работ, самаркандские власти сознательно пошли на уменьшение веса монет на 1—2 *г*, так что вместо четырех старых можно было выбить пять новых монет, т. е. вместо 4000 выпустить 5000, а это уже ощутимая разница, особенно если на монетном дворе не хватало меди. Монеты 610/616 г. х. имеют вес 6,9 и 5,9 *г* (а не 7,9 и 7,7 *г*, как другие монеты без точек на аверсе) именно потому, что их аверс был бит старой матрицей 610 г. х. уже в период интенсивной работы монетного двора и сокращения веса дирхемов в 616 г. х.

Два клада (1953 и 1954 гг.), спрятанные за пределами крепостных стен Самарканда, могли принадлежать крестья-

нам, продавшим свой товар в городе и спрятавшим выручку до лучших времен. Очень интересно, что наряду с «Джемшиди», буквально наводнившими денежный рынок в 616 (1219/20) г., и другими типами монет хорезмшаха продолжали еще ходить монеты Османа ибн Ибрахима. Так, в кладе 1954 г. наряду с «Джемшиди» был медный дирхем Османа (Самаркандский музей № 8861, в. — 2,7 *г*, д. — 3 *см*). На аверсе в линейном ободке и восьмилепестковом картуше помещена калима: لااله الا الله / محمد رسول الله Круговая легенда, заключенная между двумя л., не сохранилась. На реверсе в ободке в поле: عثمان بن / ابرهيم / السلطان / منصورى Круговая между двумя линейными ободками: ضربهذ الله... ...الدرهم По-видимому, монета бита до 606 г. х,, так как Осман выступает на ней как самостоятельный правитель.

Наибольший интерес представляет находящаяся в Самаркандском музее совершенно обособленная группа анонимных монет с эпитетами خاقان قدرى خانى и مرحومى؟, битых в Самарканде в 617 (1220/21) г. Эти монеты могли быть выпущены уже во время осады, ибо Самарканд пал в первые дни 617 г. х. Возможно также, что они были выбиты в конце 616 г. х. для того, чтобы быть пущенными в обращение в 617 г. х.

Самым распространенным является тип خانى (четыре экземпляра: № 8520, 8972, 9000 и 9290). Вес и диаметр монет: 1) 5,7 *г* и 3,5 *см*; 2) 3,6 *г* и 3,3 *см*; 3) 5,6 *г* и 3,4 *см*; 4) 5,8 *г* и 3,5 *см*. Дается реконструкция надписей матрицы по четырем монетам. Реверс в поле, в ободке из 2 л. к. بسم الله :Круговая الله/لااله الا/الله محمد/رسول الله النا/صر لدين ضربهذ الدرهم ببلده السمرقند بتاريخ سنه سبع و عشر و ستمايه Аверс в ободке из 1 л. к. / الناصر لدين الله / الامام الاعظم/خانى Круговая та же, что и на аверсе. امير المومنين

II тип قدرى (№ 9115). В.—5,9 *г*, д.—3,3 *см*. Аверс в по-

ле в ободке из 2 л. к. قدری/الامام الاعظم/الناصر لدین الله/امیر [بسم‌الله ضربهذ الدرهم] بسمرقند سنه :Круговая المومنین [سبع عشر و ستمایه] Реверс в ободке из 1 л. к. в картуше: [بسم‌الله ضربهذ :Круговая легенда لااله‌الا/الله محمد/رسول‌الله الدرهم بسمرقند] سنه سبع عشر [و ستمایه]

III тип خاقان (№ 9118). В.—6,3 *г*, д.—3,7 *см*. Аверс в поле в ободке из 1 л. к.:/خاقان/الامام الاعظم/الناصر لدین الله امیر المومنین Круговая легенда в ободке из 1 л. к. [بسم الله ضربهذ الدرهم] بسمرقند [سنه...] Реверс в 13-лепестковом картуше: لا/له/الله محمد/رسول‌الله Круговая в ободке из 1 л. к. не сохранилась.

IV тип مرحومی؟[10] № 8999. В.—5,8 *г*, д.—3,4 *см*. Аверс в поле в ободке из 2 л. к. الناصر/الامام الاعظم/مرحومی؟ Круговая не сохранилась. لدین الله/امیر المومنین

На реверсе в поле в ободке из 2 л. к. в центре الله ین по сторонам квадратов размещена начальная часть легенды: لا‌اله‌الا/الله محمد/رسول‌الل،/الناصر لد Круговая в ободке из 1 л. к.: بسم‌الله ضربهذ الدرهم بسمرقند سنه...

Несмотря на то, что на двух последних типах дата не сохранилась, мы можем уверенно датировать их 617 г. х., так как в начале VII в. х. нам известны анонимные монеты Самарканда только для 617 г. х.

Итак, описанная выше группа монет дает очень интересный материал по истории Самарканда в начале 1220 г.

---

[10] مرحوم — достойный сострадания, получивший милость бога, почивший. مرحومی — монета получившего милость бога, почившего. Возможно, этот эпитет относится к казненному Осману. Вообще чтение предположительное, ибо написание букв م и ح несколько нестандартное.

Н. С. ГРАЖДАНКИНА

НАБЕРЕЖНАЯ КАЛЫ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

Вдоль всей южной стороны цитадели Старого Термеза длинной полосой протянулось сооружение, вполне заслуживающее наименования инженерного. Оно выполняло одновременно несколько функций: набережной, речного порта, берегоукрепительного и, возможно, оборонительного приспособления. В археологическую литературу оно вошло под наименованием набережной.

Сооружение представляет собой стену толщиной 1,5— 2 *м* с переменной высотой. Стена подперта серией выступающих в реку контрофорсов с закругленными окончаниями и имеет длинные выступы прямоугольного сечения типа шпор. Она выступает по обе стороны южного фаса калы на расстояние около 60 *м* и заканчивается мощными контрофорсами с такими же полукруглыми основаниями. Между западным крайним контрофорсом и западным фасом калы от Амударьи поднимаются остатки лестницы с широкими ступенями, вернее пандуса с уступами, сложенного из того же материала, что и все сооружение. С восточной стороны стена сильно повреждена, а берег густо зарос кустарником и травой, различить береговое устройство без специальных расчисток чрезвычайно трудно.

Возведение набережной в археологической литературе связывается с восстановлением термезской цитадели Халиль-Султаном летом 1407 г. во время борьбы за престолонаследие, последовавшей после смерти Тимура[1].

Наиболее раннее и подробное описание набережной было дано И. Т. Пославским в конце прошлого века, уточненное

[1] В. А. Шишкин. К исторической топографии Старого Термеза, Труды УзФАН АН СССР, История и археология, вып. 2, ТАКЭ 1936, г. Ташкент, 1941, стр. 132; М. Е. Массон. Городище Старого Термеза и их изучение, там же, стр. 101.

затем Б. Н. Кастальским, считавшим, что возведение набережной относится ко времени более раннему, чем монгольское завоевание, после которого, по его мнению, крепость и набережная до настоящего времени не возобновлялись[2]. По словам этих авторов, проводивших обследования в 1895 и 1900 гг., набережная представляла собой ряд выступов округленного и прямоугольного очертания, расположенных на расстоянии около 12—15 *м* друг от друга и выдававшихся в воду метров на 7—8. Выступы были соединены стенкой, их количество составляло около 30, сохранилось же полностью 23, а от 6—7 — лишь место[3].

На фотографии Б. Н. Кастальского 1900 г. дается вид на развалины крепости с запада: отчетливо виден выступ у юго-западного угла калы, имеющий длину (по сопоставлению ее с высотой цитадели) порядка 20 *м*[4]. В настоящее время от него уцелел только обломок шириной 4 *м*, длиной не более 3 *м*. Остальные выступы сохранились также лишь частично. Сама стенка имеет переменную высоту — от 1,4 до 2,85 *м*, в среднем 1,7—2,30 *м*. Высота стенки зависит от ее сохранности и изменения рельефа ее основания. В прямой зависимости от последнего находится и сохранность стенки: берег Амударьи сложен здесь пластами буроватого и желтоватого известняка, может быть, мергеля, но часть набережной все же выступает на галечниковый грунт, беспрестанно размываемый рекой. Стенка в этих местах обрушена, большие куски ее лежат в воде, а некоторые контрофорсы нависают над водой, удерживаемые стеной, которую они некогда подпирали.

Контрофорсы имеют ширину по верху в пределах 5—6,5 *м*, выступая за стенку на 4,5—5 *м* (рис., *а*). Встречается дважды и второй тип контрофорса, имеющий прямоугольное в плане очертание, к торцу его приложены без перевязки с кладкой два более узких выступа вроде шпор (рис., *б*). Выступы прямоугольного сечения с шириной по верху 2—2,15 *м* чередуются с полукруглыми контрофорсами, иногда охватывая их с двух сторон (рис., *а*). Эти выступы также не связаны со стеной. Является ли это закономерным по отношению ко всей набережной, сказать трудно: все узкие выступы-шпоры обломаны, некоторые разрушены совершенно. Характер разрушения явно специальный, вода и время в этом случае только помогали человеку. Эти шпоры, по-видимому, выдавались в реку на 6—8 *м* и служили, вероятнее всего, местом

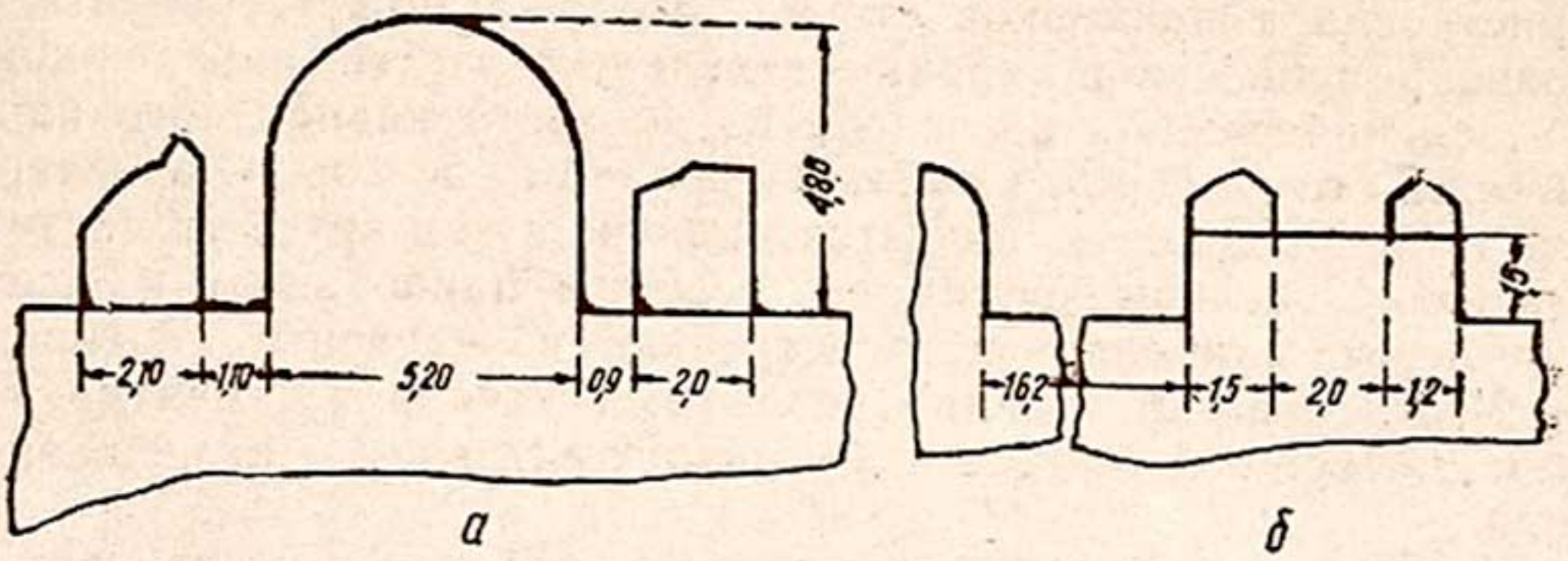
---

[2] Б. Н. Кастальский. Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин, Вестник ирригации, 1930, № 2, стр. 86.

[3] Он же. Указ. соч., Вестник ирригации, № 3, стр. 7.

[4] Там же, стр. 6.

защищенной стоянки больших каюков, так как расстояние между ними около 7 *м*. Одновременно шпоры должны были служить и волнорезами, предохранявшими основание крепости от размыва. Не исключена вероятность устройства на контрофорсах сторожевых постов и даже небольших башен для охраны судов со стороны реки. Стенка, соединявшая основания контрофорсов, была подпорной стеной, сдерживавшей давление земляных масс и укреплявшей стены крепости. Контрофорсы разгружали стену, принимая на себя часть давления. Таким образом, мы имеем здесь дело с серьезным, по-инженерному осмысленным и построенным сооружением.

а *б*

План контрофорсов:

а—полукруглого очертания с 2-мя примыкающими шпорами; *б*—прямоугольного очертания с 2—мя примыкающими шпорами.

Когда же построено это сооружение? Сведения Истахари 951 г. говорят о том, что Термез служил гаванью на Джейхуне. Максиди в 985 г. сообщает, что к нему «со всех сторон пристают корабли». Джувейни отмечает, что часть стен города в XIII в. была расположена в реке. Ибн-Ходарбех (IX в.) говорит о расположении города на скале у реки, омывающей его стены[5]. Следовательно, Термез уже в IX—X вв. был сильной гаванью, принимавшей речные суда. Естественно, что для этого нужны были приспособления, так как сырцовые стены не могли безнаказанно омываться водой. Берег Амударьи должен был в какой-то степени размываться. Значит, какая-то набережная, вернее какое-то укрепление берега и нижних частей стен должно было существовать. Источники не говорят о постройке набережной непосредственно Халиль-Султаном,

---

[5] И. Пославский. О развалинах Термеза, ПТКЛА от 26 февраля 1896 г., стр. 5. Цитируется по сообщению В. В. Бартольда.

а только о восстановлении им Старой крепости в Термезе[6]. Возможно, что набережная, существовавшая ранее, была им только отремонтирована.

Некоторое представление о времени возведения может дать сопоставление материалов набережной с материалами датированных гидротехнических сооружений. В настоящее время мы уже располагаем значительными сведениями о гидротехнических сооружениях средневекового Узбекистана по работам Я. Г. Гулямова и А. М. Мухамеджанова, а также результатами исследования гидротехнических строительных материалов.

Обследование набережной выявило, что часть шпор была пристроена к подпорной стене. Это уже может говорить о разновременности постройки отдельных частей набережной.

Вся набережная возведена из жженого квадратного кирпича на светло-сером известково-зольном растворе. Характерной его особенностью является наличие в нем крупных частиц извести. Отдельные зерна достигают в наибольшем измерении 8 *мм,* наиболее часто встречаются частицы сечением 1—2 *мм.* Судя по строению угольных остатков, в цементирующем материале была использована активная камышовая зола.

Кирпич, как это отмечалось и предыдущими исследователями, применен разноразмерный, частично использован старый, полученный от разборки отслуживших сооружений. Размеры его колеблются: сторона от 22,5 *см* до 28,5—29 *см;* толщина 3,5—7 *см.* Анализ большого числа измерений указывает, что крупноразмерный кирпич встречается редко, мелкий кирпич (22,5—24 × 3,5—4 *см*) составляет 12% от числа замерянных кирпичей; 32% падает на кирпич с длиной стороны 25,5—26,5 *см* и толщиной 3,5—4,5 *см;* 52% составляет кирпич 27—28 *см* в стороне, при толщине 4—4,5—5,5 *см.*

В памятниках Термеза XI—XII вв., таких как гурхана и летняя мечеть мавзолея Хакими Термези, аудиенц-зал во дворце Термезшахов, мавзолеи этого времени в комплексе Султан-Саадат, в основном встречается кирпич размером: длина 25—28,5 *см,* толщина — 3,5—4—4,4—5—5,5 и даже 6 *см.* В более позднее время размеры кирпича почти не изменяются: кирпич 25—28 × 4—5,5 *см* устойчиво бытует в Термезе с XI по XVII в. Правда, в сооружениях XVI—XVII вв. наблюдается неаккуратность формовки, благодаря чему боль-

---

[6] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб, 1914, стр. 73—ссылка на Ибн-Арабшаха, стр. 205; В. В. Бартольд. Улугбек и его время, Петроград, 1918, стр. 60.

Таблица 1

Химический состав строительных растворов из набережной скалы старого Термеза и некоторых аналогичных растворов из древних среднеазиатских сооружений

Номер пробы	Пробы растворов	SiO_2	Fe_2O_3	Al_2O_3	a O	MgO	SO_3	п. п. п.
	Набережная в старом Термезе							
964	Контрофорс у юго-западного фаса калы	21,22	1,41	4,31	31,02	1,91	3,58	31,60
965	Шпора прямоугольного сечения	27,54	1,81	5,72	28,40	2,26	4,03	26,97
966	Фрагмент стены, лежавший в воде	38,20	2,50	8,40	23,60	5,04	0,35	22,33
967	Контрофорс в средней части южного фаса калы	22,37	1,65	4,10	33,85	2,35	1,24	31,85
	Плотина Хишт-банд XII в. из местности Джам							
1008	Средние слои кладки, на высоте 3—4 *м*	12,66	1,28	2,77	43,66	2,07	0,56	37,28
1007	Верхние слои кладки	19,08	1.43	4,32	39,40	2,15	0,56	32,80
	Сардоба XII в. в древнем Мерве							
168	Кладка стены резервуара	39,32	10,31		25,53	2,92	2,48	19,0
170	Кладка пола	42,05	10,75		23,54	2,94	1,54	18,78
351	Сардоба XI—XII вв. в Мервском оазисе	39,75	2.11	6,48	22,77	2,63	5,38	19,53
60	Облицовка склепа мавзолея Ишрат-хана (2-я половина XV в).	18,24			37,57	2,59	3,49	29,75
585	Кладка склепа мавзолея Биби-ханым (рубеж XIV и XV вв.).	23,45	8,43 1,99	2,65	37,10	2,35	0,90	30,65

Таблица 2

Физико-технические показатели и составы строительных растворов из набережной кала в старом Термезе и некоторых аналогичных растворов из древних среднеазиатских сооружений

Номер пробы	Пробы растворов	Исходные материалы	Соотношение исходных материалов по весу, %	Объемный вес, г/см³	Водопоглощение по весу, %	Прочность при сжатии, кг/см²		Коэффициент размягчения
						в сухом состоянии	в насыщенном водой состоянии	
	Набережная в старом Термезе.							
964	Контрофорс у юго-западного фаса калы	Известь: растительная зола: гипс	53:39:8	—	—	68	22	0,32
965	Шпора прямоугольного сечения		43:49:9	1,02	39,40	53	22	0,42
	Плотина Хишт-банд XII в.							
1008	Средние слои кладки на высоте 3—4 м	Известь: растительная зола	82:18	1,35	38,2	75	22	0,29
1007	Верхние слои кладки		73,4:26,6	1,12	33,2	59	42	0,71
	Сардоба XII в. в древнем Мерве							
168	Кладка стены резервуара	Известь: растительная зола	40:60	1,17	—	47	18	0,30
170	Кладка пола		40:60	1,17	—	33	33	1,0
351	Сардоба XI—XII в. в Мервском оазисе	Известь: растительная зола: гипс	35,4:53,1:11,5	1,31	—	90	23	0,25
60	Облицовка склепа мавзолея Ишрат-хана (2-половина XV в.)		68:24,5:7,5	1,35	—	23	22	0,95
585	Кладка склепа мавзолея Би-би-ханым (рубеж XIV и XV вв.)		68:31:1	—	—	—	—	—

шинство кирпичей имеет неровности и искривления, чего нет в более раннем кирпиче и не наблюдалось в набережной.

Таким образом, кирпич не может служить датирующим материалом. Остаются строительные растворы. При полевом изучении набережной были отобраны пробы от контрофорсов, шпоры и большого фрагмента стены, лежавшего в воде. Визуальное и микроскопическое изучение проб не обнаружило между ними существенной разницы. Принципиально пробы № 964, № 967 из контрофорсов идентичны пробе № 965 из кладки шпоры, и только химические анализы (табл. 1) и вероятные количественные составы, полученные расчетом (табл. 2), выявляют имеющееся различие. Раствор из контрофорсов содержит больше извести, раствор из шпоры — золы. Размеры добавок гипса очень близки. Состав пробы № 966, долгое время находившейся под водой, существенно изменен за счет «выщелачивания» — вымывания растворенной извести. Некоторые из известковых зерен напоминают скорлупу. Это же, но в меньшей степени, наблюдается и в прочих пробах, подвергавшихся действию воды только в течение нескольких месяцев в году.

Вяжущие материалы набережной являются одними из лучших гидравлических вяжущих веществ древности. Заметно, что цементу старались придать наряду с водоустойчивостью и воздухостойкость, причем о последней заботились больше, чем о первой.

Обычный известково-зольный цемент при оптимальной для водных условий дозировке составляющих должен содержать золу до 70—80%, известь до 20—30%. Повышение содержания извести, как и увеличение крупности частиц цемента, приводит к общему понижению прочности, снижению водостойкости и повышению воздухостойкости. Для последнего практиковалось также введение в состав цемента небольшого количества (4—5%) гипса. Гипс, расширяясь при затвердевании, отчасти компенсирует высокую воздушную усадку известково-зольного цемента и одновременно влияет на структурообразование цементного камня.

В нашем случае стремление повысить воздухостойкость материала в сооружении, подвергавшемся переменному воздействию воды, привело к некоторому понижению водостойкости, что иллюстрируется частичным разрушением раствора в условиях постоянного водного режима (проба № 966) и снижением прочности материала при насыщении его водой (табл. 2).

В таблицах 1 и 2 приведены для сравнения данные по гидротехническим растворам некоторых сооружений Средней Азии

от XII до XV в. н. э. Известково-зольные цементы известны с VII—VIII вв. н. э. в кладке моста Пуль-Лаъ-Лака близ Рометана Бухарской области, но иного состава и иной структуры. Это темно-серый равномерно- и тонкозернистый материал с мелкими частицами извести. Добавка гипса в составе раствора отсутствует. Состав раствора приближается к оптимальному в водных условиях. Такая же разница существует и в известково-зольных цементах XVI в. из плотины Абдулла-хан-банди и из резервуаров водохранилищ в Голодной степи. Не сходны по структуре и цементы XV в., правда, не из гидротехнических сооружений, а из склепов (табл. 1 и 2).

Наиболее близки к цементам из набережной материалы X в., из плотины Хан-банди в горах Нуратау Самаркандской области и из плотины XII в. Хишт-банд в местности Джам[7]. Здесь имеется несовпадение составов: раствор из плотины Хан-банди приготовлен из извести и тонкого кварцевого песка, обладающего некоторой активностью, а из Хишт-банд — известково-зольный без гипса (табл. 1 и 2), но структурный принцип в обоих случаях выдержан точно. Здесь те же крупные частицы извести, то же преобладание известковой составляющей, предохраняющие раствор от разрушения на воздухе. Некоторая общность имеется и с раствором из резервуара сардобы XII в. в мервском оазисе (проба № 351).

Строительные традиции древности складывались постепенно на основе наблюдений за поведением материалов в практической работе. Условия работы цемента в набережной близки к таковым в плотинах. В обоих случаях водный режим периодически сменяется воздушным. Такой режим наиболее тяжел для цемента, так как вызывает в нем смену набухания и усадки, часто приводящие к появлению трещин. Как меры противодействия, строители применили повышение крупности зерен, что снижает быстроту образования гидросиликатов, и повышение дозировки извести, уменьшающую образование коллоидных силикатных масс, способствующих интенсивной усадке цемента при высыхании (пробы 1007 и 1008). Дополнением к этому способу служат добавки гипса, которые устойчиво существуют с XI по XVI в., когда, базируясь на них, стали избегать крупнозернистости структуры, приводящей к значительному выщелачиванию извести.

Сравнительный анализ гидротехнических материалов и учет исторических данных дают возможность предположить постройку набережной не позже XI—XII вв., тем более, что

---

[7] Пробы были отобраны и переданы для исследования А. М. Мухамеджановым, открывшим и обследовавшим плотины.

в этот период «Термез достиг небывалого до того развития»[8]. Вполне вероятно, что за период бездействия крепости и гавани, последовавшего за монгольским завоеванием, набережная была попорчена водами реки, а во время восстановления крепости в 1407 г. реставрирована, причем в это время были сооружены дополнительные шпоры для предохранения набережной от размыва, может быть даже они были сооружены на месте разрушения. Принцип приготовления растворов мог быть прежний, уже оправдавший себя при произвольном изменении дозировки, так как точно узнать старый состав в то время было невозможно.

Было бы очень желательно вновь обратиться к первоисточникам для проверки высказанного предположения о датировании уникального сооружения. Набережная в Старом Термезе, с ее конструктивными особенностями и цементами, является ярким свидетельством высокого для своего времени уровня технических знаний и большого строительного мастерства.

---

[8] М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 95.

Г. В. ШИШКИНА

О ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ ТЕРРАКОТ АФРАСИАБА

Долгое время накапливались и сейчас продолжают пополняться коллекции терракотовых статуэток и налепов, поднятых с поверхности городищ и не имеющих своего места во времени. Классификация этих предметов искусства на основе одних стилистических признаков допускает большую вероятность ошибки, тем более, что не могут быть сейчас ясными все особенности стиля какой-нибудь определенной эпохи. Датировка на основе археологических данных, если таковые существуют, имеет свои бесспорные преимущества перед чисто искусствоведческим анализом. В настоящей заметке будут рассмотрены несколько терракот, идентичных опубликованным В. А. Мешкерис в каталоге терракот Самаркандского музея[1], не связанных с культурными слоями.

В 1963 г. на северо-западной окраине городища Афрасиаб было заложено несколько стратиграфических шурфов, нижние слои которых определяются промежутком времени между первыми веками до нашей эры и рубежом нашей эры (за отсутствием четкой классификации керамического материала этого периода более точная датировка пока невозможна). Среди массы керамики, включающей тонкостенные красноангобированные лощеные кубки, найдены две фрагментированные фигурки всадников и один налеп от крупного сосуда.

Налеп (рис., *1*) найден на дне древнего протока в песчаном его заполнении и довольно сильно окатан водой. Оттиснут он на боковой стенке (толщиной 0,65 *см*) сосуда большого диаметра (около 30 *см*) с серым цветом черепка и наружной поверхностью, покрытой плотным слоем черного ангоба. Просмотр текстуры черепка под бинокулярным микроскопом

[1] В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962.

показал его невысокую плотность, довольно много мелких и крупных пор с рваными краями, отдельные, видимые невооруженным глазом включения извести и кварца. Глина средней дисперсности. Следов органики мало. Судя по неразложившимся частичкам извести, температура обжига была около 800—850°. Серый цвет черепка и черный ангоба объясняется, как это доказано Н. С. Гражданкиной путем исследования серии подобной керамики[2], обжигом сосудов, сформованных из красножгущихся глин и покрытых ярко-красным ангобом, в восстановительной среде. Толщина налепа

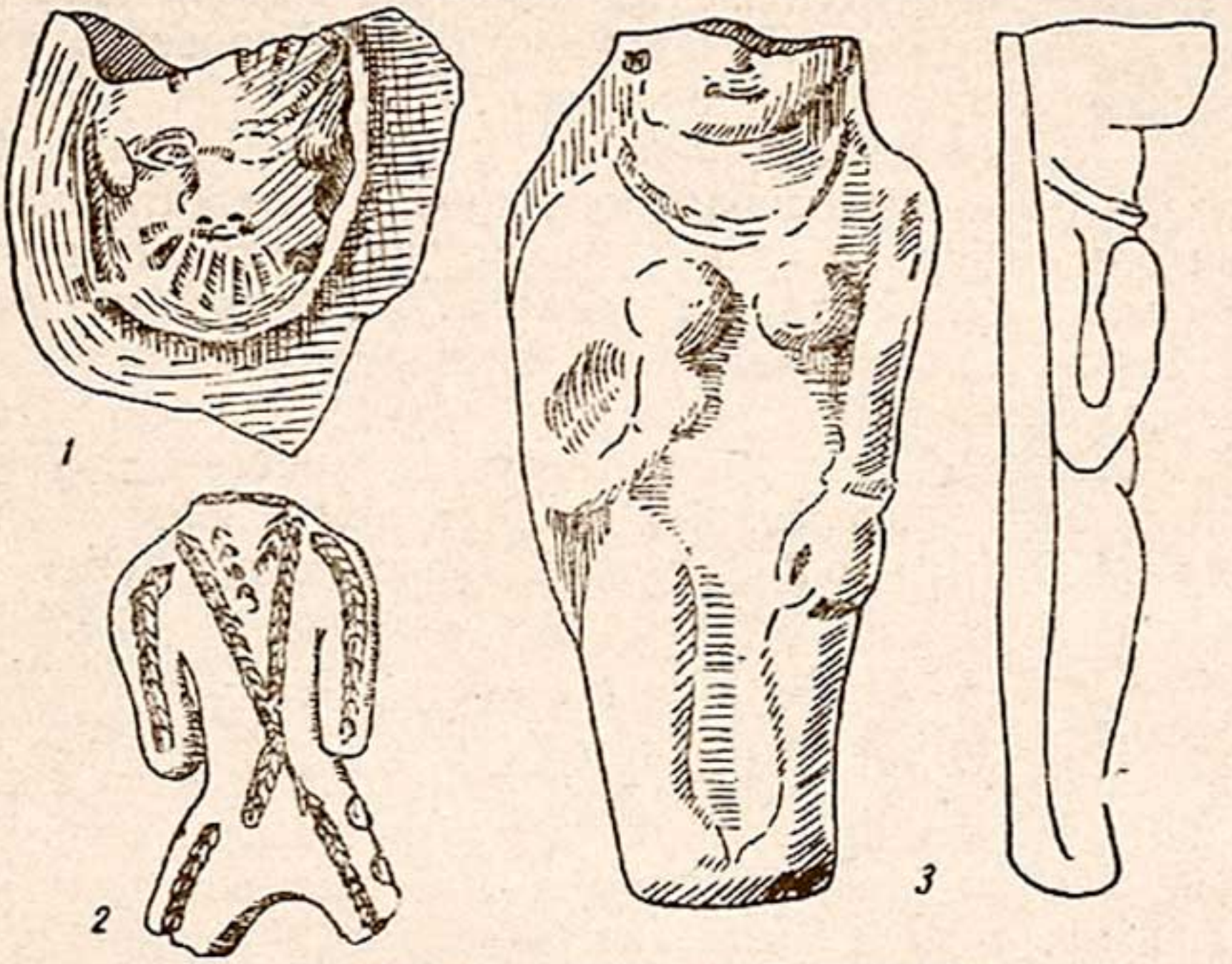

Рис. Терракоты с Афрасиаба и Кафыр-калы:

1—налеп от сосуда для вина; *2*—фигурка всадника; *3*—статуэтка богини

вместе со стенкой сосуда составляет 3 *см*, а диаметр его 5 *см*. Оттиск сделан штампом без какой-либо дополнительной обработки. Налеп изображает голову мужчины с широким носом и очень маленьким ртом, прямые пряди бороды веером окаймляют лицо, веки в виде валиков, выпуклости на висках, возможно, изображают остроконечные уши, крутой выпуклый лоб по бокам обрамлен вертикально торчащими прядями волос. Два налепа из Самаркандского музея[3], происходящие

---

[2] Н. С. Гражданкина. К истории керамического производства в Средней Азии, История материальной культуры Узбекистана, вып. 5, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1964, стр. 173—199.

[3] В. А. Мешкерис. Указ. соч., стр. 44—46, 97, 98; рис. 12, *2*; табл. XXII, *358*, *359*.

тоже с Афрасиаба и представляющие собой фрагменты сероглиняных же сосудов, отличаются от вышеописанного четырехлепестковыми розетками по бокам лысины, в остальном абсолютно с ним совпадая.

В литературе уже отмечалась связь подобных персонажей с дионисийским[4] или аналогичным ему культом, образы которого были хорошо знакомы искусству древних восточных народов[5]. В. А. Мешкерис относит рассматриваемые налепы к так называемой эфталитско-тюркской эпохе, т. е. к V—VIII вв. н. э., в подтверждение чего связывает их с головкой из комплекса VI—VII вв. н. э. городища Кафыр-кала и оссуарными налепами из Пянджикента[6]. Что касается пянджикентских налепов, то и по содержанию и стилю образы их слишком далеки от изображений на афрасиабских налепах. С гораздо большим основанием можно сближать последние с некоторыми из хотанских «сатиров», датированных II—III вв. н. э.[7], хотя и те и другие отмечены своими особенностями стиля. Не вызывающая никаких сомнений однотипность трех афрасиабских налепов (два из музея и один из раскопа 1963 г.) заставляет отнести их вместе с сопутствующим комплексом керамики не позднее, чем к первым векам до нашей эры. О том, что персонажи дионисийского культа живут многие столетия, свидетельствуют находки их изображений в слоях VI—VIII вв. н. э.[8]

Торсы всадников, найденных в одном слое с налепом, вылеплены примитивно; короткие руки опущены вниз вдоль уплощенного туловища. Обе фигурки изготовлены из тонкодисперсной, хорошо промешанной и выдержанной глины с добавкой в нее пуха камышовых метелок[9]. Поверхность одной из фигурок покрыта красным ангобом, видны пряди спускав-

---

[4] Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда, КСИИМК, XII, М.-Л., 1946, стр. 100, примечание 5.

[5] Г. А. Пугаченкова. Искусство Афганистана, М., 1963, стр. 32—35; В. А. Булатова. Бронзовый штамп из жилого комплекса VII—VIII вв. (Городище Кува Ферганской области), История материальной культуры Узбекистана, вып. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 110—115.

[6] В. А. Мешкерис. Указ. соч., стр. 44—46.

[7] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Хотанские древности, Л., 1960. стр. 17, 62, 64—65; табл. 16, № 366, 355, 359; табл. 17, № 475, 482.

[8] Г. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 99—100; рис. 46, *1;* В. А. Булатова. Указ. соч.

[9] Характер органических примесей установлен Н. С. Гражданкиной экспериментальным путем. См.: Н. С. Гражданкина. Опыт технологического исследования древней красноангобированной керамики Узбекистана, История материальной культуры Узбекистана, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 139, рис. 2, 3.

шейся на грудь бороды. Вторая (рис., *2*) орнаментирована глубокими частыми угловыми вдавлениями, образующими сплошные линии, которые углом сходятся на груди, перекрещиваются на талии и проходят вдоль рук и ног (в последнем случае и спереди и сзади). Сбоку на ногах выдавлены кружки. Бурый ангоб неровными пятнами растекся по поверхности статуэтки. Фигура всадника этого типа описана в каталоге Музея также в группе терракот V—VIII вв. н. э.[10]. Теперь в связи с новой находкой в археологическом слое она должна быть перемещена в первые века до нашей эры.

В Ленинграде, Самарканде и Ташкенте хранятся довольно крупные (в восстановленном виде около 15 *см* высоты) терракотовые статуэтки женщины, составляющие единую группу[11]. Часть их найдена на Афрасиабе. Изображение настолько единообразно, что есть все основания считать его иконографичным. Головы статуэток, к сожалению, утрачены, только у одной сохранилась нижняя часть лица, да и то в сильно испорченном виде. При относительной плоскостности фигуры женщина представлена сидящей, что достигнуто своеобразным приемом сокращения пропорций ног. В результате чего при беглом взгляде создается впечатление крайней непропорциональности. Только голова с широким лицом выступает сильным рельефом. Правая, согнутая в локте рука поддерживает грудь, левая лежит на бедре, придерживая складку ткани, переброшенной через левое плечо и оставляющей верхнюю часть тела открытой. На шее гривна, на запястьях браслеты. Такая статуэтка (хранится в Музее истории в Ташкенте) была найдена в культурных наслоениях, заполнявших помещения усадьбы, расположенной около самаркандской Кафыр-кала (рис., *3*). Изготовлена она из глины средней дисперсности с примесью кварца и дробленой керамики, отдельные частички которых видны невооруженным глазом. Черепок невысокой плотности, в изломе красновато-коричневого цвета, на плохо сохранившейся поверхности местами следы красного ангоба. Обычно слабо намеченные на этих статуэтках складки ткани здесь, вероятно, отшелушились вместе с поверхностным слоем. Никаких предметов ранее V—VI вв. н. э. в усадьбе не было обнаружено, исключение составляют лишь несколько фрагментов III—IV вв. н. э. из платформы здания. Нет оснований и фигурку богини датировать временем раньше V—VI вв. н. э.

---

[10] В. А. Мешкерис. Указ. соч., стр. 36, 80; табл. XV, № 186.

[11] Там же, стр. 17, примечание 4, рис. 1,4; C. Trever. Terracottas from Afrasiab, M.-L., 1934, p. 40, p. VII, 97.

В. А. Мешкерис относит эти статуэтки к наиболее ранней группе терракот, основываясь на находках обнаженных богинь в Хорезме, Южной Туркмении и Двуречье в слоях III—II вв. до н. э.[12] Однако, как отметила Г. А. Пугаченкова, культ женских божеств, уходящий корнями в глубокую древность, был очень устойчив[13].

В V—VI вв., как и в предшествовавшие периоды, среди почитавшихся женских божеств полуобнаженная сидящая богиня не была единственной. В той же усадьбе и в том же комплексе V—VI вв. найдена еще одна сохранившаяся по пояс терракотовая фигурка женщины в высоком кокошнике с широким округлым лицом, возможно, повторяющим тип лица сидящей богини. В ушах тяжелые длинные серьги, на шее гривна или ожерелье, перед собой она держит конический кубок и какой-то овальный предмет. Недалеко по времени (датируется тоже пределами VI в.) от описанной терракоты отстоит найденный в усадьбе налеп от оссуария. Он передает поясное изображение женщины, узкое лицо которой с высокими дугами бровей резко отличает ее от широколицых — женщины в высоком уборе и сидящей богини[14]. Два типа лица, так четко выраженные в коропластике, выявлены и в краниологическом материале, собранном при раскопках на кафыркалинской усадьбе (череп 2 — узколицый, долихоцефальный; черепа 7, 12 — широколицые, брахицефальные)[15]. Так удачно совпавшие данные мелкой скульптуры и антропологии позволяют установить для раннесредневекового Согда два европеоидных антропологических типа, выяснение сущности и происхождения которых дело дальнейших исследований.

---

[12] В. А. Мешкерис. Указ. соч., стр. 17, 18.

[13] Г. А. Пугаченкова. Маргианская богиня, СА, XXIX—XXX, М., 1959, стр. 140.

[14] Фотографии с фигурки в кокошнике и налепа см.: Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, История материальной культуры, вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, рис. 12.

[15] См. в этом же сборнике: В. Я. Зезенкова. Черепа с городища Кафыр-кала под Самаркандом...

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ[1]

Переход к мирному строительству после победного окончания Великой Отечественной войны ознаменовался дальнейшим развитием исторической науки, и в частности археологии. В соответствии с планами, разработанными на Всесоюзном археологическом совещании в январе 1945 г., для археологического изучения Средней Азии было создано несколько крупных экспедиций, в план работ которых было включено изучение курганных погребений. Раскопки курганных погребений вели экспедиции под руководством А. Н. Бернштама.

В 1945 г. в Арпе продолжались раскопки курганов Бурмачапской группы «катакомбообразного типа». В этих курганах дромос подводил к сферическому подбою, в котором находились детские захоронения. Вход в катакомбу был закрыт плитами. Инвентарь — грубый горшок серого цвета. А. Н. Бернштам считал «бурмачапский тип» катакомбных погребений моложе «кенкольского типа» и относил раскопанные катакомбы в Бурмачапской группе к разновидности гуннской культуры[2].

В том же году в урочище Аламышик, по р. Нарын были раскопаны курганы, которые по типам насыпей делятся на шесть видов. Все разновидности каменных курганов с различными кольцевидными рисунками на насыпи датируются сако-усуньским временем, а курганы со сплошным каменным

---

[1] Настоящая статья является продолжением работы, в которой освещено изучение курганных погребений в Средней Азии до окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. См.: О. В. Обельченко. К изучению курганных погребений в Средней Азии, История материальной культуры Узбекистана, вып. V, Ташкент, 1964, стр. 213—232.

[2] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, 1952, № 26, стр. 23, рис. 29.

покрытием — тюркским[3]. Определение типов насыпей, характерных для разных эпох, помогло в дальнейших работах при регистрации могильников, обследованных во время маршрутного проезда, в результате которого удалось выявить три типа древнего расселения кочевников[4]. Наряду с памятниками кочевых народов изучались и памятники оседло-земледельческого населения[5].

В 1946 г. экспедиция продолжала раскопки на юге Киргизии. Во время полевых работ исследовались курганные погребения горных долин Алая и Ферганы. Около сел. Гульча был вскрыт могильник Чакмак, относящийся к эпохе поздней бронзы. В одной из могил была найдена булавка «гвоздеобразного» типа из бронзы[6].

В Кетменьтюбинской котловине в Узунахметском могильнике был вскрыт курган, принадлежащий к усуньской культуре[7].

В результате работ 1946 г. выявлена сако-усуньская культура, имеющая провинциальные отличия, но с характерными чертами, представляющими продолжение синхронных культур Семиречья и Тянь-Шаня[8].

В 1947 г. археологическая экспедиция Музея истории Академии наук УзССР под руководством М. Э. Воронца производила раскопки курганов по арыку Джун около Янгиюля. За время полевых работ было вскрыто пять курганов с восемью погребениями. Могильное сооружение под насыпью состояло из дромоса и катакомбы. Погребения совершались на полу катакомбы, в одном кургане встретились подстилка из циновки, покрытие и обкладка умершей досками. Скелеты лежали в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, и только одно женское погребение дало юго-западную ориентацию. Инвентарь погребений в основном составляла керамика и украшения, оружие представлено кинжалом

---

[3] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 24—25.

[4] Там же, стр. 25—27.

[5] А. Н. Бернштам. К истории Фергано-Тяньшаньских культурных отношений, Известия Кирг. ФАН СССР, вып. IV—V, 1947, стр. 111 и сл.

[6] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 186; Он же. Из истории Восточной Ферганы и Алая (Краткий отчет археологической экспедиции 1946 г.), Известия Кирг. ФАН СССР, вып. VI, 1947, стр. 115 и сл.

[7] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 188.

[8] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана, КСИИМК, 1947, XXXI, стр. 86.

и наконечниками стрел из железа, из которых один уникальный с развилкой в виде ласточкиного хвоста[9].

Раскопанные курганы М. Э. Воронец датировал первыми веками н. э.[10] Создателей этих курганов, европеоидов памиро-ферганского типа[11], он считал автохтонным населением территорий, лежащих по правую сторону Сырдарьи[12].

В 1947 г. археологическая экспедиция Ленинградского государственного университета и Ленинградского отделения ИИМКа под руководством А. Н. Бернштама производила обследование межгорных долин Чон-Алая и Каратегина.

Курганы, раскопанные в бассейне р. Гульча, дали грунтовые ямы с вытянутыми с запада на восток костяками и инвентарем в виде чашечки сако-усуньского типа. Эти погребения относятся ко времени ранних саков, т. е. VI—V вв. до н. э.[13]

В Тулейкенской группе вскрыты курганы VI—IV вв. до н. э. Под насыпями на дневной поверхности находились сосуды. Никаких следов могилы или скелетов не найдено. А. Н. Бернштам, видимо, не сразу понял, с какого рода памятником ему пришлось столкнуться, и решил, что покойник «выбрасывался на съедение хищникам и птицам...»[14]. На основании этого он сделал вывод, «что корни происхождения зороастрийского погребения следует искать в кочевой среде»[15]. Выдвигая это предположение, А. Н. Бернштам совершенно упустил из виду, что в Авесте кочевники всегда изображаются как враги, которые угоняют скот и разоряют земледельцев[16], следовательно, искать «корни происхождения зороастризма в кочевой среде» нельзя. Несколько позже

---

[9] М. Э. Воронец. Археологическая экспедиция Музея истории Академии наук УзССР, ДАН УзССР, 1948, № 2, стр. 38—40; Он же. Отчет Археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г., Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 43 и сл.

[10] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции.., стр. 67.

[11] В. Я. Зезенкова. Некоторые данные о скелетах из погребальных курганов возле станции Вревская, Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 89.

[12] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции..., стр. 68.

[13] А. Н. Бернштам. Археологическая экспедиция на Памир, Вестник Ленинградского университета, 1947, № 12, стр. 135 и сл.; Он же. Историко-археологические очерки..., стр. 189.

[14] А. Н. Бернштам. Археологическая экспедиция на Памир..., стр. 190.

[15] А. Н. Бернштам. Из итогов изучения древней истории Киргизстана, Известия КиргФАН СССР, вып. VII, Фрунзе, 1947, стр. 50.

[16] Е. Э. Бертельс. Новые работы по изучению Авесты, Ученые записки Института востоковедения, т. III, М., 1951, стр. 260.

А. Н. Бернштам совершенно правильно охарактеризовал курганы Тулейкенского могильника как кенотафы с культовой посудой, по форме типично семиреченской, но с орнаментом, свойственным Фергане того времени[17].

В местности Кургак раскопано два типа курганов. Курган первого типа с земляной насыпью имел грунтовую могилу с костяком, ориентированным головой на север. В могиле найден железный наконечник стрелы скифо-сарматского типа.

Каменный курган второго типа был ограблен еще в древности. А. Н. Бернштам относил его к скифо-сарматскому времени[18], т. е. к первым векам до н. э.[19]

В низовьях р. Кызылсу раскопки курганов производились в могильниках Мааша и Кызылтуу. Под насыпями раскопанных курганов оказались подбойные могилы с трупоположением головой на север. Костяки имели деформированные черепа. В женских погребениях встречаются бусы, изделия из дерева — столики, чаши, плетенки. Костяки лежат в плетеных гробах — футлярах из веток. По мнению А. Н. Бернштама, инвентарь погребений аналогичен инвентарю Кенкольского и Арпинского могильников. Бернштам считает могильники Мааша и Кызылтуу гуннскими[20] и датирует их II—IV вв. н. э.

В том же 1947 г. А. Н. Бернштам производил археологическое обследование территории Южного Казахстана. Раскопки курганов в Тамдинском могильнике дали интересный материал. Под каменными насыпями обнаружены грунтовые ямы с бревенчато-жердевым накатом. В могильных ямах групповое трупоположение — до четырех костяков в одной могиле. Скелеты лежали в вытянутом положении на спине, на подстилке из войлока, головой на юг. Из инвентаря особый интерес представляют трехперьевые черешковые наконечники стрел с опущенными «жальцами», сделанные из железа[21].

---

[17] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана, Ташкент, 1951, стр. 8.

[18] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 190; Он же. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае, КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 56.

[19] А. Н. Бернштам. Археологическая экспедиция на Памир, Вестник Ленинградского университета, 1947, № 12, стр. 135.

[20] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 193; см. также С. С. Сорокин. К вопросу о гуннах в Средней Азии. Вестник Ленинградского университета, 1948, № 11, стр. 125.

[21] А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, Известия Академии наук КазССР, № 67, серия археологическая, вып. II, Алма-Ата, 1950, стр. 70—72; Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э., там же, стр. 130 и сл.

А. Н. Бернштам отмечает, что по инвентарю и характеру могильной насыпи (с «усиками») Тамдинский могильник представляет собой современные усуням, но отличные по культуре и ритуалу погребения кочевников. Основываясь на данных исторической географии, он считает раскопанные курганы кангюйскими и относит их к III—I вв. до н. э.[22]

Летом 1948 г. археологическая экспедиция под руководством А. Н. Бернштама продолжала работу в долинах Алая и Чон-Алая, а также на Памире. В сезон 1948 г. экспедиция поставила перед собой задачу произвести массовое вскрытие курганов, зарегистрированных в предыдущий год в долинах Алая и Чон-Алая, и закончить обследование Восточного Памира, который в далеком прошлом также был населен кочевниками. Всего за время этих работ было вскрыто 54 древние могилы и обследована маршрутными проездами большая территория[23].

В Алае и Чон-Алае раскопана 21 могила, среди которых имеются памятники трех культурных групп: 1) «скифской», 2) кумедской и 3) гуннской. Раскопанные курганы раннесакского времени в Чакмаке оказались ограбленными, в одном погребении лежал сильно разрушенный костяк головой на юг. Среди находок интересна пряжка без язычка в виде овальной рамки с шипом, укрепленным на ажурной площадке[24].

В Дараут-кургане раскопанные курганы имели каменные полусферические насыпи. В плане эти насыпи представляли собой квадрат с закругленными углами. В одном из неограбленных курганов, под насыпью, на глубине 60 *см* лежал скелет женщины, ориентированный головой на запад. Интересна находка бронзового сарматского типа браслета, который позволил датировать эти курганы II—I вв. до н. э.[25]

Продолжение раскопок курганов с земляными насыпями и грунтовыми ямами в Кургаке дало некоторое количество нового материала. Были также вскрыты могилы с каменной выкладкой на поверхности, давшие подбойные могилы. А. Н. Бернштам связывает их с гуннами[26].

В 1948 г. на Памире в разных местах производилось вскрытие курганов. В Икчиликской группе раскопанный кур-

---

[22] Там же.

[23] А. Н. Бернштам. Археологические исследования на Памире и в Алае в 1948 г. Вестник Ленинградского университета, 1948, № 11, стр. 175.

[24] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 193.

[25] Там же, стр. 198.

[26] Там же, стр. 202—203.

ган оказался ограбленным, в овальной могильной яме были обнаружены только обломки костей человека и барана[27].

Неподалеку от места слияния рек Харгуш и Памир вскрывались каменные курганы Харгушской группы. Раскопанные два кургана дали скорченные костяки, в одном находилось два скелета, в другом — один. В первом кургане скелет лежал в насыпи, а второй скелет, мальчика, — на дневной поверхности. Во втором раскопанном кургане скелет помещался в грунтовой яме. Все скелеты были ориентированы головой на восток. Инвентарь представлен сосудами шарообразной формы в первом кургане и плетеным лукошком, аналогичным кенкольскому, — во втором[28]. Эта группа курганов относится к III—II вв. до н. э.[29]

Наибольшее количество находок было сделано при раскопках могильника Памирская *1*, расположенного на правом берегу р. Памир. Каменные насыпи этого могильника возводились над грунтовыми могилами, иногда перекрытыми жердевым накатом. Могильные ямы в плане овальные, в них на подстилке из дерна в скорченном положении лежали окрашенные в красный цвет костяки. Большинство скелетов ориентировано головой на запад, некоторые — на восток. Инвентарь представлен большим количеством бус, наконечников стрел из бронзы, железа, кости, дерева. Интересны железные акинаки, литые из бронзы сердцевидной формы пряжки без язычка, бронзовые удила и псалии, сосуды шаровидной формы из глины и дерева[30]. Весь этот комплекс полученного при раскопках археологического материала позволил А. Н. Бернштаму датировать могильник Памирская *1* V—IV вв. до н. э. в древней части и II—I вв. до н. э. — молодой[31].

В верховьях р. Аксу в местности Акбеит раскопано два кургана с каменной насыпью. В одной грунтовой яме, под насыпью, лежал костяк ребенка в скорченном положении, головой на север. В другом кургане, в могильной яме, найдены отдельные кости скелета ребенка. Курганы могильника Акбеит по типу насыпей и находкам А. Н. Бернштам относит к памятникам могильника Памирская *1*[32].

---

[27] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 286; Он же. Саки Памира, ВДИ, 1956, № 1, стр. 133.

[28] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., стр. 286—288; Он же. Саки Памира..., стр. 133.

[29] Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня..., стр. 325; Он же. Саки Памира..., стр. 123.

[30] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.., стр. 288 и сл.

[31] Там же, стр. 324—325.

[32] Там же, стр. 301—302; А. Н. Бернштам, Саки Памира, стр. 126—130.

В курганной группе Тугурук-Баман был вскрыт курган, под насыпью которого в могильной яме на дерновой подстилке лежал в скорченном положении головой на восток скелет мужчины. Тип погребального сооружения и трупоположение целиком соответствует курганам могильника Памирская *1*[33].

Курган, расположенный около р. Пшарт, ничего не дал, кроме зольного пятна и костей барана[34].

Работавшая под руководством А. Н. Бернштама Южно-Казахстанская археологическая экспедиция в 1948 г. раскопала курган в Шегнаксайской группе в районе Арыси. В курганной насыпи оказалось трупоположение мужчины на спине, головой на северо-восток. Костяк был перекрыт сильно истлевшей буйрой. Вдоль левой руки лежал прямой меч. В области таза лежала круглая железная пряжка с подвижным язычком, по которой А. Н. Бернштам датировал это погребение предположительно VI в. н. э.[35] В 1949 г. Е. И. Агеева раскопала в этом могильнике еще четыре кургана, в трех из них были обнаружены сосуды ручной лепки из грубого древяного черного теста. Аналогии этому материалу находятся в тюркской керамике Семиречья[36].

В 1949, а затем в 1951 г. Южно-Казахстанская археологическая экспедиция исследовала Бурджарский могильник на левом берегу р. Арысь. Было раскопано 15 курганов, из них 9 дали остатки захоронений с трупоположением на уровне горизонта в оградках прямоугольной формы из пахсы. Трупы были положены на подстилку из речной гальки. В погребениях найдены посуда, украшения, меч, наконечники стрел, пряжки, бусы и т. д. Шесть других раскопанных курганов оказались кенотафами. Е. И. Агеева считает, что обычай сооружения поминальных курганов до сих пор сохранился среди казахов. Датируется могильник VIII—X вв.[37]

В 1949 г. продолжалось археологическое изучение Тянь-Шаня, где А. Н. Бернштам производил массовое вскрытие курганов. В Аламышикском могильнике раскопано 30 погре-

---

[33] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 302.

[34] Там же.

[35] А. Н. Бернштам. Древний Отрар, Известия Академии наук КазССР, № 108, серия археологическая, вып. 3, Алма-Ата, 1951, стр. 89—90.

[36] Е. А. Агеева, Г. И. Пацкевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, Труды ИИАЭ АН КазССР, т. V, Археология, Алма-Ата, 1958, стр. 40.

[37] Е. И. Агеева, Г. И. Пацкевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года, Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, Археология, Алма-Ата, 1956, стр. 53—55.

бений, из них четыре «сакского» типа. Под земляными насыпями с выложенными камнями концентрическими окружностями в грунтовых могилах головой на запад в скорченном положении лежали скелеты. Из инвентаря необходимо отметить бронзовый нож с кольцевым навершием, бусы из стекла и сердолика[38]. Курган того же времени раскопан в могильнике Кырчин, который дал одно основное погребение и два впускных.

Основное погребение находится в могильной яме со скелетом в вытянутом положении на спине, головой на запад. Из инвентаря найдены два круглодонных сосуда и большое количество бус. Впускные погребения никакого инвентаря не дали. Синхронные погребения вскрыты и в Джергетальском могильнике, расположенном на правом берегу р. Джергетал. Из них наиболее древние два кургана. Насыпи курганов сделаны из земли с камнем и из одного камня. В могильных ямах, засыпанных камнем и землей, оказались костяки в вытянутом положении, один головой на северо-запад, другой — на юг, с небольшим смещением к западу. В могилах найдены круглодонная посуда и бронзовый нож[39].

Раскопанные курганы во всех трех могильниках датированы А. Н. Бернштамом VI—V вв. до н. э. По археологическому материалу прослежена связь с культурой племен Южной Сибири[40]. К предусуньским памятникам V—III вв. до н. э. он отнес 11 курганов Аламышикского могильника, несколько курганов Джергетальского и погребение в Джаркимбаевском могильнике. Все раскопанные курганы Аламышикского могильника имели насыпь из камня, земли, из земли с камнем или плоскую кольцевую выкладку. Скелеты в грунтовых ямах лежали на спине в вытянутом положении головой на запад или северо-запад. Инвентарь состоял из круглодонных сосудов, один из которых имел четырехгранное тулово[41].

Насыпи курганов в могильнике Джергетал сделаны из камня и из камня с землей. Некоторые из могил перекрыты плитами, другие засыпаны камнями и землей. Костяки лежали в вытянутом положении на спине головой на юго-запад.

---

[38] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 27—31.
[39] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 31—33.
[40] Там же, стр. 33 и сл.; См. также А. Н. Бернштам. Древний Тянь-Шань, КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 140 и сл.
[41] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 36—38.

Незначительный по количеству инвентарь состоял из круглодонной посуды[42].

Курган с каменной насыпью в Джаркимбаевском могильнике имел грунтовую могилу, перекрытую каменными плитами. В могильной яме лежал скелет головой на северо-запад. Под костяком у правой плечевой кости найдено бронзовое зеркало с петельной ручкой в виде стилизованного зверя[43].

Вскрытые курганы Соколовки и Джергеса, частично Аламышика и Джергетала, были перекрыты деревянным накатом. А. Н. Бернштам объединил их в группу усуне-юечжийских памятников II в. до н. э. — II в. н. э.

Под земляной насыпью кургана Соколовки обнаружен бревенчатый накат, под ним находился сруб из бревен, в котором на спине, головой на запад, лежал скелет. Вдоль его левого бока стояло 15 сосудов. Почти все сосуды круглодонные, за исключением нескольких с подрезанным донцем[44].

Раскопанные курганы Аламышика представляли собой каменные насыпи, под которыми находились могильные ямы, перекрытые жердевыми накатами. Костяки были ориентированы головой на запад, северо-запад и север. Найденная в могилах посуда круглодонная, грубая. Обнаружено также много бус[45].

Курганы Джергетала также имели каменную насыпь. Костяки в могильных ямах лежали головой на юг или юго-запад. Инвентарь состоял из посуды и железного ножа[46].

К этой же группе курганов примыкают Алабакан и Ачатюбе[47].

В двух раскопанных курганах Джергесского могильника могильная яма перекрыта накатом из бревен. Находки представлены сосудами с круглым и подрезным донцем[48].

Более ранними в этой группе памятников являются Аламышикские курганы, Алабакан и Ачатюбе, а поздними — Соколовка и Джергес. Аламышик и Джергетал — памятники усуней, а Соколовка и Джергес — восточно-юечжийские[49].

К катакомбным погребениям гуннского времени —I—IV вв. н. э. — А. Н. Бернштам причислил курганы на пере-

---

[42] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 38.
[43] Там же, стр. 40.
[44] Там же, стр. 50—52.
[45] Там же, стр. 53—54.
[46] Там же, стр. 54—55.
[47] Там же.
[48] Там же, стр. 55—58
[49] Там же, стр. 60.

вале Кызарт, в долине Кырчина и часть курганов Аламышика.

На перевале Кызарт в группе из 12 курганов раскопано пять насыпей. Все курганы насыпаны над катакомбами, различающимися по своей конструкции — от узкого дромоса с большой камерой до могил с небольшим подбоем, который перекрывал только часть погребения. Погребения Кызартского могильника, по словам А. Н. Бернштама, представляют собой типичные захоронения кенкольского типа. Дромос расположен перпендикулярно к длинной оси катакомбы, как в Кенколе, вход в катакомбу завален либо камнями, либо крупными каменными плитами[50].

Из инвентаря этих погребений интересны сосуды, по форме схожие с сосудом из Арпы. Сосуды плоскодонные, что, по мнению А. Н. Бернштама, характерно для гуннской посуды. Кызартские катакомбы близки к кенкольским и арпинским и являются наиболее ранним типом катакомб для Тянь-Шаня[51].

Курганы Кырчина и Аламышика дали одинаковый тип погребального сооружения: узкий вертикальный дромос, широкий подбой с полусферическим потолком и плоским полом. Перед входом в могилу отвесная или под уклоном ступенька. Дромос завален камнями, как в Кырчине, или землей, как в Аламышике. Ориентировка скелетов в этих могилах различная — головой на запад, север или восток. В Кырчинском могильнике инвентарь в могилах отсутствовал. В Аламышикских курганах найдена керамика в виде грубых лепных кувшинчиков со следами раскраски[52].

По времени самыми поздними из вскрытых экспедицией 1949 г. на Тянь-Шане курганов являются курганы VI—X вв.

Могильник Кокбулак находится на правом берегу р. Чу, неподалеку от оз. Иссык-Куль. Насыпи курганов — из земли со щебенкой или каменные — перекрывали могильные ямы, в которых лежали костяки головой на запад или север. В некоторых могилах костяки лежали на подстилке из буйры. Инвентарь погребений очень беден. Деревянная чаша типа пиалы или касы и целый ряд мелких деталей погребального обряда позволили А. Н. Бернштаму датировать эти захоронения X—XI вв.[53].

---

[50] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 60—67.

[51] Там же, стр. 67.

[52] Там же, стр.67—72.

[53] Там же, стр. 75—76; Он же. Древний Тянь-Шань..., стр. 144.

В Кочкорской долине, в урочище Ара-куль, раскапывались четыре кургана, которые по обряду захоронения, по совпадению ориентировки женских костяков (головой на запад) и другим данным оказались синхронными кокбулакским курганам[54]. К этому же типу захоронений А. Н. Бернштам причисляет и часть курганов могильника Алтын-арык в Джумгальской равнине[55].

Наиболее ярко выражены тюркские могильники в местностях Карой и Ойбулак. Общими чертами этих могильников являются одинаковое устройство насыпей из крупных камней, плоскодонность посуды и сходство ее форм с деревянными и металлическими изделиями, а также связанность Каройских курганов с балбалами[56].

В Каройском могильнике обнаружены цепочки балбалов, которые как бы отделяют одну территорию от другой. При этом балбалы не приурочены к каким-либо определенным курганам. А. Н. Бернштам считает их своеобразными «межами», которые отделяют могилы одного племени от могил другого[57].

В верховьях Джаргелана Бернштамом раскопан кенотаф, сложенный из крупных камней[58].

В Аламышикском могильнике были вскрыты два интересных кургана, давших подбойные могилы. Курган № 69 относится к IX в. и служит свидетельством проникновения кыргыз с Енисея на Тянь-Шань. Курган № 202 дал археологический материал, который, по мнению А. Н. Бернштама, подтверждает длительное существование традиций позднегунских могильников[59].

В 1949 г. к северу от городища Алтын-асар раскопки курганов стала вести Хорезмская экспедиция[60].

Раскопанный большой курган был в древности ограблен, но в конструктивном отношении он очень интересен. В насыпи оказалась цилиндрическая камера, сложенная из сырцового кирпича без перекрытия. Внутри стены камеры по-

---

[54] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая...,стр. 76.

[55] Там же, стр. 177.

[56] Там же, стр. 78—79.

[57] Там же, стр. 79.

[58] Там же.

[59] Там же, стр. 81—87.

[60] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.), ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 26, примечание 1.

крыты орнаментальной росписью с преобладанием светлых кругов и переплетающихся лент белого, красного и синего цвета. Находки представлены бронзовой человеческой фигуркой, деревянными приспособлениями для добывания огня, фрагментами бронзовых изделий, обрывками тканей, а также фрагментами сосудов[61].

В южном Казахстане в 1950 г. Е. И. Агеева раскопала три кургана около поселка Чардара. Курганы не дали никакого материала, под насыпью находились зольный слой и зольные пятна. Один курган был раскопан около Узун-Ата, он также оказался без инвентаря и с зольной прослойкой под насыпью. Е. И. Агеева считает, что в курганах имело место трупосожжение[62], однако полное отсутствие инвентаря и остатков костей наводит на мысль, что раскопанные курганы были кенотафами, возведению которых предшествовало разведение огня.

В 1950—1951 гг. Памиро-Ферганская археологическая экспедиция раскопала целый ряд курганов в могильниках Гурмирон, Джангаил, Караджар[63] и Боркорбаз. В могильнике Боркорбаз вскрыто 10 курганов, из них в восьми под насыпями оказались подбойные могилы, а под двумя катакомбы. Подбои отделены от входа каменными плитами. Во всех курганах входные ямы завалены крупным камнем. Костяки в подбоях и катакомбах расположены в деревянных гробовищах, на деревянных ложах или камышовой подстилке. В семи подбоях скелеты лежали головой на север, в одном на юг и в катакомбах — на восток. Инвентарь погребений разнообразен: кинжал, ножи, наконечники стрел, бронзовое зеркало, пряслица, бусы, разнообразная посуда и т. д. Относится этот могильник к первой половине I тыс. н. э.[64]

В 1951 г. Хорезмская экспедиция продолжала раскопки курганов. Во время этих работ было выявлено два типа могильных сооружений: 1) курган с прямоугольной камерой из сырцового кирпича; 2) курганы с могильными ямами, выстланными камышом. Инвентарь из погребений представлен

---

[61] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1949 г., Известия АН СССР, серия истории и философии, т. 7, № 6, М., 1950, стр. 525—527, рис. 15.

[62] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 243 и сл.

[63] Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана, Автореферат, Л., 1954, стр. 14.

[64] С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы, СА, XX, М., 1954, стр. 131—135.

фрагментами обкладки лука, железным ножом, крупным клинком[65].

Таджикская археологическая экспедиция в 1951 г. начала изучение курганов в долине Кафирнигана, большинство из которых разграблено[66]. Фрагменты керамики, найденной в могилах, позволили датировать эти курганы III—I вв. до н. э.[67].

Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция в 1951 г. вскрыла курганы в районе Бадми-Кодж. Это были первые курганы, раскопанные на территории Южной Туркмении. Были раскопаны два кургана, давшие погребения в катакомбах. В одном кургане захоронен мужчина, в другом — женщина. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой на юг. Рядом со скелетами оказались глиняные сосуды, сделанные на гончарном круге, узкая зернотерка и железный двулезвийный меч. М. Е. Массон считает эти погребения аналогичными погребениям у Тойтюбе и на правом берегу Чирчика и относит их примерно к III в. н. э.[68]. Производивший же раскопки курганов А. А. Марущенко оспаривает эту датировку и предлагает иную — II в. до н. э. — II в. н. э.[69], причем усматривает в инвентаре какие-то сарматские черты. Но совсем неожиданно толкование А. А. Марущенко железного двулезвийного меча как сабли. Снимка этой «сабли» он не приводит, а дает лишь схематический контур в виде двух линий, образующих клинок[70]. Неправильная датировка и неточности в описании найденного А. А. Марущенко материала значительно снижают ценность произведенного вскрытия курганов.

---

[65] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг..., стр. 31, примечание 3; Он же. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г., СА, XIX, М., 1954, стр. 261—262; Он же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг...., стр. 247—249, рис. 122.

[66] А. Ю. Якубовский. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948—1950 гг., МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 17.

[67] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.), МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 257, 292—293.

[68] М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана (из работ ЮТАКЭ, 1951 г.), ВДИ, 1953, № 1, стр. 153—154.

[69] А. А. Марущенко. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана, Труды ИИАЭ АН ТССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 115—116.

[70] Там же, стр. 116, см. табл. VII на стр. 122.

В том же году М. Э. Воронец в Фергане раскопал 16 курганов с каменными насыпями, под которыми были захоронения в каменных гробовищах. На основании анализа керамических находок Воронец отнес эти погребения к первым векам н. э.[71] В 1951 г. А. Кибиров предпринял раскопки курганных могильников в Чаткальской долине, которые были обследованы ранее в 1950 г.

В местностях Узунбулак, Миянкол и Чукурчак вскрыты пять курганов, под насыпями которых находились катакомбы с костяками, имеющими черепа без следов искусственной деформации. Инвентарь представлен сосудами разных форм, фрагментами железных ножей, бусами из стекла и сердолика, железными и бронзовыми кольцами с незамкнутыми концами[72]. По аналогии с курганами у ст. Вревской и Кенкола эти погребения датируются первыми веками н. э.[73].

К более позднему времени, к VI—VIII вв., относятся пять курганов, раскопанных в могильниках Чакмаксу и Тюлеберды. Все эти курганы ограблены и удалось даже обнаружить ходы кладоискателей. Покойники клались в выложенную камнем камеру. Под насыпью сделаны овальные каменные выкладки; инвентарь состоял из керамических сосудов[74]. На Джергетале вскрыто четыре кургана, которые дали инвентарь в виде сосудов крынкообразной формы, железную пряжку и зеркало из серебристо-желтоватого сплава[75]. Около городища Чанчархан раскопан один курган, давший камеру из сырцового кирпича размером 41 × 21 × 8,5 *см.* По керамике джергетальские и чанчарханские курганы близки, а по устройству погребальной камеры джергетальские курганы схожи с чакмаксуйскими. Датируются эти два кургана VIII—X вв.[76].

В 1952 г. в Исфаринском районе ТаджССР на окраине кишл. Ворух производил раскопки курганов Б. А. Литвин-

---

[71] М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах, Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954, стр. 58—64.

[72] А. Кибиров. Археологические памятники Чаткала, Труды Института языка и литературы и Института истории, вып. V, Фрунзе, 1956, стр. 7—9.

[73] Там же, стр. 7—9.

[74] Там же, стр. 10—12.

[75] Там же, стр. 12—14.

[76] Там же.

ский[77]. Вскрытые пять курганов дали интересный материал в виде керамики, орудий и оружия, украшений и предметов туалета. Уникальной находкой является алебастровый идол. Под насыпями курганов обнаружены кольцевые выкладки из камня; покойников клали в грунтовые ямы или подбои, сверху ямы перекрывали слабо обработанными плахами. Ориентированы скелеты головой на юг, юго-восток и северо-запад. Некоторые скелеты лежали в деревянных гробовищах[78]. Анализ находок позволил Б. А. Литвинскому установить наличие самых тесных связей и прямых совпадений с культурой сарматов, с одной стороны, и связей с Сибирью, — с другой. В то же время в целом курганы Варуха являются памятником «... местного ферганского характера культуры кочевников Исфары»[79]. Датируются эти курганы первыми веками н. э.

В 1952 г. О. В. Обельченко начато изучение курганных могильников около ст. Куюмазар и кишл. Лявандак (Бухарская область)[80]. Исследование Куюмазарского и Лявандакского могильников со всей определенностью указывает на их генетическую связь со скифо-сарматской культурой Южного Приуралья и Нижнего Поволжья[81]. Обнаруженные в могильниках подбои и катакомбы II—I вв. до н. э. полностью отрицают влияние гуннов на распространение подбойно-катакомбных захоронений в Средней Азии. Большая близость могильников к сарматским курганам ставит вопрос об их возникновении в связи с вторжением в Среднюю Азию во II в. до н. э. народов под названием Юечжи и принадлежностью этих народов к кругу сарматских племен[82].

В 1952 г. А. Н. Бернштам продолжил исследование курганов на Памире в могильнике сакского времени Акбеит, а также в местности Тахтамыш и долине Пшарта. В резуль-

---

[77] Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк), Душанбе, 1954, стр. 50; Он же. Новые материалы по археологии Таджикистана, КСИИМК, 55, 1954, стр. 139 и сл.

[78] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, Душанбе, 1955, стр. 22 и сл.

[79] Там же, стр. 70.

[80] О. В. Обельченко. Куюмазарский могильник, Труды ИИА АН УзССР, т. VIII, Ташкент, 1956, стр. 205 и сл.; Он же. К вопросу о происхождении скорченных погребений в могильниках Бухарского оазиса, Труды САГУ, вып. 81, Археология Средней Азии, Ташкент, 1956, стр. 47 и сл.

[81] О. В. Обельченко. Куюмазарский могильник..., стр. 225; Он же. Лявандакский могильник, История материальной культуры Узбекистана, вып. II, Ташкент, 1960, стр. 163; Он же. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Куюмазарского могильника, Труды САГУ, вып. CXI, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 109 и сл.

[82] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник,... стр. 173—176.

тате работ этого года и предшествующих лет А. Н. Бернштам наметил первые контуры исторической географии данного района и высказал предположение о главных путях передвижения племен[83].

В послевоенные годы изучение курганных погребений в Средней Азии осуществлялось всеми археологическими экспедициями, что позволило поставить целый ряд проблем и частично решить некоторые из них.

С 1953 г. в археологическом изучении Средней Азии начался новый этап, ознаменовавшийся дальнейшим развитием советской археологии. Истории изучения курганов в этот период будет посвящена следующая статья.

---

[83] А. Н. Бернштам. Саки Памира. ВДИ, 1956, стр. 121—134.

Б. В. ЛУНИН

ИСТОРИЯ И ДРЕВНОСТИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ В ТРУДАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ

Для наиболее полного освещения и уяснения процесса накопления и развития знаний по истории и древностям Туркестанского края должны быть учтены также материалы всероссийских археологических съездов. В литературе не раз высказывалось мнение, что материалы эти крайне ограничены и свидетельствуют о невнимании устроителей и участников археологических съездов к истории и древностям Туркестана. В этом плане можно и должно согласиться с одним из современных историографов, отметившим, что центральные научные учреждения очень слабо реагировали на возможность археологического изучения Туркестана после вхождения его в состав России[1]. Достаточно сказать, что из 15 археологических съездов. «... ни один не был на территории Средней Азии и в тематике их работ очень слабо затронуты вопросы среднеазиатской археологии»[2].

Вместе с тем отсюда не следует, конечно, вывод, что мы можем вообще игнорировать те данные по Туркестану, которые все же содержатся в Трудах археологических съездов. Кстати заметить, детальное изучение этих данных образует определенную сумму весьма небезынтересных в собственно

---

[1] Нам думается, впрочем, что исключение из этого общего положения являла собой деятельность Восточного отделения Русского археологического общества и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. И отделение, и комитет придавали большое значение археологическому изучению Туркестанского края и в меру своих сил способствовали этому.

[2] М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, ч. I, до первой послевоенной пятилетки, Труды САГУ, Археология Средней Азии, новая серия, вып. LXXXI, Исторические науки, кн. 12, Ташкент, 1956, стр. 9.

научном и научно-историческом отношении материалов, которые не должны быть забыты.

Вспомним, какое значение, например, придавал «сводке всех вопросов, кои были предложены на русских археологических съездах по антропологии и доисторической археологии», А. П. Богданов, опубликовавший «Материалы для истории вопросов, предложенных на [первых четырех] археологических съездах в России»[3].

Попытаемся и мы осуществить сводку материалов по истории и древностям Туркестанского края, фигурирующих в Трудах археологических съездов.

Как известно, впервые, мысль о созыве археологических съездов была высказана А. С. Уваровым (1828—1884) на заседании Московского археологического общества (МАО) 3 ноября 1864 г.[4].

Интересно заметить, что сам А. С. Уваров с большим вниманием относился к прошлому Средней Азии и придавал изучению его исключительно большое значение, что делает ему честь как исследователю. Это подтверждается содержанием обнаруженного нами в архиве письма А. С. Уварова от 11 января 1883 г., написанного в связи с направлением на имя Туркестанского генерал-губернатора «инструкции для исследования курганов, помещенной в I выпуске VI тома «Древностей», и своей статьи «О признаках народности могильных насыпей»[5].

«По этой статье, — писал А. С. Уваров, — Ваши исследователи увидят, на какие подробности надо обращать внимание при раскопке курганов». Далее Уваров писал: «Из Вашего желания иметь эти инструкции я заключаю, что Вы наверно намереваетесь обратить внимание на многочисленные памятники старины, находящиеся в вверенном Вам крае. Наперед радуюсь за такое намерение, которое доставит нам много драгоценного материала для нашей отечественной археологии. Позвольте мне присоединить мою искреннейшую просьбу положить начало к исследованию древностей Туркестанского края. Доселе мы почти ничего не знаем об этом крае, в отношении его памятников, *а между тем ключ к пониманию*

---

[3] Антропологическая выставка Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. I, М., 1878, стр. 90—96.

[4] Это было одной из несомненных заслуг А. С. Уварова перед наукой, консервативные политические взгляды которого и нередко проявлявшийся в его работах аристократический дилетантизм не могут, однако, перекрыть и того прогрессивного, что было в его активной и многогранной деятельности на поприще русской археологии (Ср. А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии, М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 85—88).

[5] ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 240, л. 13.

русской истории несомненно лежит в азиатских поселениях (курсив наш. — *Б. Л.*). Научные силы, которые Вам понадобятся, наверно найдутся. Я убежден также, что многие из наших ученых с радостью отправились бы к Вам для исполнения такой задачи.

Еще раз повторяю, что радуюсь наперед началу, которое Вы положите для науки»[6].

В этом интересе А. С. Уварова к памятникам древности далекого Туркестана мы вправе видеть отголосок его прогрессивного стремления связать воедино все области отечественной археологии, как говорится, и по вертикали (от первобытной археологии к средневековой) и по горизонтали (от центральных областей к окраинным)[7].

Что касается археологических съездов, то им суждено было занять видное и общепризнанное место в истории дореволюционной русской археологии[8].

I археологический съезд состоялся в Москве в 1869 г., последний —XV —в Новгороде в 1911 г.

В Трудах съездов (в общей сложности 37 томов), а также в выпускавшихся в связи с созывом отдельных съездов изданиях Предварительных комитетов, каталогах съездовских выставок и т. д. содержится огромное количество различных, нередко весьма ценных исследований и публикаций вещественных, рукописных, архивных, картографических и других материалов, многие из которых в той или иной мере не потеряли своего значения и сейчас[9]. Положительной стороной деятельности съездов являлось, в частности, то обстоятельство, что она не ограничивалась сферой собственно археологии. На страницах съездовских Трудов довольно широко публиковались нумизматические, историко-географические, историко-этнографические и другие материалы.

Наиболее высокий удельный вес в Трудах занимали древности классические, византийские, западно-европейские, церковные, отчасти первобытные и др. Восточные же действительно не стояли в центре внимания участников съездов. Так,

---

[6] ЦГА УзССР КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 240, л. 13 об.

[7] А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии, стр. 85.

[8] Археологические съезды. Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. II, Араго-Аутка, СПб., 1890, стр. 288; Д. Б. Шелов. Археологические съезды, Советская историческая энциклопедия, т. I, Аалтонен-Аяны, М., 1961, стр. 823—824; С. А. Жебелев. Введение в археологию, т. I, Петроград, 1923, стр. 123; А. Л. Монгайт. Археология в СССР, М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 41.

[9] Ср. Алфавитный указатель статьям, речам и докладам, входящим в состав Трудов первых 12-ти археологических съездов и их Предварительных комитетов, Труды XII АС в Харькове, 1902, т. III, М., 1905, стр. 1—49 (Приложение).

на I—VII съездах из 169 заседаний им было посвящено всего лишь 12[10], а из 1261 реферата, прочитанного на двенадцати археологических съездах с 1869 по 1902 г., на долю «древностей восточных» пришлось 100, из которых 54 было прочитано на IV и V съездах в Казани и Тбилиси[11].

Характерны даже места созыва съездов. «Восточнее меридиана Москвы было только два археологических съезда: в Тбилиси и Казани. Таким образом, восточная часть Европейской России и Азиатская Россия были обследованы меньше всего»[12].

Впрочем, и на V археологическом съезде в Тбилиси в центре внимания были в первую очередь христианские древности Кавказа и Закавказья[13].

И все же жизнь брала свое. Медленно и не сразу, но среднеазиатские вопросы и тематика начинали входить в повестку дня археологических съездов.

Характерно, что в перечне вопросов, предложенных к обсуждению на I археологическом съезде в Москве в 1869 г. по разряду «Археология Востока», мы не находим вопросов, относящихся к территории Средней Азии[14]. То же относится к повестке дня заседаний Отделения «Древности восточные»[15]. Однако уже в перечне вопросов аналогичного разряда, предлагавшихся вниманию II съезда в Петербурге в 1871 г., мы встречаем группу вопросов, прямо или косвенно касающихся прошлого Средней Азии: «40. Миф ли Зороастр или

---

[10] Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования, М., 1800, гл. IV «Исторический очерк деятельности русских археологических съездов в связи с деятельностью Московского археологического общества», стр. 106.

[11] П. С. Уварова. Обзор деятельности 12-ти первых археологических съездов с 1869 по 1902 год, Труды XII АС в Харькове, 1902, т. III, М., 1905, стр. 421.

[12] Ю. В. Готье. Археология в России и СССР, БСЭ, т. III, М., 1926, стр. 540. То обстоятельство, что из всех археологических съездов наибольшее значение для востоковедения имели именно Казанский (1877) и Тифлисский (1881), было отмечено в свое время В. В. Бартольдом (В. В. Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки, Записки Вост. Отд. Русск. Археолог. Об-ва, т. XXV, Петроград, 1921, стр. 349).

[13] В известной мере не лишено оснований замечание по этому поводу М. Г. Худякова (вообще говоря склонного к излишне прямолинейным выводам) о том, что «изучение христианских древностей было косвенным образом направлено против мусульманства — религии недавних противников русского правительства в турецкой войне» (М. Г. Худяков. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов, Л., ГАИМК, 1933, стр. 102).

[14] Труды I АС в Москве, 1869, I, М., 1871, стр. XXVI—XXVII.

[15] Там же, стр. CXXXIX—CXL.

действительное лицо? 41. Был ли Зороастр основателем религиозного дуализма? 42. Религия древнейших Ахеменидов по клинообразным надписям тождественна ли с религией Зороастра? 43. К какому племени принадлежали народы во времена Ахеменидов, живущие к северу от Яксарта и к востоку от Бактрияны, к арийскому или туранскому? Туран у персов не был ли термином географическим, а не этнографическим? 44. В какой степени достоверны известия Сымацяневых исторических записок и истории старшей династии Хань о передвижении кочевых народов Средней Азии во II веке до Р. Хр.? 45. Не потому ли азиатские кочевые народы покоряли в древности оседлых, что стояли выше их умственно и нравственно? 46. Причину частых вторжений в Мавероеннагр не следует ли искать не только в географическом положении этой страны, но и в общественном строе ее коренных жителей»[16].

Любопытно отметить, что 40, 41 и 42 вопросы были предложены К. А. Коссовичем[17], 43, 44, 45, 46 — известным русским востоковедом В. В. Григорьевым.

На заседании Отделения древностей восточных II съезда[18] 18 декабря 1871 г. состоялось чтение В. П. Васильева, касавшееся «объяснения древних исторических названий и городов Средней Азии. Он показал, что в образовании этих названий сказывается заметное влияние китайского языка»[19].

III съезд в Киеве (1874 г.) не уделил внимания древностям Средней Азии.

IV съезд состоялся в 1877 г. в Казани — одном из центров русского востоковедения, — и потому было логичным ожидать проявления на съезде повышенного интереса к древностям Средней Азии.

---

[16] Труды II АС в Петербурге, 1871, II, СПб., 1881, стр. XIII—XIV. Ср.: [Среднеазиатские вопросы на II Археологическом съезде в СПб.], Туркестанские ведомости, Ташкент, 14 июня 1871 г.

[17] Каэтан Андреевич Коссович — редактор ученых работ Публичной библиотеки в Петербурге (Ср. А. С. Шофман. К. А. Коссович как востоковед, Очерки по истории русского востоковедения, VI, М., 1963, стр. 254—269).

[18] Председателем Отделения являлся В. В. Вельяминов-Зернов, секретарями — В. Г. Тизенгаузен и П. И. Лерх.

[19] Труды II АС, II, стр. 58. В. П. Васильев — известный русский китаевед (Ср. З. И. Горбачева, Н. А. Петров, Г. Ф. Смыкалов, Б. И. Панкратов. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900). Очерки по истории русского востоковедения, II, М., 1956, стр. 232—340). В сентябре 1890 г. В. П. Васильев посетил Туркестанский край. Здесь он беседовал с Н. П. Остроумовым и другими туркестановедами, о чем упоминается в неопубликованных дневниках Н. П. Остроумова (ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп.1, д. 125, л. 37—40).

Действительно, Средняя Азия фигурировала в работах съезда значительно чаще, чем раньше, хотя и не в той степени, в какой можно было предполагать.

На заседании Отделения восточных древностей В. Д. Смирнов прочитал доставленный туркестанским генерал-губернатором реферат «О памятнике Кузу-Кёрпеч и Баян-Слу и относящейся к нему легенде».

Бо̀льший интерес представило выступление В. В. Радлова, не только слышавшего эту легенду в разных местах и в приложении к разным памятникам, но и лично осматривавшего упомянутый памятник. По словам В. В. Радлова, «самый памятник магометанского происхождения и, вероятно, очень древний. Изваяния же, которые возле него находятся (бабы), стоят особняком от памятника и, надо полагать, принесены к нему после благочестивыми почитателями памятника»[20].

Заслуживает внимания то, что на IV съезде фигурировал ряд сообщений местных туркестановедов — Н. А. Маева, М. А. Терентьева и др. Так, была прочитана записка Н. А. Маева о древних развалинах и курганах в Сырдарьинской области, в которой автор «подробно перечислял развалины городов, приводил местные предания и в заключение говорил о персидской надписи, высеченной на скале в Джелан-Утинском ущелье»[21].

В своем выступлении по материалам Маева В. В. Радлов «разделил описываемые Маевым древности на последователь-

---

[20] Известия о занятиях четвертого археологического съезда в Казани, № 4, 4 августа 1877 г., стр. 51—53; См. также: Труды IV АС в Казани, 1877, т. I, Казань, 1884, стр. XLXI. Более подробно о каменных сооружениях, связываемых с легендарными именами Козу-Керпеча (Козы Керпеш) и его возлюбленной Баян-Слу, см.: Н. Н. Пантусов. Древности Средней Азии. Памятник Козу-Карпеш и Баян-Слу в Лепсинском уезде. Предисловие Н. Ф. Катанова. Казань, 1902, стр. 21. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, IV, 1899, стр. 21—48.

[21] Известия о занятиях..., № 7, 16 августа 1877 г., стр. 105. Николай Александрович Маев (1835—1896) — военный, участник хивинского и кокандского походов, с 1870 по 1892 г. — редактор газеты «Туркестанские ведомости», автор многих публикаций туркестановедческого характера (их неполный перечень см.: Туркестанские ведомости, 11(23) января 1896 г.). Интересовался древностями края, вывез их коллекции из Восточной Бухары (Туркестанские ведомости, 20 июля 1876 г.). По словам современных исследователей, упомянутая выше его записка на IV археологическом съезде «выгодно отличалась от остальных тем, что в ней была сделана попытка, пусть неумелая и во многом неверная, как-то систематизировать по периодам археологические памятники» (Т. И. Зеймаль, Е. В. Зеймаль. Еще раз о месте находки амударьинского клада, Известия Отд. общ. наук АН ТаджССР, вып. 1 (28), Душанбе, 1962, стр. 43).

ные группы: доисторическую, бактрийскую, монгольскую и магометанскую. Имена древних героев приурочены в позднейшее время вследствие чтения персидских поэтов»[22].

В выступлении Радлова примечательно выделение им рубрики «доисторических» (добактрийских, доантичных) памятников, а также его указание, что «на основании собственных в Средней Азии путешествий и наблюдений... в пустынях Средней Азии необходимым условием населенности служит система арыков или канав, которые могут поддерживаться многолюдным населением; повреждение и разрушение этого искусственного орошения ведет за собою совершенное запустение страны, дотоле густо населенной»[23].

Н. И. Ильминский прочитал сообщение М. А. Терентьева о развалинах крепости Турткуль в Токмакском уезде[24], а В. Д. Смирнов — сообщение о колонне в том же уезде и «соединенных с этим памятником легендах киргиз и сартов»[25].

Д. О. Петров-Борзна прочитал свою заметку «О вещественных доказательствах археологии, а также о собирателях древности и кладоискателях в Средней Азии». По словам протокола, «во время своего чтения Петров-Борзна показывал замечательнейшие камни и монеты»[26].

---

[22] Известия о занятиях..., № 7, 16 августа 1877 г., стр. 105. В. В. Радлов отметил также, что представленное Маевым «описание местности Ходжента и по берегам реки Сырдарьи составлено без всякой системы... Предположение, что первые города в этой местности были построены Александром Македонским — не более, как предание» (Труды IV АС в Казани, т. I, стр. XIII—XIV).

[23] Известия о занятиях..., № 7, 16 августа 1877 г., стр. 105.

[24] Там же, стр. 106.

[25] Известия о занятиях..., № 7, 16 августа 1877 г., стр. 106. Имеется в виду «колонна при р. Буране в Токмакском уезде», т. е. так называемая «Башня Бурана» (Труды IV съезда, т. I, стр. XIV).

[26] Там же, стр. 106—107. См. также: Д. О. Петров-Борзна. О вещественных доказательствах археологии, а также о собирателях древностей и кладоискателях в Средней Азии, Труды IV АС, т. I, Протоколы, стр. LXV—LXVI. Даниил Осипович Петров-Борзна — забытый самаркандский любитель и собиратель древностей, чья жизнь и деятельность ждут своего описания. По собранным нами данным, Петров-Борзна — автор ряда среднеазиатских корреспонденций, публиковавшихся в «Петербургской газете» и не лишенных этнографического интереса. Он автор статьи «Курбан-хан. Первая певица и танцовщица в Самарканде» (Всемирная иллюстрация, 1874, № 291) и др. Многократно жертвовал музеям и библиотекам предметы из своей коллекции: в 1869 г. принес в дар Публичной библиотеке в Петербурге рукопись «Капли рассыпанных жемчужин из изречений Али Ибн Абу Талиба» (Самарканд, 1457 г. х.; Отчет Публ. библиотеки за 1869 г., СПб., 1870, № 17, стр. 93; современный шифр «Ар. н. с. 88»); Собрал в Средней Азии более 2500 монет, «из коих некоторые, не известные в нумизматике, описаны В. Г. Тизенгаузеном» (Архив РАО, ф. 3, д. 426, л. 118); передал для описания В. В. Григорьеву 80 монет илек-ханов, принес в дар Эрмитажу камень с куфической надписью (Там же, л. 118—

На одном из заседаний Отделения было сделано также доставленное туркестанским генерал-губернатором сообщение о древних памятниках, сохранившихся в Верненском уезде (бугров, курганов, каменных укреплений)[27].

Особого внимания заслуживает то, что на организованной к IV съезду выставке по залу «Монеты и древности восточные»[28] были представлены собрание монет А. С. Реукова (в том числе монет саманидских, отнесенных к разряду древнеперсидской нумизматики) и обширное собрание монет и других среднеазиатских древностей из известной коллекции Д. О. Петрова-Борзны. В этой последней было представлено 48 камей (с изображением «оленя и ворона, жреца перед жертвенником, жреца с факелом, носорога, насекомого, животного с человеческим лицом, льва[29], знаков Зодиака — Козерога, Скорпиона и Стрельца, Пса, цветка — лотоса (?), насекомого[30], руки и уха (?), жертвенника, лошади[31], фигуры человека[32], головы[33], Астарты, головы Медузы, портрета воина[34], головы, головы индийской женщины[35], головы грека, воина со щитом, петуха с неизвестными знаками, птицы с веткой, собаки, быка, лошади, насекомого, животного, кабана, зайца, грифона[36], головы птицы» и др.)[37].

---

119). Обществу любителей древней письменности им были «уступлены... коллекции камней с надписями, а также древних камней и разных украшений» (Там же, л. 119). Часть собранных Петровым-Борзной монет была приобретена гр. Строгановым (ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 103, л. 2). В архиве РАО (Ленинград) нами обнаружена записка Петрова-Борзны от 22 декабря 1888 г. «Развалины города Пайкента (в 40—50 вв. от Бухары по дороге в Чарджуй)» (Архив РАО, ф. 3, д. 546, л. 1—9). Здесь же его отзыв о раскопках В. В. Крестовского на Афрасиабе. Как «ревностный собиратель древностей, преимущественно восточных монет», Петров-Борзна был избран членом- сотрудником РАО. Ср. о нем упоминание Ильминского: «Из Самарканда (на съезде 1877 г.) был один старик, Петров-Борзна, русский, у которого большое собрание разного рода редкостей». Извлечения из писем Н. И. Ильминского к Н. П. Остроумову, Казань, 1900, стр. 3 (Приложение к кн.: П. В. Знаменский. Значение Н. И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае, Казань, 1900).

[27] Известия о занятиях...„ № 10, 21 сентября 1877 г., стр. 162—163; Труды VI АС, I, стр. XV.

[28] Указатель к этому залу был составлен В. К. Савельевым и И. Ф. Готвальдом.

[29] Рубин.

[30] Рубин.

[31] На меди, с пехлевийскими надписями.

[32] С пехлевийскими надписями.

[33] Рубин, с пехлевийскими надписями.

[34] Миниатюрный, на рубине.

[35] Бирюза.

[36] Кольцо.

[37] Неизвестное украшение (сердолик), «следы знаков», «рубиновая голова, наподобие мумии (вставлена в перстень)». Изображения «насекомых» повторяются на нескольких камеях.

В этом же отделе коллекции Петрова-Борзны («Отдел 1. Камеи») фигурировали «камни с вырезанными надписями» (№ 49—71), под которыми подразумевались «надписи арабские», куфические и другие, частично неразобранные. На «камнях» (ляпис-лазурь, бирюза, сердолик), на медных кольцах[38] содержались религиозные формулы («царство принадлежит богу», «нет силы, кроме у бога» и т. п.) и собственные имена «Али бен Мохаммед, Мохаммед бен Хасан, Ахмед бен Аллабас, Мохаммед бен Абдул Вахид» и др.)[39].

В коллекции Петрова-Борзны фигурировали также «разные вещи» (18 серебряных колец с разными камнями и стеклами, четыре древних кольца: два каменных, одно серебряное и одно медное, две булавки с украшениями, «мусульманский компас, указывающий Мекку»), обширная группа амулетов (яшма, сердолик, коралл, ляпис-лазурь, белый кварц и т. д.), «готовые камни для изделий», часть «надгробного памятника одного из восточных царей. Камень белого мрамора с куфической надписью художественной отделки», «мраморный камень с древней арабской надписью» и др.

Нумизматический отдел коллекции Петрова-Борзны был представлен серебряными монетами Александра Македонского (2), царей Бактрии (13), а также монетами саманидскими, туркестанских илеков, тимуридов, шейбанидов, бухарскими, хивинскими и др.[40]

Кроме того, на выставке демонстрировались доставленные генерал-губернатором Туркестанского края Кауфманом карты (Туркестанского военного округа, Верненского, Копальского, Токмакского и других уездов) и «рисунок башни, находящейся в урочище Бураны, на юг от Токмака в 13 верстах»[41].

Нумизматическая часть коллекции Д. О. Петрова-Борзны привлекла внимание В. К. Савельева, который прочитал на заседании Отдела восточных древностей съезда свой отчет о монетах из собрания Д. О. Петрова-Борзны и изложил сведения об этих монетах в следующем порядке: «1) Александра Македонского; 2) греческие, Диодота, 3) бактрийские; 4) мо-

---

[38] Мы считаем, что здесь ошибка: с № 72 фигурирует «отдел 2», в котором продолжают перечисляться те же «камни» с вырезанными надписями. Отдел этот следует начинать с № 49 и далее (по № 178).

[39] Указатель выставки при четвертом археологическом съезде, стр. 66—68 (Приложение к кн. «Известия о занятиях четвертого археологического съезда в Казани, издаваемые под редакцией секретаря съезда Д. А. Корсакова», Казань, 1877).

[40] Указатель выставки при четвертом археологическом съезде, стр. 73—74.

[41] Там же. стр. 77—78 (№ 41).

неты с изображением головы с бородой и остатками греческой надписи на одной стороне, а на другой — лошади; 5) сасанидские; 6) наместников калифских; 7) саманидские, 8) туркестанских илеков; 9) Менгухана; 10) хорезмшахов; 11) Тимура; 12) Шахроха; 13) две перечеканенные монеты; 14) джучидские Тохтыбека и Джанибека; 15) джучидские монеты чеканки халифов; 16) шейбанидские; 17) бухарские; 18) кокандские; 19) хивинские; 20) хотанские; 21) афганские; 22) гулагидские; 23) китайские» и др.

В. К. Савельев пришел к выводу, что «в собрании Петрова-Борзны очень много монет интересных и редких; есть даже совсем неизданные...»[42]. Так как Д. О. Петров-Борзна «изъявил желание продать свою коллекцию монет, то было бы важно для науки, чтобы она была приобретена каким-нибудь ученым учреждением»[43].

На V съезде в Тбилиси известный русский геолог И. В. Мушкетов представил сообщение о гробнице Тимура в самаркандском Гур-Эмире[44]. И. В. Мушкетов правильно определил породу камня, из которого изготовлено надгробие Тимура (лучистый камень — нефрит), и высказал веское предположение о том, что эта глыба нефрита происходит из месторождений Восточного Туркестана.

Вниманию VI АС в Одессе (1881) Н. И. Веселовским были предложены вопросы: «Существуют ли какие-либо частные отличия в кочевом быте, смотря по народности кочевников, или же он повсюду одинаков?»[45], «Каким образом и когда

---

[42] Известия о занятиях..., № 7, 16 августа 1877 г., стр. 107. Виктор Константинович Савельев (1810—1882) — русский ученый-самородок. В короткое время В. К. Савельев приобрел в ученом мире репутацию общепризнанного специалиста-нумизмата. Ср. В. К. Савельев (1810—1882). Некролог. В кн. «Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования», М., 1890, стр. 300—302.

[43] Труды IV АС в Казани, т. I, стр. XVI. Здесь приводятся (стр. XV—XVI) более подробные сведения В. К. Савельева о коллекции Петрова-Борзны. По поводу четырех «маленьких монет с изображением головы с бородой и остатками греческой надписи с одной стороны, с другой же — лошади», Савельев заметил, что «в его собственной коллекции есть такие же экземпляры, но между монетами, привезенными Д. О. Петровым-Борзною из Самарканда, встречаются новые, совершенно неизвестные до сих пор виды монет» (стр. LXV).

[44] И. В. Мушкетов, О гробнице Тамерлана в Самарканде, Труды V АС, т. I, Труды предварительных комитетов, М., 1882, стр. XXIV. [И. В. Мушкетов.] О гробнице Тамерлана в Самарканде, Труды V АС в Тифлисе, 1881, М., 1887, стр. XXIV—XXVI. Ср. И. В. Мушкетов. Нефрит и его месторождения, Горный журнал, 1882, № 6.

[45] Шестой съезд археологический в Одессе. 15 августа 1884 года, Одесса, 1883, стр. 6 (Предварительный комитет в Москве).

исчезло в Средней Азии имя Гузов и заменилось именем Туркмен, если Туркмены суть прежние потомки Гузов?»[46].

На VI съезде Н. И. Веселовскому принадлежал доклад на тему «О времени принятия киргизами ислама»[47]. Он отмечал, что киргизов (казахов) принято считать мусульманами. Между тем «ни в XVI, ни в XVII в. ни в первой половине XVIII столетия киргизы... понятия об исламе не имели».

В числе вопросов, предлагавшихся на обсуждение VII АС в Ярославле (1887), мы встречаем обширный круг вопросов туркестанского цикла, предложенных М. В. Никольским («О сирских надгробных надписях, находимых в Семиреченской области») и Н. И. Веселовским («Могильники-курумы в Чустском уезде Ферганской области, известные у туземцев под названием мукхане или иначе карахатай-хане, могут ли быть приписаны, по находящимся в них похоронным предметам народу карахатайцам (кара-киданям)?»; «Буддийские идолы, находящиеся на Афрасиабском городище (близ Самарканда) и указывающие на широкое распространение буддизма в древней Согдиане, попадаются ли и в других местах Средней Азии?»; «Добытые на Афрасиабе глиняные головки, изображающие мужчин с усами, но без бород, дают ли право заключить о существовании некогда в Средней Азии обычая брить бороды?»; «Глиняные саркофаги из Афрасиаба, с рельефными изображениями людей и животных, могут ли быть отнесены к эпохе династии Сасанидов на том основании, что головные уборы на некоторых изображениях похожи на корону сасанидских царей на монетах?; «Какое значение имеют изображения животных на монетах илеков?»; «Можно ли считать достоверною родословную Тамерлана от Чингиз-хана, как приведено это на его могильной надписи?»)[48].

На заседаниях Отделения восточных древностей съезда были прочитаны доклады Н. И. Веселовского «О надгробном памятнике Тимура в г. Самарканде»[49] и С. С. Слуцкого «О надгробных семиреченских надписях».

---

[46] Там же, стр. 8. Ср. Труды VI АС в Одессе, 1884, т. I, Одесса, 1886, стр. XXVII, XXX.

[47] Рефераты заседаний VI АС в Одессе, стр. 5 (Отделение восточных древностей; заседание 20 августа).

[48] Труды VII АС в Ярославле, 1887, т. III, М., 1892, стр. 11 (Протоколы). Ср. [Вопросы проф. Н. И. Веселовского по археологии Туркестана для VII археологического съезда в Ярославле], Туркестанские ведомости, Ташкент, 9 декабря 1886 г.

[49] Н. И. Веселовский. Надгробный памятник Тимура в Самарканде, Труды VII АС в Ярославле, 1887, т. II, М., 1891, стр. 67—72; Известия о занятиях седьмого археологического съезда в Ярославле 6—20 августа 1887 года, Ярославль, 1887, № 10, стр. 6—7.

Не останавливаясь здесь на докладе С. С. Слуцкого (его работы по семиреченским надписям были опубликованы)[50], отметим только ход прений по нему, происходивший при участии видных русских ученых.

Так, М. В. Никольский считал, что наблюдения С. С. Слуцкого относительно языка и шрифта надписей («сирийцы писали в древности вертикально, а не горизонтально») исправляют частью ошибки проф. Д. А. Хвольсона. Н. И. Барсов отмечая, что в надписях нет прямого указания на несторианство, «выразил сомнение в несторианском, а не православном происхождении их». Возражая Н. И. Барсову, М. В. Никольский указывал, что «в содержании надписей есть несомненные признаки несторианства (указание на то, что епископы могли вступать в брак) и это согласуется со свидетельствами путешественников того времени, которые находили в Средней Азии только несториан как представителей христианства». Н. И. Барсов подчеркнул, что православие все же предшествовало в Персии несторианству. М. В. Никольский, возражая, полагал, что в XIII—XIV вв. христианство не могло проникнуть в Среднюю Азию в форме чистого православия.

Вместе с тем оба ученых «допускали возможность в Семиречье какой-нибудь переходной, не чистой формы несторианства »[51].

П. С. Уваров выступила на страницах трудов съезда со статьей «Областные музеи», специальный раздел которой был посвящен Туркестанскому музею в Ташкенте[52].

П. С. Уварова обращала особое внимание на такие предметы из собраний музея, как бронзовый сосуд из-под оз. Иссык-Куль, золотой браслет из Ахсы (Ахсикета)[53], браслет из золотой пластинки оттуда же, золотые серьги, перстень из золота, серебра и оникса, бусы из сердолика, топаза и др., надгробные камни из окрестностей Ташкента, бронзовые

---

[50] См. С. С. Слуцкий. Семиреченские несторианские надписи. Древности. Труды Восточной комиссии, т, I, М., 1893, стр. 1—66 и 176—194. Историю изучения сирийско-несторианских надписей Семиречья см.: Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958, стр. 147—153.

[51] Труды V АС, III, стр. 77; Известия о занятиях седьмого археологического съезда в Ярославле 6—20 августа 1887 года, Ярославль, 1887, № 10, стр. 6—7.

[52] П. С. Уварова. Областные музеи, Труды VII АС в Ярославле, т. II, стр. 259—281 (Прибавление VI, «Туркестанский музей в Ташкенте», стр. 321—323).

[53] «Несколько сосудов из той же местности, — замечает П. С. Уварова, — и весьма изящные привески из амандина имеются в частной коллекции Акрам-Аскарова» (Там же, стр. 321).

браслеты «с витыми прямыми рогами на концах; тип новый и неизвестный», обломки стеклянной посуды из Афрасиаба, сосуд глиняный поливной синий с изображениями, «глиняный саркофаг (оссуарий. — *Б. Л.*) из Ниазбаша», сосуд-баклажка с никифоровских земель близь Ташкента, сосуд с «звериной бараньей ручкой» оттуда же, обломок оссуария (?) с «грубым изображением человека» с никифоровских земель, бронзовая литая нога верблюда из Самарканда (?), гранитовые молот и пест, бронзовая кирка грубой отливки, бронзовый сосуд из Аксы «с птичьим клювом, одного рисунка и металла с подобным же сосудом из коллекции Аскарова», лампады (светильники. — *Б. Л.*), каменная баба из Мерке.

На VIII археологическом съезде в Москве (1890) Н. И. Веселовский напечатал статью о подробностях смерти Мухаммеда Шейбани[54], отмечая, что Туркестанский край постоянно представлял собой арену для столкновений кочевников с оседлыми[55]. Последний натиск произвели узбеки под предводительством хана Мухаммеда Шейбани, в результате чего «узбеки поселились в стране оседлой и остались в ней навсегда». Жизнь хана Шейбани пресеклась «на 61 году... по мусульманскому счету, по нашему же на 59-м»[56].

Согласуя данные рукописных источников, Веселовский находил достоверным сообщение о том, что Шейбани-хан погиб на поле битвы под Мервом, будучи затоптан собственным же войском при его отступлении (задохся под «руками и ногами» бежавших)[57]. Враги отрезали от трупа голо-

---

[54] Н. И. Веселовский. Подробности смерти узбецкого хана Мухамеда Шейбани, Труды VIII АС, т. II, М., 1897, стр. 285—299.

[55] Н. И. Веселовский считал «поразительным по своим последствиям факт» порабощения оседлых народов кочевниками, причем «оседлые при значительном преимуществе перед кочевниками в численности — последние никогда не были очень многочисленны — и в вооружении, при хороших средствах к обороне в виде укрепленных городов никогда не могли устоять перед натиском кочевых народов; так шло дело с незапамятных времен и прекратилось лишь недавно... в силу значительных успехов культуры оседлых... тогда как кочевая жизнь почти вовсе не развивается. К тому же многие кочевники обратились к оседлой жизни» (Там же, стр. 290).

[56] Все переводы с персидского для статьи Н. И. Веселовского (кроме «Шереф-намэ») были сделаны В. А. Жуковским и сопровождены его примечаниями.

[57] Воспроизводимые Веселовским данные к биографии Шейбани, в частности дата и обстоятельства его смерти, восприняты новейшими исследователями (Ср. А. А. Семенов. [Завоевание Мавераннахра Шейбани-ханом]. В кн. «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, Ташкент, 1955, стр. 388).

ву, а затем оправили череп в золото и превратили его в чашу для питья, подававшуюся Исмаилу Сефеви.

Веселовский анализировал подобный обычай на Востоке и считал, что сообщения рукописей на этот счет не вызывают сомнений. Сам же труп Шейбани был отбит узбеками и похоронен в особой дахме в Самарканде. Веселовский рассматривает в своей статье вопрос о функциональном назначении и устройстве дахм[58]. Автор сообщает также, что когда в 80-х годах XIX в. в интересах перепланирования города дахма с телом Шейбани-хана была снесена, а останки перенесены в новую дахму, то, по сообщению уездного начальника Г. А. Арандаренко, «скелет Шейбани-хана оказался неполным: недоставало черепа».

«Таким образом, — заключал Веселовский, — свидетельство персидских историков подтвердилось археологическими данными. Настоящий случай свидетельствует, как история нуждается в содействии археологии. Но не менее того нуждается и археология в помощи истории».

Статью завершают текст и надпись «с надгробного камня хана Шейбани» и ее перевод, сделанный В. А. Жуковским и просмотренный В. Р. Розеном.

Дата смерти Шейбани-хана — 30 ноября 1510 г., что противоречило сведениям надписи, обнаруженной в 1868 г. М. А. Терентьевым в самаркандской цитадели на развалинах ворот Ак-дерваза (1569 г.). Дата эта установлена на основе чтения Терентьевым хронограммы надписи[59]. Заново прочитанная В. А. Жуковским, эта дата означает 917 год и дает разницу уже всего на год. Возможно, однако, и другое чтение, дающее 916 год[60].

На VIII съезде вновь разгорелась дискуссия касательно семиреченских несторианских надгробий.

В своем докладе о них Д. А. Хвольсон[61] говорил «о раннем распространении несторианства... на востоке — в Средней Азии, в Южном и Северном Китае и между тюркскими племенами... почти до Байкальского острова... В начале IX и в на-

---

[58] «Дахмой» Веселовский неточно именовал террасообразное, облицованное камнем возвышение, в пределах которого находились средневековые погребения.

[59] Хрестоматия турецкая, персидская и узбекская. Составил Михаил Терентьев, СПб., 1876, стр. 31—32, 85, 92—93, табл. 31.

[60] Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 298—299.

[61] Д. А. Хвольсон. О сиро-несторианских надгробных надписях, найденных в Семиреченской области, Труды VIII АС в Москве, т. IV, М., 1897, стр. 112, См. также: Занятия восьмого археологического съезда, М., 1890, стр. 96—97.

чале XI веков целые тюркские племена и могущественные тюркские государства приняли христианство».

Далее Хвольсон описывал надписи и воспроизводил свои переводы с них.

С. С. Слуцкий полемизировал с Хвольсоном по поводу толкования отдельных слов надписей и изображения креста на них[62].

Под влиянием критики Слуцкого Хвольсон отказался от мнения о присутствии арабских букв в тюркских словах и надписях.

В числе вопросов, предложенных на обсуждение съездами, находим вопросы Н. И. Веселовского: «В какой степени подтверждаются археологическими данными летописные известия о смерти узбецкого хана Шейбани?» и «Какие титулы на монетах ханов караханидов (илеков) упоминаются в исторических памятниках?» и вопрос Д. А. Хвольсона «О найденных в Семиречье сиро-несторианских надгробных надписях, их научном значении и важности»[63].

Вниманию X археологического съезда в Риге (1896) были предложены вопросы Андерсона: «Об отношении угрофинских языков, с одной стороны, к самоедским, туркестанским и монгольским и, с другой стороны, к индоевропейским» и Слуцкого «Семиреченские христианские надписи»[64].

На заседании Отделения древностей восточных XI съезда в Киеве (1899) Н. И. Веселовский выступил с сообщением о разорении Самарканда во второй половине XIX в.[65].

---

[62] Безвременно скончавшийся даровитый русский востоковед Сергей Сергеевич Слуцкий глубоко интересовался древностями Средней Азии и деятельностью местных научных учреждений (Ср. С. С. Слуцкий. Туркестанский кружок любителей археологии, Труды Восточной комиссии, т. II, вып. 2, М., 1901. Протоколы, стр. 153—154; Он же. Об арабских надписях с могильных плит двух кладбищ из Ферганской области. Древности, т. XVIII, М., 1901, Протокол 505, стр. 135 и др.). О С. С. Слуцком см.: Н. И. Веселовский. История Московского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896, т. II, СПб., 1915, стр. 326—327; В. Ф. Миллер. Памяти С. С. Слуцкого. Древности, Труды Восточной комиссии, т. II, вып. 3, М., 1903, Протоколы, стр. 227.

[63] Труды VIII АС, IV, стр. 12 (Ср. Д. А. Хвольсон. О сиро-несторианских надгробных надписях, найденных в Семиреченской области. Занятия восьмого археологического съезда, М., 1890, 97).

[64] Труды Московского Предварительного комитета X археологического съезда в Риге, вып. I, М., 1895, стр. 24, 34.

[65] Н. И. Веселовский. О последнем разорении города Самарканда. Известия XI археологического съезда в Киеве 1—20 августа 1899 г., Киев, 1899, стр. 117—118; Труды XI АС в Киеве, 1899, т. II, М., 1902, стр. 110 (Протоколы.).

На IX археологическом съезде в Вильно (1893) был зачитан реферат С. С. Слуцкого «К вопросу о каменных бабах». Намечая четыре различных типа «баб», Слуцкий относил к третьему типу сибирские (Алтай и Киргизская степь) изваяния; «его характерные черты: полурельеф (изображение только спереди, а сзади и с боков — плоский камень), одна рука у груди, держит рог, другая лежит ниже, часто придерживая у пояса кинжал»[66].

На XII АС в Харькове (1902) вниманию съезда предлагался вопрос С. Н. Кологривова «Об использовании индейскими (индийскими. — *Б. Л.*) художниками в XVI ст. при дворе Великого Могола Султана Бабера художественных рисунков по персидскому тексту его мемуаров»[67].

На заседании Отделения древностей классических, византийских, восточных и западно-европейских XIII АС в Екатеринославле (1905) Н. И. Веселовский дал историческую справку об обстоятельствах, вызвавших подготовку и издание Археологической комиссией известного «Альбома самаркандских древностей»[68].

Таким образом, выделенные из общей массы Трудов археологических съездов материалы среднеазиатского характера приобретают в общей сложности определенную научную весомость.

Перед нами довольно обширный цикл научных вопросов по Средней Азии, предлагавшихся вниманию участников съезда рядом ученых, в том числе такими видными деятелями отечественного востоковедения, как В. В. Григорьев, Н. И. Веселовский, К. А. Коссович, М. В. Никольский и др.

В числе касавшихся Средней Азии научных докладов и сообщений встречаются доклады и сообщения на такие важные и интересные темы, как истолкование древних названий городов Средней Азии (акад. В. П. Васильев), фиксация и описание памятников древности Сырдарьинской области (Н. А. Маев), Верненского, Лепсинского и Токмакского уездов Семиреченской области (Н. Н. Пантусов, М. А. Терентьев), сирийско-несторианские памятники Семиречья

---

[66] С. С. Слуцкий. К вопросу о каменных бабах. Археологические известия и заметки, т. I, № 9—10, М., 1893, стр. 367.

[67] Труды XII АС, т. III, М., 1905, стр. 237.

[68] Н. И. Веселовский. Альбом самаркандских древностей. Труды XIII АС в Екатеринославле, 1905, т. II, М., 1908, стр. 229 (Протоколы); Известия XIII АС в Екатеринославле, 15—27 августа 1905 года, Харьков, 1905, стр. 77—78. В этом же томе Трудов XIII АС напечатана статья П. С. Уваровой «К вопросу о каменных бабах» (стр. 92—96), отмечающая отсутствие данной категории памятников в Самаркандской области.

(С. С. Слуцкий, Д. А. Хвольсон), выдающиеся памятники более позднего периода средневековья (Гур-Эмир) и т. д. Осуществлялись попытки анализа некоторых конкретных исторических событий на основе сличения данных археологии и этнографии с данными старинных восточных рукописей (доклад Н. И. Веселовского о подробностях смерти Шейбани-хана), освещались события новой истории (вопрос о времени принятия казахами ислама, о политических событиях в Самарканде второй половины XIX в.) и др.

В прениях по этим докладам и сообщениям выступали такие крупные ученые, как Н. И. Барсов, М. В. Никольский, В. В. Радлов, В. Д. Смирнов и др.

Объектами внимания съездов служили археологические собрания туркестанских музеев (П. С. Уварова), коллекции местных собирателей (Д. О. Петров-Борзна и др.).

Следует отметить особо активное участие в работе съездов известного историка Средней Азии Николая Ивановича Веселовского. Именно ему мы во многом обязаны настойчивым стремлением приковать внимание участников съездов к вопросам археологии и истории Туркестанского края.

Заслуживает, в частности, внимания то, что среди вносившихся Веселовским на рассмотрение съездов многочисленных вопросов встречается немало таких, которые свидетельствуют о его научной зоркости, об умении быстро подметить существенное и требующее разъяснения в том материале, с которым ему приходилось встречаться в процессе изучения историко-культурного прошлого Средней Азии. Некоторые из этих вопросов и сейчас ждут своего разрешения востоковедами и археологами.

Так, например, Веселовский предлагал рассмотреть (VI съезд, 1881) вопрос о «частных отличиях в кочевом быте, смотря по народности кочевников» и о том, «каким образом и когда исчезло в Средней Азии имя Гузов и заменилось именем Туркмен, если Туркмены суть прямые потомки Гузов»[69]. На VII съезде Веселовский ставил вопрос о том, могут ли быть древние погребения на территории Чустского уезда Ферганской области, известные под именем мугхона, «приписаны по находящимся в них предметам народу кара-

---

[69] Труды VI АС, т. I, стр. XXVII, XXX. Вопрос не был лишен оснований с тем, однако, необходимым для наших дней дополнением, что, как показало последующее изучение, считать огузов прямыми предками современных туркмен неправильно и огузские племена — лишь одно из этнических слагаемых современного туркменского народа (Ср. Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 3, Ереван, 1959, стр. 85).

Q.C.L. N.Ver

хатайцам (кара-киданям)»[70]. Лишь в 1950—1951 гг. после обследования 300 мугхона горной Ферганы, из которых 21 была разобрана и изучена, удалось установить наиболее вероятную датировку их — I — IV вв. н. э., причем в одной из мугхона была найдена медная китайская монета эпохи младших Ханей (I в. н. э.).

Предлагал Веселовский выяснить также места нахождения в Средней Азии «буддийских идолов» типа «находимых на Афросиабовом городище и указывающих на широкое распространение буддизма в древней Согдиане» (в чем Веселовский был прав). Его интересовали вопросы: чем вызвано присутствие изображений животных на монетах илек-ханов, степень достоверности родословной Тимура в надписи на его надгробии, а также не могут ли некоторые из среднеазиатских оссуариев быть отнесены ко времени сасанидов «на том основании, что головные уборы на некоторых [оссуариях] изображениях похожи на корону сасанидских царей на монетах»[71].

И это наблюдение Н. И. Веселовского имело под собой твердую почву. Уже в наши дни, например, А. А. Потапов пытался относить биянайманские оссуарии к концу V в. н. э., основываясь на характере имеющихся на них изображений, в частности корон, сопоставленных с коронами сасанидских царей[72]. Более поздний автор, не соглашаясь с этой датировкой и высказываясь в пользу VII в., не видел прямых параллелей между названными оссуариями и памятниками «чисто и бесспорно сасанидскими», но в то же время признавал, что, вообще говоря, «связь этого памятника (биянайманского оссуария. — *Б. Л.*) с сасанидским искусством (в широком смысле этого термина) вполне ясна»[73]. Он указывал, что головной убор сидящей фигуры (в изображениях на оссуарии) свидетельствует о том, что «все имеющиеся в нем налицо элементы безусловно встречаются на сасанидских коронах, хотя их и нельзя найти все зараз на какой-либо одной короне»[74].

---

[70] Ср. В. И. Спришевский. Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории, Труды Музея истории УзССР, вып. III, Ташкент, 1956, стр. 53—74.

[71] Труды VII АС, т. III, М., 1892, стр. 11. Ср. [Вопросы проф. Н. И. Веселовского по археологии Туркестана для Археологического съезда в Ярославле], Туркестанские ведомости, Ташкент, 9 декабря 1886 г.

[72] А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы, как исторический источник, ВДИ, М., 1938, № 2/3, стр. 120 и сл.

[73] А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях. Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 98.

[74] Там же, стр. 32.

Можно сказать без преувеличения, что в той мере, в какой вопросы истории Средней Азии фигурировали в работах археологических съездов, мы были во многом обязаны Н. И. Веселовскому. Его смело можно назвать «пропагандистом Средней Азии» с трибуны археологических съездов и на страницах их трудов»[75].

* * *

Как видим, несмотря на то, что история и древности Туркестанского края занимали небольшой удельный вес в Трудах археологических съездов, все же в общей сложности среднеазиатская тематика нашла свое довольно существенное отражение на страницах этих Трудов.

Многие из вопросов исторического прошлого Средней Азии, поднимавшихся и освещавшихся на страницах съездовских трудов, имели для своего времени несомненную новизну и немалое научное значение.

Таким образом, скромный, но реальный вклад всероссийских археологических съездов в дело изучения истории и древностей Туркестанского края вполне заслуживает того, чтобы быть отмеченным в летописях отечественного востоковедения и археологии.

В заключение отметим, что незадолго до революции научная общественность Туркестана поднимала вопрос о созыве одного из очередных археологических съездов на территории Туркестанского края.

Так, на заседании Туркестанского кружка любителей археологии 2 марта 1917 г. специально обсуждался вопрос о необходимости созыва в пределах края очередного Всероссийского археологического съезда[76]. Правда, эта инициатива исходила не от официальных учреждений, а от отдельных лиц. Обсуждение вопроса о созыве такого съезда в Туркестане свидетельствовало о том, что усилиями специалистов и любителей старины в центре и на местах к этому времени было накоплено большое количество материалов по археологии Средней Азии и возникло немалое количество научных вопросов, властно требовавших обсуждения с трибуны Все-

---

[75] Подробнее см.: Б. В. Лунин. Николай Иванович Веселовский как исследователь Средней Азии, Очерки по истории русского востоковедения, VII, М., (находится в печати).

[76] Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, XXI, Ташкент, 1917, стр. 110. Более ранняя постановка вопроса относится к концу XIX в. (Н. Петерсон. О месте будущего археологического съезда, Туркестанские ведомости, 10 октября 1899 г.).

российского археологического съезда[77]. Собрание членов кружка, не предрешая вопроса о месте ближайшего очередного съезда (так как вопрос решается постановлениями самих съездов), признало созыв съезда в Туркестане весьма желательным[78]. Однако развернувшиеся вскоре бурные события революционных лет сделали созыв такого съезда невозможным, не только вследствие возникших временных трудностей материально-технического характера, но прежде всего потому, что социалистическая революция несла с собою другие формы и методы организации научной работы и, главное, ее новое содержание и новые задачи, решение которых в старых организационных и методологических рамках дореволюционных археологических съездов было, естественно, невозможным.

---

[77] Ср. Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане..., стр. 67.

[78] Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.., стр. 111.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический съезд.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ИВЛ — Издательство Восточной литературы.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.
ПТКЛА — Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии.
РАО — Российское императорское археологическое общество.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея.
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета.
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Афанасьевич Шишкин как ученый-археолог и общественный деятель (к 70-летию со дня рождения) . . . 5
Я. Г. Гулямов. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана 17
Д. Н. Лев. Самаркандская палеолитическая стоянка (предварительное сообщение) 22
М. Р. Касымов. Новые данные о каратауских кремнеобрабатывающих мастерских каменного века в Бухарской области 30
Г. Дадабаев. Новое об Иджонтской кремнеобрабатывающей мастерской (по данным работ 1963 г.) 40
У. Исламов. Новые данные о кельтеминарской культуре на Махандарье 45
А. Аскаров. Новые находки Андроновской культуры в низовьях Зарафшана 53
С. Рахимов. Памятник андроновской культуры — Каменка II 61
С. К. Кабанов. Руины поселения III—V вв. в долине Кашкадарьи 71
Л. И. Альбаум. Занг-тепа (раскопки 1962 г.) 87
А. Р. Мухамеджанов. Водоизмерительные сосуды . . . 109
В. А. Нильсен. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафыр-кала под Самаркандом 116
В. Я. Зезенкова. Черепа с городища Кафыр-кала под Самаркандом 124
В. А. Булатова. Некрополь X—XI вв. в Куве 139
И. Ахраров. К истории появления поливной керамики в Средней Азии 147
М. Аминджанова. Среднеазиатское средневековое стекло в собрании Эрмитажа 153
Т. Р. Агзамходжаев. Археологическая разведка в селении Пангаз 159
М. Н. Федоров. Мухаммад хорезмшах и чекан Самарканда в конце первого и во втором десятилетии XIII в. 162
Н. С. Гражданкина. Набережная калы в Старом Термезе . 171
Г. В. Шишкина. О датировке некоторых терракот Афрасиаба . 180
О. В. Обельченко. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии 185
Б. В. Лунин. История и древности Туркестанского края в трудах археологических съездов 201

История материальной культуры Узбекистана. (Сборник статей).
Отв. ред. канд. ист. наук Б. В. Лунин.
Вып. 6. Т., «Наука», 1965.
Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии.
Вып. 6. 1965. 224 стр.

902.6
И90

Редактор А. Неволина
Технический редактор *З. П. Горьковая*
Корректор *Н. Ш. Ахмедова*

Р05047. Сдано в набор 19/I-65 г. Подписано к печати 20/II-65 г. Формат 60×90¹/₁₆=7,0 бум. л. 14,0 печ. л. Уч.-изд. л. 14,0 Изд. № 1285 Тираж 1000. Цена 1р. Переплет 15 к.

Типография Издательства „Наука" УзССР, 2-я Высоковольтная, 21. Заказ 80.
Адрес Издательства: ул. Гоголя, 70

Цена 1 р. 15 к.